

Виль Джемс Дымка (Конь ковбоя)

Перевод с английского М. Гершензона

Аннотация: История жизни и приключений ковбойского коня, преданного своему хозяину единственной любовью.

Виль Джемс

І. ЖЕРЕБЕНОК ПРЕРИИ

Природа была ласкова в тот день, когда маленький вороной жеребенок родился на свет и попробовал упереться длинными шаткими ногами в бурую землю прерии. Короткие стебельки молодой зеленой травы пробивали себе дорогу сквозь свалывшуюся в войлок прошлогоднюю траву. И солнечно, и тихо было в это утро в ложине, где родился Дымка.

Тогда его никто не назвал бы Дымкой, потому что он был совсем черным, это имя он получил позже, когда вырос в стройного четырехлетку и стал ходить под седлом. Свет увидал он не в тесном стойле через окна конюшни, и ни одной человеческой души не было при этом, никого, кто присмотрел бы за ним, помог бы ему стать на ноги и сделать несколько первых шагов. Дымка был жеребенком прерий, и в это утро их было только двое: он да его заботливая мать.

Дымке не было еще и часа, когда в нем проснулся интерес к жизни. Весеннее солнце делало свое дело, тепло растекалось по гладкой черной шерстке и впитывалось в тело, так что скоро уже он поднял голову, уткнулся носом в вытянутые свои передние ноги и принялся их обнюхивать. Мать его была тут же рядом, и, едва он шевельнулся, она коснулась мордой его коротенькой шеи и заржала. При этом звуке Дымка поднял голову еще чуть-чуть выше и заржал в ответ. Ржания не было слышно, видно было только, как у него вздрогнули ноздри. Это было только начало. Еще немного, и его уши заходили взад и вперед, он стал ловить каждый шорох материнского шага. Он все хотел знать, где она.

Потом что-то задвигалось как раз перед ним, в двух шагах от его носа. Сперва Дымка не обратил на это внимания, потому что в глазах у него еще стоял туман. Но когда это «что-то» снова шевельнулось и подвинулось к нему ближе, Дымка вытянул шею и понюхал. Запах ему был знаком, и он успокоился. Это была нога матери. Жеребенок снова насторожил уши и заржал, - на этот раз ему удалось это лучше.

Тут он попробовал встать. Но ноги не слушались его, и едва он приподнял с земли свой живот и сделал маленькую передышку, передняя нога задрожала и подогнулась в колене, весь труд пропал даром.

Дымка лежал на боку и отдыхался. Мать заржала, ободряя его, он снова поднял голову и растопырил ноги. Он старался понять, в чем тут дело. Обнюхал ноги, понюхал землю, прикидывая, как бы приладить одно к другому. Мать ходила вокруг и разговаривала с ним по-своему: то ткнет его мордой, то отойдет в сторонку, стоит и смотрит.

Весенний воздух, который, сдается мне, на пользу всему молодому, немало потрудился, чтоб поднять Дымку на ноги, прогнать с глаз туман и налить его тело силой.

Неподалеку, но все же так далеко, что Дымка не мог их видеть, резвились беломордые телята, носились, высоко вскидывая ноги, из стороны в сторону, бегали, задрав хвосты кверху, так что им позавидовала бы гончая собака.

Здесь были и другие жеребята, которые бродили по ложине и пощипывали свежие побеги травы. И все они - и жеребята и телята - только недавно вышли из того беспомощного состояния, в котором сейчас находился Дымка. Но далеко не всем так повезло, как Дымке. Не всех в день рождения ласково встретило солнце, многие родились слишком рано, когда на земле лежал еще снег или до костей пронизывали холодные весенние ливни.

За несколько дней до того, как родился Дымка, его мать отбилась от своего табуна и спряталась в укромном месте, куда, она знала, не заглянет ни бык, ни лошадь, ни всадник. Немного спустя, когда Дымка будет тверд на ногах, она вернется снова к своим, теперь же ей хотелось быть одной со своим жеребенком.

Мать Дымки была настоящей лошадкой прерий. Кровь мустангов и рабочих ковбойских коней билась в ней.

В холодные дни, когда прерия тонула в снегах, она находила высокие хребты, где сильные ветры не давали держаться снегу и можно было найти корм. Если засухи выжигали траву и вылизывали воду из водоемов, она вынюхивала воздух и пускалась через родную долину к отрогам высоких гор, где всегда можно было напиться. В этих краях бродили кугуары - горные львы - и волки, но чутье мустанга было ей верной защитой. Она вовремя обходила то место, где подкарауливал ее горный лев, а волку никогда не удавалось загнать ее в засаду.

Дымка унаследовал от матери это чутье, но в то тихое весеннее утро ему нечего было бояться, с ним была его мать, а перед ним самым стояла трудная задача, как устоять на длинных, расплзающихся во все стороны ногах, а это требовало смекалки.

Прежде всего нужно собрать их вместе - это он делал легко, - потом передохнул и напряг все силы. Опять понюхал землю, чтобы проверить, где она, и вот наконец поднял голову, вытянул вперед передние ноги. Задние ноги были еще подобраны под живот. Дымка перелил в них все свои силы, всю свою тяжесть перенес на передние - и встал, потому что, на счастье, между ногами оказалось равное расстояние. Теперь оставалось только крепко держать эти ноги и не давать им сгибаться. Не так-то легко было сделать это, потому что, вставая, Дымка истратил все свои силы, и проклятые длинные ноги ходили ходуном.

Пожалуй, все обошлось бы хорошо, но его мать заржала: «Ай молодец!» - и это сбilo Дымку с толку. Он гордо вскинул голову кверху, забыл смотреть за своими ногами - и покатился наземь. Но пролежал он на земле недолго. То ли ему понравилось вскакивать на ноги и валиться снова, то ли его взяла досада - только он тотчас же встал снова и вот стоял не слишком твердо, но все же стоял.

Мать подошла к нему, обнюхала его, он понюхал ее и сразу принялся сосать. Это была его первая кормежка, он быстро набирался сил. От роду ему было полтора часа, а он уже держался на ногах.

Этот день был для Дымки полон событий. Он обследовал всю округу, открыл горы в два фута высотой, широкие долины в шесть или восемь футов в поперечнике, а раз даже убежал один на двенадцать футов от матери. Потом он налетел на скалу, у которой был очень красивый вид, и лягнул ее, пробегая мимо. Все это случилось сразу, и он снова растянулся во весь рост, будто собою хотел измерить землю. Но это была не беда, он был очень счастлив и веселился вовсю. А когда солнце садилось за синие отроги гор, Дымка прозевал всю красоту первого в его жизни заката: он снова лежал, вытянувшись во всю длину, но на этот раз по доброй воле, и крепко-крепко спал.

Ночь могла бы поспорить с ушедшим днем: звезды высыпали часто, и каждая старалась перещегоолять своим блеском других. Охотники гнали стадо буйволов вокруг Большого Ковша - водоема в Краю-счастливых-охот. Но Дымка ничего не видел, он все

еще спал, утомленный приключениями первого дня своей жизни, и, может быть, спал бы еще долго, если бы мать, оберегавшая его сон, не подошла слишком близко и нечаянно не наступила ему на хвост.

Дымке, наверное, приснился дурной сон, может быть, прирожденный инстинкт нарисовал в его уме врага, похожего не то на волка, не то на медведя, - врага, который прижал его к стене. Во всяком случае, едва он почувствовал, как прищемился хвост, он прынул на ноги, готовый дорого продать свою шкуру. Он носился вокруг матери, круг за кругом, и все искал врага, который потревожил его сон. Так он бегал, пока не очутился в тени у материнского бока, здесь была безопасность, и он сразу забыл об обиде и вспомнил о том, что хочется есть. Теплое молоко потекло ему в рот.

На востоке небо светлело, звезды поблекли. Охотники за буйволами ушли на покой, несколько часов прошло с тех пор, как Дымке привиделся враг, и он спал уже снова. Он проспал свой первый закат солнца, проспал и первый восход. Ему нужно было набрать силы для нового дня, чтобы отправиться в дальний путь.

Он спал не шевелясь до тех пор, пока не стало пригревать солнце. Тогда у него шевельнулось одно ухо, потом другое. Он глубоко вздохнул и вытянулся. Потом сразу ожил и глянул на мать. Мать заржала. Дымка поднял голову и попытался встать. Это ему удалось, он выгнул шею и потянулся. День начался.

Начался этот день с того, что мать накормила Дымку, потом, щипля траву, она двинулась по направлению к кучке деревьев в миле или около того к югу. У этих деревьев протекал прозрачный ручей, а Дымкиной матери больше всего на свете хотелось сейчас воды. Она изнывала - так ей хотелось напиться студеной воды, но шла вперед медленней медленного. То и дело она останавливалась и ждала, пока Дымка догонит ее да еще по пути обнюхает и осмотрит каждую былинку и каждый комок земли.

Маленький крольчонок выскочил прямо у него из-под носа, постоял мгновение, не смея бежать, потом сиганул между длинных ног сосуна и скрылся в норе. Дымка ни разу на своем веку не видал еще кролика, не знал, бежать от него или нет. Он ведь вообще ни разу в жизни еще не бегал, а ему так этого хотелось, но повода не было. Наконец причина нашлась.

Стебли высокой сухой травы защекотали ему брюхо, он фыркнул и поскакал.

Его длинные ноги смыкались и размыкались, он рад был тому, что так быстро бежит. Он стал носиться кругами возле матери, а потом полетел в сторону, прямо противоположную той, куда ей хотелось. Она заржала и терпеливо остановилась, ожидая его.

Когда он подбежал к ней, и вскинул копытца, и фыркнул, и захрапел, видно было по нему, что это будущий дикий конь.

Часа два ушло у них на то, чтобы добраться до ручья. Мать долго-долго пила холодную вкусную воду, потом перевела дух и еще раз попила. Дымка ткнулся носом в воду, но пить не стал, покамест трава для него была, чтобы бегать, вода - чтобы взбивать серебряные фонтаны брызг.

Весь этот день они провели у ручья. То-то было у Дымки приключений! В те часы, когда он не спал, сколько пней было в тополевой роще, которых можно было пугаться, от которых можно было бросаться прочь очертя голову!

Но были здесь звери пострашнее пней - их-то Дымка и не заметил. К примеру, большой койот из-за кучи валежника не спускал с него глаз. Не то чтобы ему было интересно смотреть, в нескольких шагах от него, он бросился прочь, не быстрее, чем мог бежать за ним любопытный жеребенок. Ему надо было заманить жеребенка за гребень холма, подальше от материнских глаз.

Дымке это понравилось. Ему хотелось понять, что это за серо-желтое существо, которое тоже умеет бегать, хотя оно ничуть не похоже на него самого или его мать. Правда, чутье предупреждало его об опасности, но любопытство было сильнее. Они

успели скрыться за холмом, прежде чем Дымка наконец понял, что дело плохо.

За холмом койот повернул назад и молнией ринулся к горлу Дымки. Кровь мустанга, многих поколений мустангов, которые бились с волками и кугуарами, текла в жилах Дымки, и это спасло его. Он метнулся вбок и прыгнул вверх, ударив обеими задними ногами о землю. Зубы койота только скользнули по коже под его челюстью. Но до избавления было еще далеко, и, брыкнувши ногами, Дымка почувствовал тяжесть койота и острую боль в поджилках. Громкий, истошный крик ужаса вырвался у него, и тотчас же послышался ответ.

Мать взлетела вверх по холму, окинула взглядом склон и с прижатыми ушами, оскаленными зубами, точно комок огня, ринулась в битву.

Ключья желтой шерсти полетели по ветру, и борьба мгновенно превратилась в погоню. Койот несся впереди, всем телом чувствуя близость страшных зубов, пока не скрылся за дальним холмом.

Дымка рад был теперь вернуться с матерью к ручью. Он не шарахался в сторону от пней, мимо которых они пробегали, и не бросался играть, когда ветка щекотала ему брюхо: он проголодался и устал. Когда он наконец добрался до молока и насосался вволю, он не стал выбирать места, где бы растянуться всем своим утомленным телом. Тоненькая струйка крови запеклась на задней ноге, но укус не болел, Дымка сладко спал и, может быть, видел во сне пни - желто-серые пни, которые умеют бегать.

Когда наутро вошло солнце, Дымка был уже на ногах. Он наверстывал потерянное время. Он улегся на землю и заснул так крепко, что даже солнце, глядевшее сквозь липкие молодые листья, не смогло разбудить его. Только вздрагивавшее порой ухо показывало, что жеребенок жив.

Весь день его было не видно, не слышно. Изредка он вставал пососать и тотчас же снова втягиваясь ложился на теплую землю. Только на другое утро он снова почувствовал себя маленьким диким конем.

Таким сильным он никогда не был еще. Он видел теперь гораздо дальше, чем прежде: мог оглядеть половину пространства, которое охватывала взглядом его мать. Она первая увидела табун лошадей, идущих на водопой. Дымка услышал, как она заржала, и удивился, почему она ржет: ведь он был рядом с нею и некого было ей звать. Но скоро до его слуха донесся топот, он повернул уши на звук и через миг увидел лошадей. Он даже вздрогнул - так все они были похожи на мать.

Мать ожидала приближения табуна, наостривши уши, едва передние увидели Дымку, все взволновались, сгрудились вокруг, чтобы рассмотреть и приветствовать новенького сосуна. И тут мать прижала уши к голове. Это было предупреждение - никто не подходит слишком близко!

При виде стольких родичей у Дымки затряслись колени, он, робея, приткнулся к материнскому боку, но голову вытянул как только мог, чтобы разглядеть их получше. По блеску его глаз было видно, что он рад неожиданной встрече. Он потерся ноздрями с чужим стригуном, который был посмелее других и подошел совсем близко, а когда мать куснула стригуна, Дымке и самому захотелось потешиться, и он тоже щипнул его.

Первое знакомство отняло не меньше часа, и мать все время стояла на страже. Она не столько боялась, что кто-нибудь обидит ее Дымку, сколько хотела с самого начала показать, что это ее жеребенок и что всякий обидчик будет иметь дело с нею.

Все ревновали его и дрались между собою за то, чтобы идти рядом, не спорили только с его матерью, потому что все признавали за ней это право. Молодым и старым кобылам, стригунам и старым коням - всем хотелось бежать бок о бок с Дымкой, играть с ним, заботиться о нем. Но старый гнедой верховой конь, который был вожакom табуна, показал им, что он, и никто другой, будет телохранителем Дымки. Он рассыпал удары копыт, посадил несколько шишек на ребра, оставил следы зубов на гладких шкурах, окинул взглядом стадо и, убедившись, что место за ним, не спеша и щипля траву, двинулся к Дымке и к Дымкиной матери.

В табуне, кроме Дымки, было еще три сосуна, и всякий раз, когда один из них появлялся на свет, этот конь отгонял всех других лошадей и занимал почетное место. Сейчас самым младшим был Дымка, и снова старый гнедой настоял на своем праве. Жеребец весь был покрыт шрамами, на спине у него были следы седла, - когда-то он был прекрасной ковбойской лошастью. Теперь он доживал свой век и был свободен от работы. Выбирать хорошие пастбища на зиму, тенистые места и самую нежную зеленую траву летом - вот все, что ему оставалось в жизни. А весной его главной утехой были маленькие сосуны.

Дымкина мать была молода, по крайней мере лет на десять моложе гнедого, но гнедой по сравнению с ней казался жеребенком, когда дело доходило до игры. Когда Дымка играл с нею, брыкал или кусал ее, она не отвечала ему и только порою осаживала его, если он заходил слишком далеко. Она любила Дымку всем сердцем, и главной ее заботой было иметь довольно молока, чтобы Дымка не захирел. Ей некогда было играть.

Дымка быстро сдружился со старым конем, и скоро уже Дымка лягал его, а гнедой легонько, осторожно покусывал его, потом пускался бежать, и жеребенок рад был гнать громадного конягу из конца в конец прерии.

Дымкина мать поглядывала на них, но никогда не вмешивалась в их игру. Только когда Дымка прибегал к ней уставший или голодный, она прижимала к голове уши, предупреждая гнедого, чтобы он держался в стороне.

Несколько дней прошло, прежде чем старый конь стал подпускать к Дымке других лошадей. Сперва старик пробовал отгонять их, но это был напрасный труд, потому что он не мог удержать на месте Дымку. Ему оставалась только смотреть, чтобы его никто не обидел. Но никому и на ум не приходило обижать жеребенка, похоже было на то, что Дымка сам задирает всех встречающих.

Дымка озоровал и оставался общим любимцем добрых две недели, а через две недели вдруг появился новый малыш, соловый сосун двух дней от роду. О Дымке сразу забыли, и он принял участие в таком же волнении, какому недавно сам был причиной.

Старый гнедой снова завоевал себе место в сердце пришельца и не думал уже больше о Дымке. Дымка несколько не огорчился этим, он продолжал играть со всякой лошастью, которая готова была терпеть его возню, скоро он пристал к молодой кобылице, а потом сдружился с другими жеребятами. С этого времени ему стало привольней, он мог пускаться вскачь без стариков провожатых, но он никогда не уходил далеко, а если это и случалось, он возвращался к своим куда поспешней, чем скакал прочь.

Весенние дни баловали Дымку. Он узнал пропасть новых вещей, узнал, что трава вкусна, а воду приятно пить, когда жарко. Он снова видел койотов, и чем больше он подрастал, тем меньше боялся их, а потом осмелел и вовсе стал гоняться за ними, где только увидит.

А раз он наткнулся на другого желтого зверя. Он не казался опасным. Дымка не мог понять, что это за зверь, и хотел это выяснить. Он шел за ним до самой ивовой заросли, и было чудно, что зверек совсем не спешит убежать, он спокойно пробирался в траве, и Дымка собрался было потрепать его малость копытом, но тот юркнул под иву - снаружи остался один лишь конец хвоста. Дымка понюхал, хвост зверька едва шевелился, опасности не было видно, он шагнул к нему ближе и снова понюхал. Тут оно и случилось: Дымка захлебнулся и визгом и храпом, потому что ему в морду воткнулось с полдюжины длинных игл дикобраза.

Но Дымка отделался счастливо, - сунься он чуть-чуть поближе, иглы истыкали бы ему морду до глаз, засели бы так глубоко, что морда бы вспухла, нельзя было бы есть, и он мог бы подохнуть с голоду. А эти несколько игл только оцарапали ему морду - и это был новый урок.

Прошло несколько дней, и Дымка встретил еще одно странное животное,

вернее, странных животных, потому что их было много. Мать была тут же, и сам он почему-то их не боялся. Дымка выбрал среди незнакомцев самого маленького и поскакал к нему. Тот, видимо, тоже не испугался и подпустил жеребенка к себе совсем близко.

Оба они были молоды и не знали, что будут встречаться на своем веку десятки и сотни раз - и на «объездах», и в «ночных стражах», и в «дневках» - по горячим пыльным и длинным дорогам. Ковбой, сидя верхом на Дымке, будет гнать по дороге целое стадо таких незнакомцев, какого сейчас с любопытством и удивлением рассматривал жеребенок. Тогда это будут взрослые быки и коровы, и другие телята заступят их место, когда Дымка пригонит их к погрузочному пункту.

II. ДЫМКА ВСТРЕЧАЕТ ЧЕЛОВЕКА

Долгие весенние дни, а за ними теплые дни середины лета стерли следы снега отовсюду, кроме самых высоких вершин и самых глубоких и узких каньонов. По верхам устояли еще против солнца обледеневшие снеговые горбы, сутулившие теневые склоны скалистых утесов и питавшие влагой ключи и ручьи, которые бежали к равнинам.

Здесь, наверху, трава была зеленее, мухи жалили не так нещадно, здесь всегда веяло прохладой, а порою дул сильный ветер. И всего прохладнее было в тени скрюченных сосен, разбросанных по всему краю, где бродили Дымка, его мать и весь табун.

Дымку теперь было не узнать. Игра на крутых склонах, где копыто скользило и шаг был нетверд, укрепила его ноги, прогнала шаткость и валкость, ноги плотнее пристали к телу, округлились и стали ему впору - не то что в первые недели, когда он бегал на них, как на ходулях. С копыт давно сошла мягкая розовая скорлупа, они стали серого, стального цвета и твердыми, как сама сталь. Когда он срывался с места и несся вниз по скалистому каньону, перелетая через камни и пни, его прыжки были так же быстры, как прыжки горного козла, хоть и менее верны.

В одну из этих диких прогулок, карабкаясь по склону горы, Дымка едва не наскочил на бурого зверька, который спал, свернувшись калачиком, на большом пне. Дымка замер на мгновение, зверек с ворчанием плюхнулся наземь и пустился наутек.

Дымка не долго раздумывал, остаться ли ему на месте, повернуть ли назад или припустить за зверьком и выяснить, как и что. Нагнув шею, он бросился по следам мохнатого малыша. Он несся по валежнику, перелетая через лужи, нырял под ветвями. Он настигал и продолжал бы мчаться хоть до самого края света, когда в самый разгар погони справа послышался треск и шум, будто неслась лавина. Еще мгновение - и большая круглая бурая голова вынырнула из копны сломанных веток и кустарника. Дымка увидел два маленьких горящих глаза и длинные сверкающие клыки. Грозный рев потряс горы. Дымка взрыл землю копытами и бросился вспять.

Его сердце готово было выскочить, когда он вырвался из леса на открытое место, он не мог взять в толк, как это маленький комочек меха превратился в бешеный ураган. Ему не приходило в голову, что у мохнатого малыша, как и у него, была мать.

Но Дымка учился быстро, и на собственном опыте и от матери он узнавал обо всем, что было в лесу и на равнинах. Так однажды у подножия гор мать шла впереди, а он плелся за нею по пыльной раскаленной дороге к прохладным, тенистым местам. Вдруг послышался звук трещоток, и мать бросилась с тропинки в сторону, как подстреленная. Дымка невольно рванулся за ней, и вовремя, потому что слева, в каком-нибудь футе от дороги, извивался жгут, который вскинулся вверх и просвистел мимо его голени. Дымка стоял на приличном расстоянии и, храпя, смотрел, как жгут снова свился в пружину. На этот раз ему не захотелось сунуться ближе и обнюхать грязно-желтую гадину. Мать заржала, в ее ржании было предостережение, и Дымка снова

взглянул на змею. Теперь он зарубил урок на носу и в другой раз, услышав звук погремущки, отпрянул бы мгновенно, как мать.

Коротко говоря, Дымка набирался ума, и при этом ему очень везло. Царапины - все, что доставалось ему при лазанье по горам, а царапины в счет не шли. Кожа на нем натягивалась все туже, а кровь, которая текла по его жилам, текла из крепкого, стойкого сердца.

Маленькой лошади очень хотелось жить. Дымка старался ничего не пропустить в жизни. Если он слышал, что где-нибудь хрустнула ветка, он настораживал уши, а иной раз и шел на звук, чтобы выяснить, почему это ветка хрустнула так, а не иначе, он шел за барсуком, пока не загонял его в нору, он бродил вокруг дерева и смотрел, как спасается от него, распушив хвост, рыжая белка. Встречались и вонючки, но тут запах брал верх над любопытством, и он держался от них вдалеке.

Дымке случалось иметь дело со всеми дикими животными, какие водились в этих краях, кроме льва и волка. Его мать не заглядывала в те места, где бродили разбойники, и, если табуну случалось учуять их по соседству, он ударялся в бегство. Дымке пришлось повстречаться и с ними и даже повздорить, но это было позже, иначе мне, верно, не пришлось бы теперь рассказывать о Дымке.

Первое крупное событие в жизни Дымки случилось, когда ему исполнилось четыре месяца. Ничто не предвещало этого события - ни черное небо, ни грозные ветры, и в ту минуту, когда оно пришло, молодой жеребенок как раз отгонял с задней части своего тела нескольких надоедливых мух. Короткий хвост его работал, точно маятник, легкий ветерок колыхал его гриву и напевал колыбельную песню, пролетая сквозь ветви сосны, укрывавшей тенью его мать.

Мать спала, спал и весь табун, и когда ковбой, ехавший вверх по каньону, заметил их, он понял, что может объехать табун стороной и очутиться над ним, прежде чем кто-нибудь подымет тревогу.

Так он и сделал, одна из лошадей почуяла его, подняла голову и захрапела. В мгновение ока табун проснулся и снялся с места. Вниз по каньону понесся табун, облако пыли, и вдогонку - ковбой.

Дымка не отставал, он скакал рядом с вожакom и в первый раз в жизни не думал о том, чтобы выяснить, кто позади. Он скакал изо всех сил - и только.

Хвосты развевались, когда лошади скользили по склону, перепрыгивали через скалы, перелетали через промоины. Сорванные глыбы расшибались о валуны, валуны срывали мертвые бревна. По горам загудел обвал. Но лошади и ковбой опередили его и первыми достигли дна каньона. Когда обвал докатился донизу и на десять футов завалил каньон валунами, стволами деревьев и землею, табун был далеко и несся уже в полумиле по холмам у края равнины.

Здесь, на равнине, облако пыли немного рассеялось. Дымка смог оглянуться назад и впервые увидел человека. По тому, как вела себя мать и весь табун, по тому, как они неслись, стараясь во что бы то ни стало уйти от него, Дымка понял, что это какое-то особенное животное - животное, с которым лошади не приходится спорить и драться, животное, от которого только и можно спастись бегством.

Но, видно, и в бегстве не было спасенья, потому что всадник летел за ними по пятам, не отставая ни на шаг, пока не загнал их в широкие ворота большого бревенчатого коралля, Дымке показалось, что бревна коралля - это деревья, которые растут не вверх, а вбок. Дымка видел, что им не прорваться через эти деревья, он прижался потеснее к материнскому боку. Табун пустился вокруг по загону, большие ворота закрылись. Обезумевший табун вернулся назад и встретился с кривоногим, одетым в кожу, загорелым человеком.

Дымка вздрогнул, увидев, как это странное существо потянуло за собой лошадь - лошадь, которая была бы похожа на любую из их табуна, если б не странный кожаный горб у нее на спине. Потом человек, приблизившись к ней, снял со спины ее кожаный

горб, лошадь встряхнулась и пошла к табуну и к Дымке.

Жеребенок понюхал ее потный бок, будто в этом могла быть разгадка тому, о чем он думал во время погони. Но запах еще больше сбил его с толку, и, отвернувшись от лошади, он уставился на существо, стоявшее на двух ногах.

Молнии часто сверкали в горах, где Дымка провел это лето, несколько раз он видал там и пожары. Эти молнии и огонь были большой загадкой для жеребенка, и, когда он увидел, что человек сделал быстрое движение рукой и в руке у него оказался огонь, а потом дым пошел у него изо рта, - он совсем растерялся. Он стоял остолбенев и смотрел на человека... Потом та же рука, в которой был огонь, опустилась и подняла с земли кольцо веревки, сделала петлю, и человек направился к табуну. При этом движении табун понесся по коралю и поднял пыль. Дымка услышал свист веревки, пролетевшей мимо него, и петля упала на голову одной из лошадей. Лошадь остановилась, человек подвел ее к кожаному горбу, который лежал на земле, и взгромоздил этот горб ей на спину. Человек вскочил в седло, и тут Дымка впервые увидел, как борется лошадь с двуногим су.

Это было необычайное зрелище. Дымка не раз видал игры и драки товарищей по табуну, он и сам умел и брыкаться и прыгать, но никогда в жизни он не видел того, что выделяла под седлом эта лошадь. Он понимал, что лошадь борется, мечется изо всех сил своих, чтобы сбросить с себя седока. Дымка весь затрясся, когда услышал, как лошадь визжит. Он никогда не слышал, чтобы его родичи издавали подобные звуки, но он понимал их значение. Он и сам когда-то завизжал так, когда койот впился зубами ему в поджилки.

У Дымки горели глаза, он смотрел, как слабели прыжки лошади, как наконец она стала, человек спрыгнул на землю, открыл ворота и вывел лошадь наружу. Потом он снова запер ворота, сел в седло и ускакал с глаз. Только тут Дымка очнулся от столбняка и вздумал осмотреть место, в которое их загнали. Он потерял мордой о морду матери и пошел бродить по просторному коралю. Длинные пряди конских волос, попавших в расщепы бревен, говорили о том, что здесь уже прежде перебивало много лошадей, запах земли и клочки телячьих ушей, отрезанные при клеймении, напомнили Дымке беломордого теленка, которого он видел, когда ему было всего несколько недель.

Он собрался было с духом подойти и понюхать кожаные штаны, висевшие на воротах коралю, когда вдали показалось облако пыли, а под ним табун лошадей, которых гнали к коралю. Дымка увидел с десятков всадников и поспешно бросился к матери. Всадники загнали в ворота новый табун. Поднялись тучи пыли, весь кораль наполнился топотом, смятением, - в нем оказалось теперь около двухсот голов лошадей. Дымка рад был новому стаду: ему было спокойней, ему легче было спрятаться в таком большом табуне, он всегда мог забиться в гущу так, чтобы хоть несколько лошадей было между ним и двуногими существами.

Он прятался как только мог, пока табун носился по коралю. Потом, глянув между ногами других лошадей, он увидел, что по ту сторону забора разложен огонь и большие железные брусья пропущены между бревнами загородки, так что один конец их прямо в пламени. Тут снова в корале поднялась тревога, лошади носились вдоль забора и храпели. Многих перегнали в другой кораль, и здесь осталось голов пятьдесят, по большей части все молодые жеребята, вроде Дымки, и несколько старых, спокойных кобыл.

Теперь спрятаться было негде, и когда кривоногие люди распустили мотки веревок и петли засвистали над головой как пули, ужас наполнил сердце Дымки. Он слышал, как визжали другие жеребята, когда их ловили, сваливали наземь, связывали. В нем дрожал каждый мускул.

Он делал все, что мог, чтобы держаться в самом дальнем конце коралю, но казалось, эти существа повсюду и нет такого места, куда не достали бы их веревки. При

одной из отчаянных своих попыток убежать прочь Дымка услышал свист веревки, - точно змея, она обвилась вокруг обеих его передних ног, он испустил стон и через секунду уже лежал на земле со связанными ногами.

Дымке показалось, что пришел конец света, когда он ощутил прикосновение человека. Он увидел, что одно из этих созданий бежит к нему с раскаленным брусом, почуял запах горящих волос и кожи - это горела его собственная кожа, - но он не почувствовал ни жара, ни боли, потому что находился в таком состоянии, когда каленое железо не страшней прикосновения человеческой руки. Но всему приходит конец - и хорошему и плохому, - и скоро веревки упали с его ног, все миновало. Дымка вскочил и бросился к табуну. На гладкой шкуре его была метка - метка на всю жизнь, не смываемое ни водой, ни годами тавро.

Отныне он принадлежал компании.

Неистовая радость обуяла всех - и Дымку и других жеребят, - когда таврение было окончено. Табун снова собрался в одном корале, ворота коралля были открыты, и снова все были свободны.

Дымкина мать двинулась первой. Оба табун - и старый и новый - тоже не заставили себя ждать и направились к подножию холмов. На другой день лошади были уже на плоскогорьях, и вчерашнее было забыто всеми, кроме Дымки и прочих жеребят. Жеребята не успели еще забыть коралля потому, что для них это было совершенно ново, и еще потому, что у каждого из них было по памятке - по свежему, ноющему тавру.

Но время бежало. Новые события отвлекали внимание Дымки, приключение с коралем стиралось из его памяти, как дурной сон, ожог зажил быстро - осталось аккуратное клеймо.

Пришла осень, небо затянулось облаками, дожди похолодали, и всякий раз, когда прояснялось, усиливалась стужа. Солнце поднималось уже не так высоко и грело все меньше. Когда после нескольких ясных морозных утр снова затуманилось небо и ветер запорошил землю снежком, табун начал спускаться с гор ниже и ниже, пока не достиг подножия холмов, а там и равнины. Пора было перебираться на зимние пастбища. Зимние пастбища находились у низких отрогов, подымавшихся посреди прерии и в глубоких оврагах с густыми зарослями тополей и ивняка. Здесь можно было укрыться от непогоды, когда холодные северные ветры и воюющие бураны загоняли все живое по норам. Травы были тут высоки, и до них всегда можно было добраться копыту. В тихие зимние дни, когда выглядывало солнце и стихал ветер, табун мог выйти из своего убежища и отыскать по склонам места, с которых ветры слизывали снег и где трава оставалась на виду.

При переходе по открытым равнинам и здесь, на зимних пастбищах, Дымкиным глазам, ушам и ноздрям было много работы. Столько нового, к чему можно было присмотреться, прислушаться и принюхаться! Все его чувства были напряжены, как струна. Дымка радовался, когда выпал первый снег. Он падал на плечи, на круп, Дымку же подмывало прыгать и резвиться. Прерия стала бурой, потом побелела, теперь не приходилось больше прятаться в тень. Морозы были Дымке не страшны, он успел сменить свою гладкую шерсть на более толстую и теплую, подбитую слоем жира, густая, горячая кровь не застаивалась в его жилах, и он мог спорить со снегом и стужей, только когда с севера через горные хребты переваливали бураны, он искал, где бы укрыться от выюги.

В эту зиму он стал уже рыть копытами снег, отыскивая корм, потому что еще несколько месяцев назад он заметил, что ему не хватает одного молока, потом молоко для него стало лакомством, а потом мать дала ему понять, что он отлучен. Спорить с ней не приходилось, и Дымка стал отыскивать траву, как взрослая лошадь. Он глотал снег и мог обходиться без воды так же долго, как и все в табуне, если в самую лютую зиму он и спал немного с тела, этого не видать было под толстой шерстью.

В долгие зимние месяцы его выручало то, что он сохранил еще некоторые из

своих привилегий. Если взрослая лошадь докапывалась до места, где особенно много было травы, он прогонял ее оттуда. Бывало, он грозно прижмет к голове уши, оскалит зубы, лягнется, и большая лошадь, прикинувшись, будто напугана до смерти, поспешно убежит прочь от «страшного» Дымки. Из всего табуна только одна лошадь его не боялась. Дымка, бывало, рылся с ней в одной яме, иной раз захватывал клочок травы прямо у нее из-под носа, но никогда не отгонял ее прочь. Это была его мать.

Метели были в ущельях, сугробы заносили овраги, а Дымка проводил зимнее время так же беззаботно, как прожил лето. Конечно, немало энергии у него уходило на то, чтобы докопаться до корма, но достаточно сил оставалось у него и для игры. Часто, когда весь табун взрывал копытами снег, ища траву, Дымка подымал пляски, взметал облака снежинок, каждая жилка ходила в нем ходуном. Другие жеребята подхватывали игру, и скоро молодежь скрывалась за сверкающей белой завесой.

Так проходила зима, и никакие события не нарушали покоя и мира этих мест. Лишь однажды на горизонте показался всадник. Его увидел один только Дымка, который забрался в сторону от табуна. При виде этого всадника Дымка вспомнил веревки, кораль, прикосновение человеческих рук - и пустился назад к табуну.

Наконец показались первые признаки весны. Дымка не оценил их сначала. Теплые ветры, от которых таяли по склонам снега, разобрали и его: он размяк и ослаб, в первый раз в жизни не стало у него охоты резвиться и прыгать.

Несколько недель спустя из прогретой земли местами полезла трава. Молодой зеленый корм пришелся Дымке по вкусу, он теперь не хотел и смотреть на сухую отаву. Целыми днями бродил он, ища первых побегов травы. Их было мало, и он понемногу тощал.

Отощал и весь табун: никому в горло не лезла отава. Природа знала свое дело: к теплу лошадям нужно было поспустить жиру.

Жир поубавился, вялость прошла, а тут и травы стало вволю - и на отрогах, и на равнинах. Лошади катались по земле и оставляли на ней клочья длинной зимней шерсти.

С первыми весенними днями Дымкина шерсть побурела, а теперь, когда погода стала потеплей, в тех местах, где вылез зимний наряд, показалась новая масть. От прошлогодней вороной шерсти не осталось и следа. Дымка был теперь «мышастой масти», разве что еще потемней. Сильней всего изменился цвет на боках и ушах, но только к зиме Дымка окончательно переменил окраску и превратился в лошадь пепельно-мышастого цвета.

Голова его и ноги были немного темнее тела, с вороным отливом, а на морде светилась узкая белая отметина. Это был красавец, которого, раз увидав, нельзя было забыть, он был безупречен, с какой бы стороны ни взглянуть на него.

Весенние дожди проносились и уходили, и каждый раз, освеженная влагой, трава подымалась выше, солнце пригревало теплее, и порой выдавались настоящие жаркие дни.

В один из таких жарких дней Дымкина мать исчезла. Дымка вздремнул в тени у ручья, потом долго пасся и только тогда заметил, что она ушла. Табун теперь возвращался на летние пастбища и стоял у подножия высоких гор. Широкая равнина внизу лежала как на ладони, но Дымка не нашел и следа своей матери. Он долго скакал вокруг табуна, ржал и искал ее. И все напрасно.

Еще раз окинул он взглядом равнину и, пофыркивая от удивления, снова принялся щипать траву. Он был не очень испуган, будто знал, что матери необходимо исчезнуть. Он не стал хуже спать, хуже есть и играть с ее уходом, - все шло так же, как и прежде, подросший жеребенок становился глаже день ото дня.

Однажды утром старый верховой конь, который все еще был в табуне, насторожил уши, заржал и поскакал к равнине. Ему навстречу бежала лошадь, а рядом с ней - черная точка. Дымка и весь табун остановились и обернулись к равнине. Скоро

Дымке показалось, что эта лошадь ему знакома, но его озадачила движущаяся рядом с нею черная точка. Дымка вскинул голову и пустился вскачь, чтобы выяснить, в чем дело.

Он звонко заржал, подбегая к матери: черная точка оказалась блестящим вороным жеребенком на шатких, непослушных ногах. Малыш оробел, когда увидел незнакомых больших лошадей. Дымка так и прилип к своему братишке, и его матери пришлось прижать к голове одно ухо, будто она хотела сказать: «Осторожней, сынок!» Но Дымка и без того был осторожен, и когда мать направились в табун, он побежал рядом с малышом, а старый конь оберегал их сзади. С той поры Дымка стал в табуне вторым.

III. РАЗНЫЕ ПУТИ

Лето было в разгаре, дни были горячи и тихи. Даже на самых высоких отрогах, где не сошли еще снега, стояла жара, солнечные лучи падали отвесно, и утесы не бросали тени. Здесь по узкой горной тропе цугом тянулся маленький табун лошадей. В голове шла Дымкина мать, новый вороной сосунок сейчас же за ней, потом мышастый стригун с отметиной на морде - Дымка. А позади старый гнедой с десятком лошадей - остальная часть табуна.

Они шли, казалось, без всякой определенной цели. Они проходили под ветвями погнутых ветрами деревьев, не задерживаясь в их прохладной тени, мимо студенистых ручьев, мимо длинных стеблей травы, которые росли здесь повсюду. Мимо и мимо бежали лошади, нигде не останавливаясь. Тому, кто посмотрел бы, как стремятся вперед табун, могло бы показаться, что кто-то потревожил лошадей, - может быть, на рассвете замечен был всадник, может быть, их спугнул кугуар.

Маленький табун подвигался вперед, пока не дошел до места, где разветвлялась тропа. Тут Дымкина мать свернула направо, по дороге, которая вела вниз, вороной жеребенок и все другие потянулись за ней, и только мышастый стригун взял влево. Ему любопытна была тропа, что вела кверху, и он пустился по ней, чтоб ее осмотреть. Опустив морду к земле, он брел по тропе, приносясь к каждому камню и поглядывая вниз, на табун.

Гранитная стена в десять футов вышиной нависала впереди него над тропинкой. В трещинах гранита угнездились корни кривой сосны, лапчатые ветви раскинулись над стеной, бросая на нее густую тень. В этой тени, слившись со скалой, не заметный для глаз, лежал длинный распластавшийся зверь. Он лежал вытянувшись во всю длину и казался мертвым, если бы не конец его длинного хвоста, которым он хлестал себя по бокам. Его круглая голова чуть-чуть приподнялась при звуке копыт, уши прижались к голове, а желтые глаза стали черными, когда увидели мышастого стригуна Дымку.

Дымка брел прямо по тропинке и должен был пройти в нескольких шагах от гранитной скалы, где лежал в засаде кугуар – горный лев. Не одного оленя подкараулил здесь кугуар и задрал, неподалеку от скалы валялись голые кости, по ним видно было, где пировал хищник. Волки, койоты, стервятники дочиста обгрызали остатки от трапезы кугуара, и одни только белые кости сверкали на солнце.

Дымка подходил ближе и ближе, тесней прижимался к каменной стене, он обнюхивал по пути каждый камень и каждый сучок, пока не очутился у самой засады. Кугуар по-прежнему казался частью скалы, но был готов к прыжку. Он был неподвижен, как сама скала, и только дрожь, проходившая по его длинному хвосту, показывала, что вот-вот он кинется на добычу.

Еще шаг – и Дымка простился бы с белым светом. Он занес уже ногу, чтобы сделать этот последний шаг, но звук трещотки скользнул у подножия скалы: четырехфутовая гремучая змея, как спущенная пружина, взвилась перед мордой жеребенка, и нога, которая готова была шагнуть вперед, шагнула назад. Этот шаг спас

Дымку.

Кугуар ожидал, что его жертва в тот миг, как он прыгнет, кинется в сторону, он так и рассчитал свой прыжок. Но змея загремела некстати, и Дымка рванулся прочь мгновением раньше, и не в ту сторону, куда должен был броситься кугуар. Когти схватили прядь гривы и ничего больше. Кугуар изогнулся в воздухе, чтобы долететь до загравка лошади, но и это не помогло - он ударился о твердую землю.

Дымка не оглянулся, не посмотрел, что за когтистая тень над ним пролетела, он метнулся в сторону при звуке трещотки и понесся изо всех сил. Покатость склона ускорила его бег, в одно мгновение он напрямик пересек расстояние между опасной тропой и тропой, по которой бежала его мать и табун.

Он с разбегу ударил в табун, табун по его испугу увидел, что что-то неладно, и бросился в бегство, как будто сам дьявол гнался за ним по пятам.

Но дьявол - если это название не слишком мягко для горного льва - не стал преследовать Дымку. Кугуар знал, что ему не угнаться за жеребенком, и не подумал даже о том, чтобы помериться с ним силами в беге. Он только хлестал себя длинным хвостом и явно был взбешен тем, что упустил откормленного стригуна.

С этого дня Дымка не подступался к высоким скалам, если только не видел их верхушки, обходил сосны с толстыми ветвями внизу и все другие места, где мог притаиться, откуда мог спрыгнуть кугуар. Молодому коню все реже приходило желание отделяться от табуна, его любопытство уменьшилось, да к тому же он успел познакомиться почти со всеми обитателями прерий.

Все реже и реже встречал он на своем пути непонятное и незнакомое, и скоро Дымке стало казаться, что нет на свете такого, чего бы он не видал. Он был в том возрасте, когда жеребята становятся хитры и назойливы, и проказам его не было конца. Старые лошади увидели, что нет на него угомону, и начали брыкать его по чем ни попало.

Он вырос уже и мог сносить тумаки. До самого конца лета все лошади сажали ему шишки на ребра, стараясь указать ему, где его место. Но это было нелегкое дело, и Дымка не бросил своих штук и к зиме.

Он был несносен всю зиму, и хотя ни одна из лошадей не позволила бы ему выхватить у нее из-под носа вырытый из-под снега пучок травы, он допекал их тем, что прикидывался, будто выхватит. А когда они ударяли его копытом и промахивались, разбойник убежал с таким видом, будто ему и на самом деле удалось урвать клочок.

Потом пришел день, когда чужая лошадь показалась на горизонте и пристала к табуну. Когда чужая лошадь приходит в незнакомый табун, она поначалу всегда робеет. Дымка воспользовался этим, чтобы показать, что есть хоть кто-нибудь, над кем он может измываться. Он гонял и гонял чужака, щипал его за круп, пока не довел старую лошадь до белого каления. Несколько дней не давал он ей житья, пока это лошадь не обернулась и не бросилась на него. Драки не было, потому что Дыма задал тягу, испарился и не казал носа, пока та не остыла. С той поры Дымка держался от нее в отдалении.

Так шла зима. Дымке доставалось на орехи за каждую проделку, он понемногу взял это в толк и сбавил назойливости и упрямства. Но настала весна, потом другие времена года, жара и холод сменяли друг друга. Дымке исполнилось три года, и только к этому времени он окончательно усвоил, как должна вести себя порядочная лошадь.

Третий год своей жизни Дымка начал счастливо. Весенние дожди были теплей, чем обычно, зеленая трава отрастала в день на два пальца, успевая за Дымкиным аппетитом. Вот почему, когда Дымка скинул свою лохматую зимнюю шубу, он был глаже, чем когда бы то ни было, будто туго обтянут был чудесным пепельным шелком. У всякого ковбоя екнуло бы сердце при виде того, как с высоко поднятой головой он несется по прерии.

Но в табуне некому было им любоваться: его мать и другие лошади относились

к нему так же, как если бы он был простым, заурядным трехлетком.

Им хотелось одного: чтобы он поменьше озорничал и чтобы меньше нужно было учить его уму-разуму, потому что Дымка вырос в такого крепыша и сорвиголову, что учить его стало незавидным делом.

Воспитание его продолжалось до тех пор, пока кто-нибудь еще осмеливался поднять на него вразумляющее копыто. Но таких смельчаков становилось все меньше и меньше, и после многих столкновений пришло время, когда во всем табуне остались только две лошади, с которыми он не спорил, - его мать и старый гнедой.

Тогда Дымка почувствовал свое превосходство и исполнился гордости, хорошо, что к этому времени он поумнел, стал спокойней и перестал буяннить, иначе натворил бы бед. Но сейчас он готов был оставить других в покое, если только они не задевали его.

Мало-помалу лошади убедились, что Дымка стал взрослым, сознательным жеребенком. Никто больше не пытался вразумлять его, и если порой и случалось ему показать свою молодую прыть и выкинуть какую-нибудь штуку, все готовы были простить ему это. Конечно, Дымка был достаточно хитер, чтоб в этих случаях держаться подальше от матери и от гнедого.

Мир воцарился в табуне, всякая лошадь знала свое место. До того мирно потекла жизнь, что Дымке начинал надоедать покой, он устал от него и от нечего делать принялся допекать гнедого. Но тут произошло событие, которое вдребезги разбило сонный покой.

Случилось это, когда табун, растянувшись вереницей, шел к водопою. Дымкина мать, как всегда, была впереди, она первая обогнула выступ скалы и очутилась в нескольких ярдах от большого вороного жеребца. Тут и Дымка увидел его. Он захрапел и понял, что миру пришел конец. Гордо выступал вороной, высоко вскидывая ноги, грива и хвост - по ветру, а его табун замер в отдаленье, выжидая, что будет.

Молодые лошади заволновались, белки их глаз заблестели, когда их вожак сделал несколько шагов к новому табуну, остановился, изогнул дугой могучую шею и наострил уши.

Не первый раз жеребец встречался с чужими табунами и научился подходить к ним с осторожностью, потому что случалось ему поворачивать вспять куда поспешней, чем он шел к ним навстречу. Он знал по собственной шкуре: прежде чем ворваться в чужой табун и подойти к кобылам, нужно посмотреть, какой в табуне вожак.

Дымка не шевелился, и так как жеребец все стоял на месте, не собираясь, видимо, двинуться вперед, он обеспокоился. Он подумал, что жеребец как стоит, так и будет стоять и не тронется с места.

Он сильно ошибался, но где ему было знать больше?

Старый гнедой понимал, в чем дело, и если бы Дымка взглянул теперь на него, он увидел бы, что тот отошел к дальнему краю табуна, решив держаться в стороне.

Вороной жеребец шагнул вперед и снова замер. Дымка подошел ближе к матери, коснулся носом ее ноздрей. Мать фыркнула, и в ту же минуту Дымка бросился на жеребца, верней, мимо него, потому что копыта передних ног и оскаленные зубы не попали по цели.

Дымка не знал еще, как умеет вести бой жеребец, и не мог понять, как это он ударил по пустому месту, когда только что перед ним стоял враг. Еще больше озадачило его, что жеребец не встретил его грудью, когда он ринулся на него, а просто уступил ему дорогу, прижал уши к голове и двинулся к табуну как ни в чем не бывало. Будто и не заметил Дымку, ясней, чем словами, обозвал он его молокососом.

Быстрый удар в ребра, и Дымка покатился кубарем. Этот легкий взмах копыт сразу показал Дымке, чего нужно ждать от врага, если дело дойдет до настоящей драки. Дымка смутился и не знал, броситься ли ему снова в бой или снести обиду и ждать, пока представится случай отомстить.

Между тем вороной жеребец убедился, что ему некого бояться в этом табуне, опустив голову к земле, откинув назад уши, он принялся отделять молодняк и сгонять кобыл к своему табуну. Это была нелегкая задача, потому что никому из молодых жеребцов не хотелось прощаться с родным табуном, и они возвращались к нему снова и снова.

Старый гнедой конь, все время стоявший в сторонке, отказался оставить кобыл и не отступил перед вороным жеребцом.

Не прошло и мгновения - черная и гнедая шерсть полетела по ветру, удары копыт посыпались чаще пулеметных выстрелов, эти удары звучали глухо, потому что они попадали по костям и мясу, и промахи были редки.

Наконец в облаке пыли показалась гнедая полоса, за нею - черная, они ускакали прочь от стада, и скоро вороной силач вернулся назад, уверенно и гордо помахивая головой.

Еще одну лошадь надо было прогнать прочь - мышастого трехлетка Дымку. Пока жеребец дрался с гнедым, Дымка вернулся в табун, стал возле матери и следил за битвой. В его глазах был блеск, по нему видно было, что он готов принять бой, если это необходимо, что он не уступит, пока его не заставят уступить. Жеребец увидал его в табуне и понял, что голосом или взглядом его не прогонишь. Он сразу пустился к нему, и Дымка встретил его на полдороге. Это была короткая и жестокая стычка, Дымке удалось отпустить несколько жестоких, тяжелых ударов - ударов, которые вышибли бы дух из всякой лошади и наверняка свалили бы ее наземь. Но жеребец не был обыкновенной лошадью. Удары только слегка встряхнули его и разъярили еще сильнее. Он выиграл слишком много схваток, чтобы позволить трехлетку становиться поперек дороги.

Его черед пришел, когда Дымка повернулся, чтобы брыкнуть его задними ногами. Жеребец был крупнее Дымки, и когда тот вскинул задом, он только встал на дыбы, чтобы копыта не достали его, скакнул в сторону и вцепился зубами Дымке в загривок. Когда Дымка рванулся прочь и зубы жеребца лязгнули, в них остался клочок его шелковистой шкуры.

Дымка взревел, ударил задом еще раз, потом увернулся и поднялся над жеребцом. Но в ту же минуту и тот обернулся и грохнул обоими задними копытами в ребра Дымки.

Дымка был оглушен, его зрение помутилось, и, может быть, только инстинкт указал ему на черную тень, которая повернулась и теперь неслась на него, во всяком случае, он бросился прочь и всю силу, какая у него оставалась, напряг, чтобы увеличить расстояние между собой и черным чертом, - стоногим казался теперь Дымке жеребец.

Это была гонка не на живот, а на смерть, и Дымка скакал, как никогда в жизни. Когда он остановился в изнеможении, готовый к последней схватке, преследователь его был далеко и спешил назад к своим кобылам.

Следующие дни были пусты для Дымки, он заключил союз со старым гнедым, и они бродили вдвоем, как потерянные.

Они покрыли большое пространство, оставили позади себя немало сочных лугов и тенистых мест. Привычными путями они подымались вверх по каньонам, переваливали через отроги, взбираясь на старые летние пастбища Дымкиной матери и всего табуна.

Приходилось им наткаться на другие косяки, но в каждом из них был свой властелин с диким взглядом и тяжелыми челюстями.

Встречались они в своих блужданиях и с молодыми конями, выгнанными из табунов. Короткое «здравствуйте» и «прощайте» - и всякий шел дальше своим путем.

Так скучно и однообразно тянулось время, пока не случилось важное событие. Дымка и старый гнедой наткнулись на маленький табун кобыл и жеребят.

Старый гнедой осмотрел жеребца, который вел табун. И когда рыжий молодой жеребец направился к ним, полный гордости и веры в свои силы, старый гнедой понял, в чем его слабое место. Этим слабым местом была молодость, она сквозила в каждом его движении, во всей повадке коня. Старый гнедой знал по опыту, что молодость и глупость неразлучны, и понял, что молодому и глупому не устоять против него, старика. Молодой жеребец перенес на своем веку не много битв, это видно было с первого взгляда. Старик не повернул вспять, как делал прежде, - он уперся в землю и стал ждать жеребца. Дымка последовал его примеру.

Трое коснулись друг друга ноздрями и круто выгнули шеи. Послышалось фыркание, взмет и удар, - молодой жеребец начал дело.

Дымка получил удар, который сшиб его с ног. Между тем старый гнедой настиг жожака, и схватка завязалась. Удары и укусы были горячи с обеих сторон, рыжий жеребец дрался прекрасно. Бойцы не уступали друг другу, борьба могла затянуться, если б не Дымка.

Когда рыжий завертелся, чтобы брыкнуть задними ногами гнедого, он очутился в двух шагах от Дымки, и тут началась двойная атака. Жеребец почувствовал тяжелые удары копыт и зубы, рвущие его с обоих боков.

Он увидел вдруг, сразу увидел, что ему надо выбраться из боя, бежать, если он хочет спасти свою шкуру. Жеребец подобрался, прыгнул подальше от злобных копыт и зубов и понесся прочь что было силы, преследуемый своими соперниками.

К концу дня, когда солнце перевалило за синие хребты, Дымка и его товарищ увидели на фоне неба одинокий силуэт лошади: рыжий жеребец плелся за ними следом. Он шел за ними и за табуном, который они отбили у него в течение трех дней, и однажды снова бросился в бой, чтобы отвоевать потерянное. Но он ничего не отвоевал и только оставил в схватке несколько клочьев шерсти. Дымка и старый гнедой задали ему такую же трепку, какой угостил их недавно другой жеребец.

Следующие дни были тихим праздником для гнедого, и Дымка тоже был доволен судьбой. Он понемногу привыкал к разлуке с матерью, с новыми молодыми кобылами и жеребятами легче забывались старые друзья.

Все лето паслись они с маленьким табуном кобыл и жеребят в горах. Жеребята порой поднимали возню, и доставалось тут всегда гнедому и Дымке. Старшие лошади резвились с жеребятами наравне, и если бы кто-нибудь посмотрел, как они щиплют друг друга и носятся сломя голову наперегонки, он изумился бы тому, с какой заботливостью Дымка и старый гнедой уступают жеребяткам победу во всех этих играх.

Лето прошло, трава побурела, листья осины кучами легли по берегам потоков, наступила осень, и табун с каждым днем теперь пасся ниже и ниже, пока не достиг подножия холмов.

Здесь Дымка занял место жожака и повел табун к зимним квартирам, куда мать водила его на первом году жизни. Старый гнедой шел за ним, поглядывая назад через плечо, пока не заметил, что кобылы и жеребята отстали от них и пошли по другой тропе. Гнедой остановился, посмотрел, как Дымка бежит прямо вперед, и опять оглянулся на кобыл. Он не сразу решился - идти ли ему за товарищем или повернуть к табуну. Ему хотелось быть с Дымкой, и в то же время маленькие жеребята были дороги его старому сердцу. В это время от табуна отделился стригунок и звонко заржал, обернувшись в его сторону. Это ржание вывело из нерешительности гнедого, он заржал в ответ и повернул к кобылам и жеребяткам.

Дымка скакал вперед не оглядываясь. Его тянуло к старым зимним квартирам, может быть, ему казалось, что там он снова встретится с матерью. Во всяком случае, он ни разу не глянул назад - бежит ли за ним табун, а когда он спохватился, табун уже скрылся из вида.

Дымка остановился. Он посмотрел на далекие родные холмы, которые манили и влекли его к себе, потом высоко вскинул голову и заржал. Издалека донесся до него

ответ - это откликнулся его товарищ, старый гнедой.

Дымка снова громко заржал и понесся догонять табун. Он почувствовал, что не так уж важно, где, на каких отрогах проведет он зиму - несколькими хребтами к северу или к югу от мест, где он вырос, - это было теперь безразлично: он был уже взрослой лошастью. Старая кобыла вела теперь табун, и Дымка следовал за ней бок о бок с гнедым. Маленький жеребенок пощипывал его за круп. Все было хорошо на свете.

IV. ПЛЕН И ВЕРЕВКА

В эту зиму снега были глубоки, до травы было трудно добраться, и маленький табун, который бродил по низким холмам, разбросанным по прерии, должен был много, упорно работать копытами, чтобы достать хоть самую малость еды. Стада рогатого скота тянулись по следам лошадей, выискивая жалкие стебли сухой травы, которую те отрыли из-под снега и бросили.

В эту зиму нельзя было купить сена, и пастухам ничего не оставалось, как морить скот голодом. Осенью скот был в прекрасном состоянии, но когда повалили снега, закружились и замели корм, жир под кожей быков и коров растаял, и ребра все сильнее и сильнее стали проступать сквозь длинную зимнюю шерсть.

Потом завывали бураны, и скоро - как ни выбивались из сил пастухи - то здесь, то там стали появляться снеговые бугры. Под снеговыми буграми лежали тела павших животных. Иные были обглоданы стервятниками, - койотам пришла масленица, а что хуже - однажды на горизонте показались три больших серых волка.

Дымка и старый гнедой увидели их первыми. Они наострили уши в сторону разбойников, когда те подошли поближе и остановились, осматривая табун.

Дымка никогда не видывал волка, но старый гнедой навиделся их всласть, шрамы на его шкуре говорили о прошлых встречах. Он громко захрапел, увидавши три серые тени, и по этому храпу Дымка понял, что волки - не чета койотам, которых гонял он, бывало, еще годовичком. Его подмывало все же задать им гонку, и только поведение гнедого удержало его в табуне.

Ослабевший, подышающий скот - вот зачем появились на пастбище волки. Конечно, они справились бы со здоровым животным не хуже, чем со слабым, но именно запах падали, разносившийся далеко по прерии, взволновал их сердца и потянул на разведку. Ниже их достоинства было коснуться заметных снегом остовов. Это были старые волки, искушенные в деле убийства, им годилось только свежее мясо.

Но сейчас еще было светло, а в их обычае было ждать с убийством до ночи. Они взяли в сторону, понюхали снег и воздух, чтобы убедиться, свободно ли поле действий, еще раз обмерили взглядом окрестность и потрусили прочь. Старые живодеры, они далеко обегали остовы, боясь капканов, стальные клешни знакомы были их лапам, на шкурах повыстеганы пулями были рубцы, а один из них хранил под шкурой свинец, которым издавна угостил его ковбой из своей дальнобойной винтовки.

Старый гнедой знал волчьи повадки. Он бросил откапывать из-под снега траву и все внимание свое устремил на отроги, кольцом окружавшие табун. Его очень встревожило то, как волки приметили табун и скрылись, гнедому сразу стало тесно в котловине, - врагу легко было сюда подобраться незримым и застигнуть добычу врасплох.

Старые кобылы тоже выказывали беспокойство. Дымка настороженно поводит ушами, и когда гнедой стал во главе табуна и повел его вон из котловины на открытый простор, даже маленькие жеребята прижались к бокам матерей, испуганно поблескивая белками глаз.

Встала большая луна и залила светом тропинку, пробитую в обледеневшем снегу, в воздухе было тихо, все живое застыло, не шевелясь, чтоб не тревожить вокруг себя воздух. Легкое движение воздуха при таком морозе костенило члены,

замораживало кровь.

Дымка, гнедой и остальные лошади стояли на холме, с которого далеко было видно вокруг. Они стояли неподвижно, будто окаменели или замерзли, только порой повернется ухо, ловя далекий или близкий звук.

«Яп-яп!»-раздался крик койота, другой ответил ему, и скоро они наполнили воздух своим пением. Эхо их голосов еще не замерло, когда протяжный угрюмый вой волка разорвал тишину. Маленький табун не моргнул и глазом при крике койотов, но теперь все подняли головы, запрядали ушами, гнедой захрапел, захрапели другие.

Табун всполошился. Дымка вырвался в сторону и тотчас вернулся обратно, потом, прижавшись как можно тесней друг к другу, лошади двинулись вперед. Они двигались точно тени, и точно тени скользили за ними три серые фигуры.

Старый гнедой охранял табун с тыла. Он первый заметил волков, и долгий с присвистом храп его сорвал лошадей с места - табун ринулся в бешеную скачку, ставкой которой была жизнь. Холодный воздух рвался о груди, облаком повис снег, взбитый копытами обезумевших лошадей. По сугробам и ямам неслись они напрямик, вдоль подошвы хребта, к просторной равнине. Дымка скакал вместе с другими и держался почти в голове табуна. Потом борьба с глубоким снегом разогрела его кровь, он весь налился злобой. Что-то заворчалось в мозгу и замедлило его бег. Дымка понемногу стал отставать, скоро весь табун обогнал его, и он оказался в самом хвосте. Он хотел посмотреть, что за опасность несут с собой волки, - опасность, от которой табун бежит, как от огня.

Последним обогнал Дымку старый гнедой, он бежал медленно, подгоняя двух маленьких жеребят, чтоб они не слишком отставали. Скачка по глубокому снегу, да еще с той скоростью, с какой неслись табун, давала себя знать, и старику немалых трудов стоило заставлять бежать малышей.

Волки понемногу настигли табун и перешли бы уже в наступление, если бы не Дымка. Он поотстал, и это ввело волков в заблуждение. Они решили, что мышастый сдает и вот-вот остановится. Дымка рад был бы встретить врагов и вышибить из них душу, но когда звери метнулись к нему, он передумал и бросился прочь, чтобы на бегу присмотреться к вражьей ухватке.

Вскинув голову и подняв хвост, он понесся в сторону и повел волков прочь от табуна. Они считали его уже своей жертвой, но чем дальше шла гонка, тем ясней им становилось, что у жеребца осталась еще в запасе немалая толика сил.

А у Дымки тем временем пропала всякая охота ввязываться в драку с волками: что-то грозное было в трех голодных зверях, мчавшихся за ним по пятам, и Дымка все время сохранял достаточную дистанцию между ними и собой.

Волкам не удавалось ни на шаг уменьшить это расстояние, и они мало-помалу убедились в том, что попусту тратят время. А он уводил их прочь от табуна все дальше и дальше. Похоже было на то, что добыча и вовсе уходит от них.

Скачка, которую затеял Дымка, для табуна была передышкой, в особенности для жеребят. Они могли замедлить немного бег и перевести дух. Когда волки бросили гнаться за Дымкой и снова повернули к табуну, жеребята со свежими силами улепетывали от жадных зубов. Увидавши, что волки оставили его, Дымка поскакал назад к табуну.

Догнать табун было теперь нелегким делом. Но Дымка не даром был Дымкой - долгая трудная скачка была ему нипочем. Он поспел к своим как раз в ту минуту, когда волки кружились уже вокруг гнедого, подбираясь к жеребяткам, которых тот подгонял.

На гнедого волки не обратили внимания, они прошли мимо него: он был слишком стар, в особенности по сравнению с легкой добычей - с беззащитными жеребятками.

Старый конь видел, как волки настигли табун и, минуя его, понеслись к жеребяткам. Он не подумал пуститься прочь и бросить жеребят. Он решил защитить их.

Иначе матери жеребят могли подумать, что каждый заботится только о себе, и началась бы паническая скачка ради спасения собственной шкуры.

Гнедой знал волков, он знал, что они все-таки следят за ним, поэтому, когда они, минуя его, догоняли жеребят, он вроде бы уступил трем волкам дорогу. Но в тот миг, когда первый волк прыгнул, чтобы вцепиться в задние ноги одного из малышей, старый гнедой сорвался с места и, рискуя собственной жизнью, бросился в бой.

Волки не ожидали этого, они забыли и думать о нем и все внимание свое устремили на добычу. Для них было большой неожиданностью, когда огромный гнедой с тыла ударил на второго волка и швырнул его в снег, торопясь к вожаку. Могучее копыто опустилось как раз в ту минуту, когда вожак обернулся навстречу гнедому. Копыто коснулось нижней его челюсти, и челюсть бессильно повисла неподвижным привеском. Когда старый гнедой обернулся к другим волкам, клочья серой шерсти торчали у него в зубах.

Вот тут-то и появился Дымка. Он кинулся прямо в свалку, и когда второй волк, выбравшись из сугроба, приготовился к схватке, которая должна была стоить жизни гнедому, Дымка с быстротой молнии выбросил ногу вбок. Копыто врезалось в переднюю лапу волка, у самого тела, и отшибло ее прочь, точно острым заступом.

К полудню завывала метель, и табун встретил ее на полдороге к своей котловине, к убежищу, покинутому в грозную минуту.

Ночью слышался вой одинокого волка, и с юга донесся ответный вой, протяжный, злой и угрюмый.

Дымка захрапел, но гнедой только приподнял голову и повел ушами. Он знал волков и знал, что они в эту ночь не вернутся назад.

Буря кружилась весь день, он засыпал овраги глубокими сугробами, потом ветер улегся, и снег повалил лениво и медленно. Бугры над остовами павших быков стали выше, и к ним прибавился новый. Большой серый волк лежал под этим бугром, - причиной его смерти была раздробленная челюсть.

Месяца два-три спустя ковбой заарканил трехногого волка и, осматривая место, на котором не хватало ноги, сказал:

- Шут его знает, какая пуля так чисто отбрила ему лапу!

Долгой, тягучей зиме, казалось, не будет конца. Снег был глубокий, и хотя солнце карабкалось в гору и все дольше стояло в небе, незаметно было, чтоб прибывало тепло. Лошадям приходилось несладко: корм добывать из-под снега становилось трудней с каждым днем, они теряли в весе и в силе. От прежнего лоска не осталось следа, все кости были наружу.

Потом стало теплей, сугробы осели, и по солнечным склонам холмов потекли ручейки. Медленно из-под снега стали выбиваться сухие былинки. Казалось, не дни прошли, а недели, прежде чем обнажилась отава. Еще немного - и зеленые стебли свежей травы пробились сквозь бурый войлок. Зима и ее опасности остались позади. Прерия из белой стала бурой, потом зазеленела. Зимняя шерсть полезла клоками, глаза лошадей заблестели, и скоро ребра их исчезли под слоем жира и под гладкой шкурой. Новые игривые жеребята появились в табуне, а когда табун выбрался в открытую прерию, он встретил телят с белыми, блестящими на солнце мордами.

Дымке все было впрок, каждая жилка его играла здоровьем, и когда он со старым гнедым, к которому, казалось, снова вернулась юность, носился по простору, оберегая жеребят, это было красиво, как красива всякая настоящая жизнь.

Месяцы мирно текли, и табун бродил по прерии, нисколько не заботясь о том, где застанет его рассвет. Высокий зеленый корм был повсюду, его было вволю, быстрые горные потоки замедляли свой бег по долинам и приносили влагу тополям, досягавшим неба и ронявшим прохладную тень. Скорей по привычке, чем из-за жары, табун однажды направился к подножию холмов, а потом поднялся и выше в горы. Может быть, в горах свежий был воздух, может быть, лошадям нужна была перемена

кормов, а может быть, слишком часто на открытых равнинах встречались всадники и от этого им было беспокойно. Но от всадников скрыться было не легко, и как-то добрых полчаса держался в полумиле от них верховой с биноклем в руках, осматривая табун, который бродил по крутому склону, нимало не подозревая, что с него кто-то не сводит глаз.

Этот всадник заметил молодого красавца мышастой масти и, увидев его, присвистнул от изумления. Он подъехал немного ближе и снова посмотрел на лошадь, подъехал бы еще ближе, если бы не боялся потревожить табун. К тому же ему нужно было только узнать, куда направляется этот табун, а там он мог отыскать мышастую лошадь, когда пожелает.

Дымке исполнилось четыре года, шел пятый. Это был возраст, когда обычно лошадей загоняют в кораль и обьезжают под седло или под упряжку - для работы на ранчо или для продажи на фермы. Молодая лошадь натешилась волей, и теперь время пришло ей поработать.

Узнать об этом довелось Дымке вдруг, неожиданно-негаданно. Долгоногий всадник на долгоногом коне показался на склоне - над табуном. Огромное расстояние было покрыто карьером в короткий срок, всадник загнал лошадей вниз, на равнину, а там - в широкие крылья коралья. Дымка вдруг увидел, что он в загородке и выхода нет. Большие ворота коралья закрылись, и всюду кругом были толстые тополевые брусья. В другой загородке, примыкавшей к той, в которую попал Дымка, были другие лошади, все примерно его возраста и роста. Дверь в ту загородку открылась, и тот же долговязый всадник, что прежде неся за ними, отбил Дымку от табуна и загнал его к сверстникам. Дверь снова была заперта, и Дымка, просунувши голову между кольев, увидел, как долговязый растворил тяжелые створки ворот и выпустил на волю табун. Старая кобыла повела табун широкой рысью, прямо в ту сторону, откуда их пригнали. Дымка увидел, как поспешают маленькие жеребята и как рядом с ними тащится старый гнедой. И гнедой, и другие оставляли Дымку среди чужих лошадей в высоком корале, а в двух шагах от него стоял человек, который для Дымки был в десять раз хуже всякого волка.

Он заржал. Этот звук заставил гнедого остановиться, оглянуться и заржать в ответ. Старая лошадь постояла немного, как бы в ожидании, но скоро двинулась снова и догнала табун. Гнедой знал людей, - не одного человека нашивал он на своей спине. Свобода была возвращена ему за то, что он хорошо потрудились. Он понимал, что Дымку нечего ждать.

Дымка смотрел, как в облаке пыли исчезает табун, как лошади скрываются из глаз. Если б не брусья, как быстро он мог бы догнать их! Но тяжелые ворота скрипнули, и ковбой с мотком веревок в руках вошел в кораль.

Дымка при виде человека захрапел и ринулся в противоположный конец коралья. Крупом упершись в брусья, весь трепеща, он смотрел на того, кого считал своим злейшим врагом. Этот страх заставил Дымку перенести много страданий, которых ему не пришлось бы испытать, знай он только, что человек в этот миг смотрел на него с восторгом, изумляясь его совершенству. Но дикий конь не мог знать этого, и каждое слово человека звучало для него, точно рычание рвущего мясо зверя, и каждый шаг его был шагом к жертве - и Дымка был жертвой.

Ковбой понимал его чувства. Он вырос на спинах дичков, он зарабатывал хлеб, укрощая их и делая из них верховых лошадей. Ловя глазами каждое движение дичка, он улыбался из-под широкополой шляпы. Улыбался потому, что видел, что этот дичок создан для седла, а не для упряжки, не для работы на фермах. Ему радостно было при мысли, что он первый коснется прекрасной шерсти, рассматривая Дымку и выпрастывая петлю, он понял: не жаль никаких трудов ради того, чтоб сделать этого дичка своим другом.

Когда петля была готова, он пошел к молодому коню. Дымка смотрел, как

приближается человек, и по всему было видно, что лошадь хотела бы просто исчезнуть с лица земли.

Другие лошади бросились врассыпную от человека, и Дымка вместе с ними метнулся к другому концу кораля. На бегу он услышал свист веревки, и что-то похожее на змею обвилось вокруг обеих его передних ног.

Когда он прынул в воздух, чтоб вырваться, передние ноги были выдернуты из-под него, он описал в воздухе дугу и враспашку, боком шлепнулся наземь. Едва коснувшись земли, он рванулся, чтобы вскочить. Снова и снова пытался вскочить он на ноги, и когда ковбой заговорил с ним, Дымка бросил в его сторону неистовый взгляд и захрапел.

- Да лежи ты спокойно, - сказал ковбой. - Я не собираюсь сдирать с тебя твою славную шкурку.

Дымка лежал, - ничего другого ему не оставалось, потому что у него уже были связаны вместе все четыре ноги. Он лежал беспомощно, тяжело дыша, его мозг уже не работал, и сердце готово было выскочить. Ни кугуар, ни медведь не смогли бы свалить его так легко, он мог бы с ними бороться, но здесь он сразу лишен был всех своих сил, и тайна человеческой мощи исполнила его страхом - страхом, какого не почувствовал бы он и перед тысячью медведей, кугуаров и волков. Смутно видел он, как ковбой склонился над ним. Колено прикоснулось к его шее, и мускулы всей шеи затрепетали, как если бы впились в них зубы змеи. Рука дотронулась до его уха, а другая - до лба. Это не было больно, но если бы боль и была, Дымка бы ее не почувствовал.

Скоро уздечка была надета на его голову: он почувствовал сыромятный намордник, сомкнувший ему челюсти, и аркан на шее, все это время человек издавал тихие звуки, в которых не было почему-то угрозы. Он разговаривал с Дымкой. Ковбой погладил его по лбу, потом встал и подошел к ногам лошади, Дымка почувствовал, что тугие веревки на его бабках ослабли. Ноги его были свободны, но ум был затуманен, и он продолжал лежать. Человек потянул за уздечку.

- Ну-ка, вставай, - сказал ковбой, и Дымка очнулся.

Он вскочил, брыкаясь, взлетая на дыбы и храпя. Его ноги были свободны, он мог ими действовать, и в эти действия он вложил всю, какая была у него, силу и все желание вырваться от ковбоя, который держал его на длинной веревке.

Говорят об особом искусстве рыболова, который томит огромную рыбину в воде, подводя ее к берегу. Но это искусство - ничто по сравнению с тем мастерством, с каким ковбой в полтораста фунтов весом удерживал на месте дикого зверя в тысячу с лишком фунтов.

Впившись ногами в землю, он удерживал лошадь, это было ему не впервой, и все почти лошади боролись с ним так, как боролся теперь Дымка. Глаза молодого коня запылали, когда он увидел, что и без пут ему не вырваться, не стряхнуть двуногого врага. Храпя и воюя с веревкой, которая крепко ухватила его за голову и за шею, он начал уставать, а потом пришло время, когда ковбой уже тихо стоял на месте, а в нескольких ярдах от него, широко расставив ноги, стоял Дымка, и пот каплями стекал по его лоснящейся шкуре. Так он стоял и смотрел, как ковбой пятился назад, пропуская веревку между руками, он смотрел, как тот отворил ворота, взял под уздцы верховую лошадь и вскочил в седло. Тридцать футов веревки было теперь между ним и всадником, и когда всадник въехал внутрь кораля и веревка вздрогнула, Дымка сорвался с места и, трясая головой, будто старался сбросить уздечку, пустился прямо к открытым воротам.

Но едва очутился он за ними, как сразу осекся. Он не знал, что веревка в силах остановить его бег. Ворота закрылись за Дымкой и всадником. Веревка ослабла, и Дымка снова понесся вперед. Он чувствовал, что веревка по-прежнему на нем, но теперь она не сдерживала его бега. Пересохшее русло ручья, заросшее высокой зеленой травой, проходило мимо кораля, и Дымка направился туда. Ему все равно было, куда

бежать, лишь бы он мог сохранять расстояние между собой и всадником. Но бежать ему пришлось недолго: снова веревка натянулась, ту же и ту же - он должен был остановиться.

Всадник спрыгнул с лошади и привязал конец веревки к бревну.

- Ну, друг мой, - сказал ковбой, любуясь Дымкой, - не трепли понапрасну веревку: чем меньше будешь обижать ее ты, тем меньше она тебя.

С этими словами он вскочил в седло и уехал к коралю, где много дичков ожидало еще той науки, которую получил уже Дымка.

Эта длинная мягкая веревка и это бревно Дымке дали первый урок послушания человеку.

Чем он больше боролся с веревкой и старался уйти от нее, тем тверже он понимал, что всякая борьба бесполезна.

Эта веревка верно служила человеку и отбрасывала Дымку назад всякий раз, когда он достигал ее конца. Она лишала мощи его шею, и скоро он окончательно сдался, убедившись в своем бессилии.

Бревно, к которому была привязана веревка, также делало свое дело – оно было достаточно тяжело, чтобы сдерживать лошадь, и хотя Дымка тащил его за собой, далеко с ним уйти он не мог.

Дымка понял: пришел конец всему, что он любил на свободе - тенистые лощины, чистые ключи, неоглядные пастбища - все было у него отнято.

Он не знал, что ждет его дальше. Он знал одно: вот он в русле пересохшего ручья у короля и не может отсюда уйти.

V. ОБЪЕЗДЧИК САДИТСЯ В СЕДЛО

Облако пыли стояло над большим коралем, где Клинт, объездчик дичков компании «Рокин Р.» седлал и «обламывал» молодых жеребят, чтобы сделать из них добрых верховых коней. Для ковбоя то были жаркие дни. Нелегко было бороться с гладкими, сытыми, храпящими лошадьми и доказывать им, что кто-то может управлять ими, и ездить на них верхом, и распоряжаться ими по своей воле. Но Клинту это было привычно, - без отдыха, без перерыва он занимался этим делом уже много лет.

Он выбирал десяток дичков и, выгнав дурь из этого десятка, сдавал их объезженными лошадьми, а там загонял в кораль новый, свежий десяток диких коней. На каждом объезженном удалце нужно было ездить хоть по получасу в день, и тогда постепенно они приучались ходить под седлом. Клинт работал в этой компании около двух лет и за это время сломил и объездил около восьмидесяти лошадей. До того в других компаниях он объездил много больше, и никогда не случалось ему спасовать, если какая-нибудь лошадь не поддавалась ученью - не он был тому виной: никто не сумел бы сделать из этой лошади что-нибудь путное.

Но схватки со строптивыми лошадьми давали себя знать: ни один из дичков, которых Клинт укрощал, не щадил его, всякий раз требовалось от него предельное напряжение сил. Многие старались стряхнуть его наземь и втоптать в пыль, удары копыт сыпались, точно молнии, зубы сдирали рубаху со спины, он пересаживался с одной дикой лошади на другую, но и у всех у них была одна забота: как бы перетрясти в нем сердце из левого бока в правый.

Бывало, оказывался он на земле с вывихнутым плечом, с переломанными ребрами или ногами. С головы до пят он весь был в отметилах, и, хотя не каждая была видна, сам Клинт всегда чувствовал, где и как над ним «поработали» лошади, - где они ему что-нибудь сломали, вывихнули, а когда крепко порастрясли. От случая до случая проходило время, и некоторые увечья успевали зажить, но часто Клинта калечили в одном и том же месте снова и снова, так что были у него раны, которые никогда не залечивались до конца, как говаривал Клинт, он чувствовал порой себя развинченным,

точно старые часы, и ждал того дня, когда какой-нибудь бешеный черт оборвет его пружину и грохнет его о землю так, что не собрать будет частей.

Клинт начал объезжать дичков еще мальчиком, и потому в тридцать лет он был выдавшим виды старым ковбоем. Компания, где он служил объездчиком, была так велика, что лошади работали в среднем только четыре месяца в году, да и то в эти четыре месяца на лошадях, пошедших в объездку, удавалось сидеть всего по четыре-пять часов раз в три дня. Работать на готовых лошадях с рогатым скотом, конечно, легче. А тут люди рано рассыпались в куски - лошади были гладки. Но жалоб не было: ведь никто на свете так не любит гладких, сильных лошадей, как ковбой. Правда, лошади часто не хотели вести себя смирно и старались повытрясти зубы изо рта у своих седоков. Но такими их и любит ковбой, его гордость - иметь под собой сумасшедшую лошадь, в которой здоровья побольше, чем в старом, разбитом одре. Со временем все это скажется, но и тогда на лице у ковбоя будет усмешка, гордая усмешка при мысли о том, что никогда и никто не видал его на лошади, не стоящей настоящего ковбоя.

Так и для Клинта: лошади были для него жизнью. Он любил их всем своим существом, дороже всего на свете для него был полный дичками кораль. Удовлетворение, которое он получал, когда видел, как какой-нибудь четырехлетка воспринимает его науку, значило для него во сто раз больше, чем хозяйское жалованье, и, бывало, объезжая смышленную молодую лошадушку, он крепко привязывался к ней. Ему горько бывало расставаться с ней, когда приходило время сдавать всех полуобъезженных лошадей в другие руки для работы со скотом.

- Я вроде как бы женюсь на этих лошадушках, - говаривал он, - и, уж конечно, неохота нам разлучаться, едва мы споемся. К счастью, - добавлял он, - пока таким вот манером обламываешь лошадей, в них как следует и не успеешь влюбиться.

Но Клинт постоянно влюблялся в своих лошадей, и, когда приезжали верховые и угоняли прочь укрощенных дичков, ему приходилось не сладко.

- Будет время, - сказал он однажды, - я встречу лошадь, с которой мы сойдемся всерьез, то-то пойдут у нас дела!

Клинт так привыкал к лошадям, что забывал, старался не думать о том, что они принадлежат не ему, а компании, что он - только наемные руки. Он часто повторял себе это, но от этого не меньше привязывался к лошадям, и теперь, наткнувшись на лошадь мышастой масти, почувствовал, что готов на все.

Едва он увидел дымчатого красавца, у него екнуло сердце, он понял: «то-то пойдут дела», когда верховые приедут за всеми полуобъезженными дичками... Клинт мечтал о такой лошади, но никогда и не чаял увидеть такую в яви. Эта лошадь взяла его за сердце, и, глядя на нее сквозь брусья коралья, он понял: это лошадь такого сорта, что он украдет ее, если не сможет купить, вырвет, если не сможет украсть.

Два дня прошло с тех пор, как он загнал Дымку в кораль и потом отпустил его, привязав к бревну, и эти два дня Клинт трепетал от страха, как бы кто-нибудь не наткнулся на лошадь, не захватил ее, как бы она не попала в число личных верховых лошадей инспектора или других совладельцев компании, любивших красивых коней.

Клинту жестоко хотелось иметь эту лошадь, ему все казалось, будто что-то должно отнять ее у него. Потом, поразмыслив, он успокоился.

«Все равно прежде они дали бы мне ее объездить. А раньше, чем кто-нибудь протянет к этой лошади руку, я сделаю из нее людоеда... Да, я скорее сделаю из нее людоеда, чем отдам ее кому-нибудь другому».

В эти два дня Клинт ни разу не упустил случая показать лошади свои чувства к ней и завоевать ее доверие. Когда запутывалась веревка, Клинт всегда был тут, чтобы распутать ее, и всякий раз, увидев его, мышастый шархался в сторону, рвался прочь, но с каждым разом все меньше и меньше.

Мало-помалу лошадь перестала бояться, что человек сожрет ее, растерзает, и

скоро она почувствовала, что каждое появление Клинта приносит ей какое-нибудь да облегчение.

На второй вечер, покончив с урочной работой, Клинт вышел из своего бревенчатого дома и отправился к месту, где бродила на привязи лошадь. Он подошел к ней на длину веревки, свернул папироску и остановился, смотря на нее.

- Дымка, - сказал он, - и красавец же ты...

Клинт не заметил даже, как назвал жеребца, - с таким восторгом следил он за каждым его движением, это имя само пришло на язык, и с той поры он всегда повторял его, будто иначе и не мог называться этот дикий скакун.

Клинт на своем веку окрестил немало лошадей, и всегда имена подбирались по масти, по росту, по виду лошади, иной раз по норову. Одну высоченную кобылу он назвал Коротышкой, одного кряжистого приземистого малыша - Небоскребом. Иной раз на первый взгляд имя совсем не подходило к лошади, но дано оно было не без причины.

Дымка был Дымкой, и в этом не могло быть сомнений. Он в точности был похож на клубы серого дыма, так и казалось, будто сейчас он снимется с земли и дымом взлетит к небу. Его знакомство с человеком было недолгим, и он был еще не слишком доверчив.

Клинт прекрасно понимал, что происходит в душе у лошади, он видел в ее глазах страх и с этим страхом смешанную горячность - горячность, которая означала бой. Он знал, что лошадь будет бороться и не дешево дастся ему в руки, он был бы сильно разочарован, если б не видел в глазах лошади этого злого огня. Для зверя естественна оборона, и Клинт считал: чем больше в лошади дикости, тем драгоценней она будет после победы. Он приготовился к трудной работе - к превращению сырого дичка в хорошо обьежженную и обученную ковбойскую лошадь.

Он сделал несколько шагов к Дымке, и Дымка попятился назад, насколько позволяла веревка, он захрапел, увидав, что дальше пятиться некуда, и ударил копытом при приближении ковбоя. Клинт не спешил, но упорно подвигался вперед, пока не очутился так близко от Дымки, что мог его тронуть. Придерживая веревку левой рукой, он вытянул правую и погладил лошадь между глаз. Дымка присел, захрапел, но вытерпел это. Он стоял не шевелясь, чувствуя, как мягко поглаживает рука его лоб, как она понемногу поднимается выше и выше.

Клинт коснулся уже одного уха, когда Дымка протянул морду вдоль рукава ковбоя, понюхал и вдруг схватил Клинта зубами за руку. Ковбою не привыкать было к повадкам дичков, он ждал этого, и лошадь вырвала только клочок рубахи - не мяса.

- Ну-ну, не злись, - сказал ковбой, продолжая как ни в чем не бывало поглаживать лошадь. - Я только хочу добраться до ушей и потрогать, какова у тебя шишка ума.

В конце концов он добрался до этой шишки и долго почесывал Дымку между ушей. И дальше, за левым ухом, и шею, пока не дошел до загривка, пока не разгладил и не распутал на гриве всех узелков. Лошадь то и дело вздрагивала и припадала к земле, но ковбой продолжал ее гладить, пока не стало заметно, что лошадь легче сносит прикосновение его руки.

Клинт разговаривал с ней без конца, как в жизни не разговаривал ни с одним дичком.

Дымка безотрывно следил за каждым движением, которое делал человек.

Те дни, что Дымка провел на привязи, поубавили в нем дикости. Он научился тому, что с веревкой спорить бесплодно, что, дойдя до ее конца, нужно повернуть назад, мало-помалу привык он и к тому, что то здесь, то там прикоснется к нему веревка. Он перестал лягать ее за это. К веревке привык он больше, чем к человеку, но она приучила его не пугаться прикосновений, и теперь ему легче было снести прикосновение руки. Понемногу он привыкал и к руке, потому что движения ее были

правильны, не слишком быстры, равномерны.

- Видишь, сколько тебе послаблений, - сказал Клинт, поглаживая и загривок и спину. - Будь ты обыкновенный дичок, я не стал бы с тобой канителиться. Завтра утречком ты был бы уже в корале и я сидел бы у тебя на хребте. А на будущий месяц отправил бы тебя без долгих разговоров в работу. Но так как ты мне пришелся по вкусу, мы будем действовать иначе. Я не буду спешить и сделаю из тебя собственного моего молодца. И тогда все ковбои со всей округи позавидуют мне - такая из тебя выйдет лошадка.

Этот план Клинта был верным залогом победы, и медленно и упорно он начал воспитывать Дымку. Ковбой призвал на помощь все свое искусство и ухлопал бездну времени, чтобы вылепить из Дымки такого коня, какой был ему нужен.

Каждый вечер, едва кончался ужин, Клинт отправлялся вниз по пересохшему руслу к Дымке. По ходу своей работы Клинт убеждался, что не переоценил мышастого красавца, и, когда темнота заставляла его возвращаться домой, разочарования не было на его лице.

Дымка сидел на привязи больше недели. Все это время Клинт навещал его днем, во время работы в корале, и несколько часов проводил с ним по вечерам. Лошадь привыкла к веревке и больше на нее не обращала внимания, но ковбоя она все сторонилась: ему трудно было прогнать из ее сердца унаследованный от праотцев страх. Человек оставался для Дымки тайной и после недели знакомства. Власть, которую имело над ним это двуногое существо, заставляла Дымку ждать следующего его движения, каково бы ни было предыдущее, потому он и сторонился ковбоя, потому ни одного движения не сделал ковбой так, чтобы Дымка его не заметил.

- Ты, видно, решил не спускать с меня глаз, малыш, - сказал Клинт. - Но это как раз мне и нужно. Больше будешь смотреть - больше увидишь, скорей научишься уму-разуму.

Дымка смотрел - и видел, и учился. Однажды вечером Клинт отвязал веревку от бревна и повел его к коралю, лошадь была сломлена настолько, что ее уже можно было вести на поводу, и она шла довольно легко. Сердце Дымки колотилось в ожидании того неизвестного, что вот-вот случится. Когда ковбой проводил его через большие ворота, он высоко подымал копыта и осторожно ступал, его глаза впивались во все подозрительное - плащ, висевший на стене коралья, заставил его захрапеть и шарахнуться вбок. Клинт беседовал с ним и вел его дальше, через вторые ворота, в маленький круглый кораль. Толстый, суковатый столб был врыт посреди этого коралья, а возле него лежал блестящий кожаный горб - седло.

- Ну, малыш, сейчас начинается представление, позвольте вас познакомить вот с этим седлом.

С этими словами Клинт обернулся и стал поглаживать Дымкин лоб. Дымке теперь было не до ковбоя: все его внимание было устремлено на седло, с горящими глазами, насторожив уши, он храпел, ожидая, не прыгнет ли на него это кожаное «что-то», не разорвет ли, не сожрет ли живьем.

- Смотри, храни и лягайся сколько хочешь, - сказал ковбой. - Познакомься с этой штукой получше, я не буду тебя торопить.

Клинт стоял с Дымкой в нескольких шагах от седла, усмехаясь и поглаживая его за ушами. Дымка не прочь был бы отказаться от нового знакомства, но Клинт убеждал его подойти ближе к седлу, и ничего другого ему не оставалось.

Шевельнись в этот миг седло, Дымка прыгнул бы прочь, и Клинту его не сдержать бы. Но кожаный горб лежал неподвижно, совсем неподвижно, и скоро утратил свой грозный вид. Тогда Дымка отвернулся и стал рассматривать другие вещи в корале, но среди них тоже не оказалось ничего, что сулило бы неприятность, и внимание Дымки снова вернулось к ковбою.

Тогда Клинт подошел к столбу, медленно и тихо поднял седло и поднес его

ближе к Дымке. Едва звякнули стремяна, лошадь захрапела и попятилась, но Клинт и седло продолжали приближаться к ней медленно, но упорно.

Наконец Дымка уперся в высокий забор коралая, дальше ему некуда было отступать. Ковбой, не выпуская из рук веревки, подходил ближе, а с ним и седло. Вытянув ноги вперед, с низко опущенной мордой, Дымка припал к земле. Урок с седлом продолжался.

Когда, по мнению Клинта, седло было достаточно близко, а Дымка почти преодолел страх, он положил седло наземь и, взяв старое одеяло-потник, стал размахивать им в воздухе, ближе и ближе к Дымке были взмахи, и лошадь захрапела, выкатив белки глаз. Дымка попытался было повернуться и ударить одеяло копытами, но одеяло взлетало снова и снова, пока не коснулось его бока. Он шарахнулся в сторону, вскинул задом, но увернуться не смог.

Не произнося ни слова, ковбой продолжал наступление. Для сырого дичка урок был достаточно труден и без тревожащих звуков человеческой речи. Учение шло своим чередом, и Дымка едва не выпрыгнул из собственной шкуры, но потник сделал свое дело и показал ему, что как ни страшен он на вид, а вреда от него никакого.

Дымка начал брыкаться менее зло, огонь в глазах его потускнел, и скоро он уже только подрагивал мускулами, когда одеяло прикасалось к его шкуре.

- Скоро ты будешь сам просить меня: помашаи! - усмехнулся Клинт, не выпуская изо рта папироски. До этого было, конечно, еще далеко, но Дымка по крайней мере стоял и терпел.

То с этого боку, то с того заходил Клинт, пока лошадь из перестала вздрагивать от одеяла. Тогда ковбой бросил веревку, без труда захлестнул сыромятными путами передние ноги Дымки. Дымка слегка захрапел, но стоял смирно, потому что Клинт, спутывая ему ноги, все время помахивал одеялом. Едва только путы были надеты, ковбой поднял седло и легко, без толчка, опустил его на спину лошади. Дымке показалось, что происходит нечто новое, не похожее на игру с одеялом. Но так как ничего не случилось - только с боков заболтались ремни стремян и подпруги, - он остался стоять, как стоял, и только подрагивание мускулов вдоль плеча показывало готовность его прыгнуть в воздух при первой обиде.

Огромный опыт сделал Клинта мастером в деле седловки: ничто не беспокоило Дымку, и даже когда подпруга прошла у него под животом, он не моргнул глазом.

Дымка и не заметил, что он оседлан, пока Клинт не снял с него пут и не толкнул его в сторону, при этом толчке он почувствовал что-то приставшее к нему, повисшее на его спине, это было новое чувство, оно взбесило его, и, опустив морду, он забил задом.

Клинт ожидал этого, потому что нет такого дичка, который любил бы подпругу, как бы свободна она ни была, и когда Дымка взмахнул головой, Клинт был наготове: петля закружилась в его руках, бросок чуть-чуть на себя - и он присел на конце веревки.

Дымка едва не перевернулся, но Клинт поослабил веревку, и это спасло его. Ковбой не хотел валить лошадь на землю, но он не хотел также, чтобы лошадь бесилась с пустым седлом.

- Ну, Дымка, - сказал он, когда лошадь пришла в себя, обернулась и уставилась на него, - ну, Дымка, мне жаль, чтоб ты зря тратил силы. Если хочешь сходить с ума, подожди, пока я взберусь тебе на спину.

Дымка подождал - не потому, что послушался просьбы ковбоя, но потому, что он вспомнил, как эта веревка швырнула его наземь в первый день, перед тем как он был привязан к бревну в пересохшем русле за коралем.

VI. СКРИП КОЖИ

Между рукой ковбоя и головой лошади - двадцать футов веревки. Ковбой стоит

и усмехается, глядя на удивление, написанное на морде лошади, лошадь только что перестала брыкаться и вскидываться с пустым седлом. Седло впервые очутилось на ее гладкой спине, и не удивительно, что она всеми силами старалась выскочить из-под него.

- Ну, не горюй и подыми голову, - сказал ковбой, направляясь к лошади.

Широко расставив ноги, с диким огнем в глазах, храпя от удивления, Дымка смотрел, как идет к нему Клинт, он не знал, оставаться ли ему на месте и воевать или отступить перед врагом. Клинт подходил ближе. Дымка не видел в нем ничего угрожающего, стоял на месте, смотрел и ждал. Рука коснулась его лба, погладила его шею, человек тихо заговорил, и сердце Дымки понемногу перестало прыгать в груди.

Потом человек поводил Дымку немного по коралю, и Дымка, слыша при каждом своем движении скрип кожи и чувствуя тяжесть седла, готов был снова взбунтоваться, но ковбой был тут же рядом и мог осечь его снова. Дымка не хотел, чтобы его осадил, как это получилось в первый раз.

Они дошли до другого конца коралю, там Клинт обернулся и почесал Дымку за ухом.

- Так-то, дружище, посмотрим теперь, как ты будешь вести себя, когда я сяду в седло.

Дымка видел, как ковбой надел поверх брюк еще кожаные штаны, затянул на них пояс, опустил поля шляпы и надвинул ее на голову поплотнее, потом вдруг он потерял ковбоя из вида. Что-то выросло между ними - это большой палец ковбоя лег на веко его левого глаза и опустил веко на глаз. В следующее мгновение Дымка почувствовал, что к тяжести седла прибавилась новая тяжесть, и тотчас к нему снова вернулось зрение.

Но то, что он увидал, заставило его оторопеть. С минуту он стоял в оцепенении, стараясь понять, каким это чудом ковбой оказался сверху, затем стальные мускулы выстрелом прынули от земли, и тугой клубок, в котором сплелись человек и лошадь, взлетел в воздух и, казалось, долго в нем трясясь, прежде чем снова опуститься на землю.

Ремни седла хлопали, точно кнут, кожа скрипела, изгородь дрожала, тяжелые удары копыт сотрясали землю, пыль поднялась, точно серая туча. Дымка был испуган, взбешен, разъярен. Вся боеспособность, вся сила и выносливость его были напряжены до предела. Ни один волос его шкуры не лежал спокойно в этот миг - каждый мускул напрягался и опадал, чтобы стряхнуть со спины ненавистную тяжесть, стряхнуть, разметать и разбить.

Клинт сквозь седло чувствовал, как ходят под ним мускулы: где его ноги ни касались лошади, ее тело было стальным, стальные желваки, переливаясь под кожей, огибали под ним седло, седло едва не разлеталось на части. Порою казалось, что Дымка летит в одну сторону, седло - в другую. Порой Клинт не был уверен, где у лошади голова. А знать это было для него важнее всего, потому что потерять в эту пору голову лошади - значит скакать с завязанными глазами: всадник готовится к одному толчку, а встречает другой.

Клинт все еще сидел в седле, когда бешенные прыжки Дымки утихли и лошадь остановилась. Ей не хватало дыхания, широко раскрытые ноздри жадно ловили воздух, и тут почувствовал Дымка руку, которая ласково трепала его по шее. Дымка откинул уши назад и скосил глаза на ковбоя.

- Что и говорить, ты потрудился изрядно, - сказал Клинт. - Но я огорчился бы не на шутку, если бы кровь в тебе оказалась пожиже. А теперь побегаем по коралю.

Сперва Дымка больше брыкался, чем бегал, ковбой не препятствовал ему, но когда лошадь останавливалась и подымала голову, он пользовался случаем и заставлял ее идти рысью, так что скоро Дымка почти перестал кидать вверх задними ногами.

- Сдается мне, хватит с тебя на сегодня, - сказал Клинт, направляя Дымку на

брусся коралю, чтобы заставить его остановиться. Потом он протянул руку к левому уху лошади и слегка согнул его - ровно на столько, чтобы отвлечь внимание лошади на время, когда он будет слезать.

Клинт коснулся правой ногой земли и, держа левую в стремени, несколько секунд простоял, прижавшись к плечу лошади, подальше от ее задних ног. Дымка смотрел на него, дрожа, как лист, готовый вытоптать из ковбоя душу при первом его неверном движении, при первом нечаянном толчке коленом.

Клинту нужно было, чтобы Дымка смотрел на него. Это была ступень в воспитании, и ковбой должен был именно сейчас научить Дымку стоять на месте и не двигаться. Медленно и легко, строго следя и за собой и за лошадей, Клинт снова вскочил в седло. Это было сделано так, как одни лишь объездчики диких лошадей и умеют. Дымка не почувствовал ни малейшего толчка, когда ковбой подымался в седло, и даже если бы спущены были подпруги, седло бы не шелохнулось - так чисто это было сделано.

Клинт взбирался в седло и слезал с него несколько раз. Дымка стоял и дрожал, полный страха, но все же урок, видимо, шел ему впрок. То ли он решил, что бесполезно бороться с ковбоем, то ли он устал, во всяком случае стоял он смирно, скоро Клинт распустил подпругу и медленно, легко снял с него седло. Дымка быстро повернулся лицом к всаднику, понюхал кожаный горб и захрапел. Седло было отложено в сторону, и ковбой принялся вытирать Дымке спину мешком, судя по тому, как вела себя лошадь, ей было это очень приятно: ее верхняя губа при каждом движении мешка вытягивалась вперед и вздрагивала, а когда в конце концов Клинт оставил его, все поведение лошади говорило, что она просит еще, и Клинт снова взялся за мешок.

- Боюсь, - сказал он, улыбаясь и потирая лошади спину, - боюсь, чересчур я тебя балую. Первый раз оседлал, а ты уже - погладь да погладь.

В этот вечер Клинт перевел Дымку на новое место, где трава была высока и свежа, где ее было много, но Дымке не хотелось есть, и он едва прикоснулся к траве. Он стоял неподвижно и, казалось, перемалывал какие-то трудные мысли вместо того, чтобы пастись. Работая в корале с другими дичками, Клинт то и дело сквозь колья коралю посматривал в сторону Дымки, и всякий раз лошадь стояла в том же положении, что и прежде, а если и опускала голову к земле, Клинт видел, что она, хоть и щиплет траву, но почти не ест.

«Пожалуй, сегодня его лучше оставить в покое, - решил ковбой, видя, что и к полудню не переменялось поведение Дымки. - Пусть его обдумает, что к чему».

Ярко светило уже солнце, когда на другое утро Клинт выглянул из дверей своего бревенчатого дома и увидел посреди пересохшего русла Дымку. Лошадь, казалось, после долгих размышлений пришла к какому-то решению и снова принялась за еду, когда выглянул Клинт, она ела так, как будто старалась наверстать потерянное время, и настроена была, по-видимому, крайне мирно.

Ковбой ухмыльнулся.

- Ну, я знаю, что решил этот пострел, - сказал он. - Он намерен драться: как пить дать, будет мне сегодня встряска.

Клинт окончил свою дневную работу и, накатавшись досыта на девяти сырых, норовистых и брыкливых дичках, отправился к месту, где привязан был Дымка. Он отвел его в кораль, где два дня тому назад была у них первая битва. Дымку было теперь не узнать, точно его подменили. Голову он держал выше, не робел, не храпел при всяком пустяке, как в первый раз, и даже не взглянул на седло, когда Клинт надевал его и затягивал подпругу.

- Больно грозно ты пыхтишь, старина, - заметил Клинт. - В ноздрях у тебя так и рокошет. Что ж, потягаемся, дружище.

Клинт, хоть и шутил, приготовился к серьезному делу. Он должен был показать Дымке свое превосходство, потому что, сорвись он на этот раз, ему трудно было бы

сладить с лошастью и пришлось бы пустить в ход крутые меры.

Ковбой видел блеск в глазах у Дымки и понимал этот блеск, понимал каждое его движение, и все это означало борьбу.

- Я рад, что в тебе столько норова, - сказал Клинт, надвигая шляпу на лоб. - Но раз ты намерен драться, придется драться и мне, и кому-то из нас суждено победить. Посмотрим, дружище, кто кого.

Дымка только слегка тряхнул головой, когда Клинт положил ему руку на левый глаз и вскочил в седло. Для ковбоя это было предостережением, он должен был усесться - усесться прочно и крепко, потому что представление обещало быть очень серьезным.

Большая разница есть между буйством впервые оседланного дичка и буйством того же дичка во вторую, в третью езду. В первый раз, когда Дымка почувствовал на себе седока, он был только глупой, смертельно напуганной лошастью, конечно, он всем существом хотел сбросить с себя ковбоя, седло и уздечку, но он был слишком напуган и полон отчаяния, чтобы подумать о том, как это сделать. Первый урок научил его, что брыкаться без толку мало, что здесь нужна хитрость, что нужно, не горячась, ловить каждый промах наездника и бить по слабому месту, пока тень на земле не скажет, что седок проиграл.

Он разом сорвался с места и понесся легкими скачками, как бы присматриваясь к посадке ковбоя, не спуская глаз с него, следя за каждым его движением, он, казалось, обдумывал план своих действий.

Как раз когда Клинту казалось, будто все идет мирно, Дымка без всяких предупреждений «сломался надвое» так, что седло вывернулось из-под ковбоя, и тот потерял равновесие. Прыжки пошли и вбок и вверх, и с подбросом. Лошади уже казалось, что при такой неожиданной атаке седок почти сдался и сполз влево, - именно этого Дымка и ждал, чтобы привести в исполнение свой план.

Это был первый проблеск надежды с тех пор, как Дымка впервые почувствовал на своем теле веревку. Он увидел перед собой победу, прыжки его стали выше и тверже. Он не дал ковбою ни одного случая выровняться и прямо сесть в седле, и каждый прыжок его сталкивал ковбоя ниже и ниже, он прыгал по кругу и всякий раз, вскинув задние ноги, ударял ими в землю на целый корпус правее той точки, где они оторвались от земли. Ковбой прочно держался у самой луки, свесившись на один бок. Дымка брыкался и с неслабеющим хладнокровием следил за своим седоком, не давая ему усесться ровнее. Он ждал, чтобы седок съехал еще больше набок, но этого было не видать. Ковбой все сидел, свесившись влево, - левая рука на поводьях, правая откинута в сторону.

Борьба продолжалась, ковбой не сползал, да и только, и Дымка начал удивляться. Он испробовал разные способы, но, какие ни выдумывал он боковые прыжки, от нароста, возникшего у него на спине, не было избавления. Дымка начал уставать, его легкие запросили пощады, и скоро хладнокровие его исчезло. Все, что в нем было - и хитрость, и жар, - все вырвалось в нескольких потрясающих землю скачках, и когда, взглянув назад, он увидел, что всадник все еще там, им овладело отчаяние, и глаза его налились кровью. Он завизжал и сразу забыл все, чему научился в борьбе с человеком.

После этого борьба длилась уже недолго, - слишком была она яростна и бестолкова. Дымка боролся с воздухом, с землей, со всем миром - у него не было никакой определенной цели, скоро его бешенство перешло в беспорядочную скачку, он сделал несколько длинных прыжков и вовсе остановился.

В то время как Дымка, растопырив ноги, жадно глотал воздух, Клинт сошел на землю. Лошадь, казалось, не замечала его и смутно чувствовала руку наездника, который поглаживал ее за ушами и расправлял ее сбившуюся гриву.

- Говорил я, что ты задашь мне сегодня трепку, - сказал Клинт.

Одного не знал Дымка: во время борьбы не было такой минуты, когда из-под ковбоя ушло бы седло. Клинт съехал влево нарочно, это был только излюбленный его прием, нечто вроде железного нельсона борцов. Бедный Дымка проиграл снова, но при этом он покорила сердце своего врага, потому что ковбой увидел и понял все достоинства, выказанные лошадей в этой решительной схватке.

В эти первые две объезды, после того как Дымка, истощив запас своих сил, переставал брыкаться, Клинт устраивал ему для успокоения маленькую пробежку по коралю - и все. Кроме седловки и кружения по коралю, Дымка ничего не видел и потому был очень удивлен, когда на третий раз победитель широко растворил ворота коралю, снова прыгнул в седло и направил его в открытое поле. Дымка понесся к высоким отрогам, как утка к воде, он бежал размашистой рысью, как хорошая верховая лошадь, потом Клинт пустил его вскачь. После тесной загородки Дымка счастлив был нестись по простору, его мало заботило, куда направляет его бег ковбой. Он забыл о тяжести на своей спине, уши наострил вперед, и рука, которую он чувствовал на шее, напоминала ему только о том, что с ним кто-то скачет по прерии.

Дымке нужна была перемена после того, как он в третий раз был побежден. Он наслаждался свободным бегом и резво летел вперед. Все шло как нельзя лучше, как вдруг из-под ног его вырвался кролик. Лошадь прынула вверх и вбок, крыло кожаных брюк Клинта вздулось и хлопнуло ее по плечу, она испугалась еще сильнее и снова начала брыкаться.

Первые прыжки были жестоки, но буйство длилось недолго. Только недавно Дымка напрыгался досыта, и теперь после нескольких взметов он снова пошел галопом. Клинт дал ему поскакать, а потом повернул его обратно к коралю. Там он остановил его, выехал снова из коралю и снова повернул его назад - снова и снова, чтобы приучить к послушанию. Так вертелись они несколько минут, потом Дымка был расседлан и снова привязан к бревну.

Бег утомил Дымку и разбудил в нем аппетит. В эту ночь он меньше раздумывал, как бы сбросить с себя седока, зато больше пасся и немного поспал. Когда наутро Клинт повел его к коралю и положил на него седло, он даже не взглянул на поводья. Впервые он выказал интерес к дичкам, которые были в другом корале. Прежде ему этого не позволяли заботы, но теперь положение вещей изменилось. Драться с человеком - в этом не было никакого толка, да, кроме того, и седло и человек оказались не так уж страшны. Пожалуй, их можно было терпеть.

Но как ни мирно был настроен Дымка, брыкался он по-прежнему. В его поведении не было той злобы, что в первые три седловки, он брыкался больше для вида. Ему это нравилось, он жаждал движения. Но все же он поднимал тучу пыли и грохал копытами о землю так, что не всякий наездник усидел бы в седле.

Прогулка по прерии, повороты, урок послушания поводьям - и Дымка оказывался свободен до другого раза. Он начал привыкать уже к порядку, установленному Клинтом, но как-то ковбой прицепил к седлу веревку. Дымка поволок ее за собою, и хотя он опасался, как бы она не обвилась вокруг его ног и не бросила его наземь, веревка оказалась в сущности безобидной. Потом Клинт свернул веревку, сделал петлю и стал ее раскручивать. Вначале петля была маленькая и тихо и легко кружилась в воздухе. Дымка насторожился и слегка захрапел, присматриваясь, чего хотят от него Клинт и веревка.

Но не случилось решительно ничего. Верчение продолжалось, петля понемногу увеличивалась, потом ковбой бросил ее на землю впереди лошади. Дымка припадал и храпел, а кольца веревки взлетали, растягивались, ковбой втаскивал веревку снова к себе в седло, Дымка не пытался убежать от веревки, - он не забыл еще первого урока.

Клинт делал петли, бросал их, втаскивал снова раз за разом. То в одну сторону они летели, то в другую, то вперед, то назад - до тех пор, пока Дымка не перестал пугаться, куда бы ни летело кольцо и как бы ни свивалась веревка. Игра начинала уже

терять интерес, когда Клинт захлестнул петлей маленький куст. Петля затянулась, и Дымка дернул - дернул скорее от удивления, чем потому, что знал, что должен так сделать. Куст вырвался из земли и полетел прямехонько в Дымку. Дымка лягнул его на лету и готов был ринуться прочь, но Клинт удержал его на месте.

Дымка трепетал, как лист, когда ковбой медленно, но упорно подтягивал к нему куст. Он снова лягнул его, захрапел, когда куст коснулся его передней ноги, и несколько раз вскинул задом, когда почувствовал, как он скользит вдоль его плеча. Покамест куст двигался, он казался Дымке чем-то страшным, но когда Клинт снял с него веревку и поднес его к морде лошади, Дымка, казалось, устыдился собственной трусости. Подгнившие пни, ветки, обломки старых повозок - все, что можно было тащить или двигать, - вокруг всего обвивались кольца веревки. Все, что было достаточно легким, Клинт подтягивал к Дымке и всякий раз показывал ему, что шарахался он и брыкался зря, пока наконец не рассеялись страхи. Ничем, кроме храпа, не выказывал теперь Дымка испуга, каким бы гостинцем ни угостил его Клинт. Тогда Клинт заарканил старую жестянку из-под дегтя и с грохотом притащил ее Дымке под самую морду, но и тут лошадь не сдвинулась с места.

Дымка научился тащить веревку вперед и волочил за собой груз весом с годовалого телка. Потом Клинт научил его стоять на месте, держать веревку натянутой до тех пор, пока легкими ударами по ней ковбой не давал знак, что веревку можно ослабить. На все это нужно было время и время, и ковбой давал Дымке в день лишь одну только крупицу знания, но крупички эти мало-помалу собирались вместе.

Сердце Клинта радовалось при виде того, как Дымка успевает в ученье, как его маленькие уши ходят взад и вперед, а глаза не пропускают ни одного движения, ноздри дрожат, почуяв новое. Ковбой был счастлив, замечая, что лошадь все больше и больше доверяет ему, а одно его слово или прикосновение руки разрешают ее сомнения и успокаивают страх.

Однажды Клинт пригнал стадо рогатого скота и дал Дымке несколько уроков в обращении с быками и коровами. Он въехал на лошади в стадо, отогнал в сторону жирного годовалого теленка и заставил Дымку сосредоточить все свое внимание только на нем одном. Все это озадачивало Дымку вначале: он не знал, что ему делать, но Клинт не торопил его, и уже через несколько дней Дымка начал понимать, чего от него хотят. Тем временем продолжалось ученье с веревкой, Клинт порой заарканивал большого телка, и Дымка держал веревку натянутой, смотря во все глаза, как телок кружится, брыкается и мычит.

По Дымке видать было, что он входит во вкус этой работы. Она увлекала его, как новая игра ребенка, ему нравилось гнать обезумевшую корову, поворачивать ее, когда она не хочет повернуть, загонять ее туда, куда она не желает бежать, ему нравилось удерживать на тугой веревке бычка и чувствовать, что это он, и никто другой, удерживает его на месте.

Он весь был напряжением и порыв, когда Клинт по вечерам седлал его и выезжал на нем гонять, сортировать и арканить скот. Эта работа была мила Дымке, он вкладывал в нее все свое сердце и забывал о свободной жизни со старым гнедым и с табуном жеребят и кобыл, он забыл и свою мать, зато в нем выросло новое чувство - привязанность к этому долговязому ковбою, который теперь «играл» с ним каждый день. Дымке доставляло теперь огромное удовольствие делать именно то, чего хотелось ковбою, а когда это ему удавалось, у него рождалось желание сделать еще хоть немножечко больше.

Именно этого и добивался Клинт, желание сделать немножечко больше было залогом успеха, и он заботливо следил, чтобы лошади не прискучила работа. Он хотел, чтобы работа как можно дольше была для нее игрой, потому что он знал, что этим путем сердце Дымки можно сохранить и послушным и вольным.

VII. ПОБЕДА КЛИНТА

Джефф Нике, главный скотовод компании «Рокин Р.», ехал верхом, направляясь к конскому лагерю, где Клинт обьезжал лошадей. Весенние заботы были кончены, и Джефф, считая, что теперь самое время ему проехаться и осмотреть лагеря компании, оставил обоз на попечение старшего ковбоя, оседлал свою лучшую лошадь и двинулся в путь. День выдался жаркий, ни ветерка, и старый скотовод то и дело снимал шляпу, чтобы немного поостыть. Крупный каурый конь шел под ним скорым шагом, и Джефф по пути к лагерю не пропускал ни одной лощины, ни одного оврага, чтобы не бросить на них хозяйский взгляд. У него в привычку вошло во время поездок не забывать о деле, и, по любопытству ли, в интересах ли компании, он всегда зорко смотрел по сторонам, и ничто в пределах его кругозора не ускользало от его внимания.

Так и теперь, озираясь, по своему обыкновению, вокруг, он заметил вдали, по правую руку, тоненькую полоску пыли. Облачко двигалось медленно, - это не мог быть всадник. Хотя пыль поднималась высоко, Джефф с первого взгляда решил, что что-то тащится там по земле.

Он придержал своего коня, чтобы пристальней присмотреться, и скоро различил в облачке пыли лошадь: она волокла за собой что-то похожее на длинный сверток.

Джефф на своем веку видал немало недоразумений между лошадьми и людьми и взял за правило не оставлять невыясненным ничего подозрительного, - в таких случаях он имел обыкновение действовать, и действовать быстро. Он пустил лошадь широким галопом.

Вниз по склонам холмов, по оврагам, напрямик через ямы и рвы он несся все с той же скоростью, и скоро между ним и облаком пыли остался только невысокий бугор.

Он решил подняться на бугор потихоньку, если всадник, скажем, падая с лошади, запутался в стремях, а лошадь была дикой и необъезженной, подъехать к ней галопом значило только ухудшить дело. Лошадь могла понести. Джефф знал это лучше, чем кто-либо другой.

Он спешился, подошел поближе и, взглянув сквозь высокую траву, сразу понял, в чем дело.

Ярдах в пятидесяти, у подошвы холма, он увидел мышастую лошадь, судя по тому, как она была взнуздана, это был полуобъезженный дичок. Но поведение лошади не походило на поведение дичка. Да и не всякая обьезженная старая лошадь способна была на то, что делала мышастая лошадь: она наполовину несла, наполовину тащила за собой человека.

Джефф узнал в этом человеке своего обьездчика Клинта, бросился было к нему посмотреть, что с ним, помочь, но сдержался - лошадь могла испугаться и шарахнуться прочь, а вдруг руки Клинта привязаны к луке седла.

Джефф видел, что седок еще жив, но он не мог понять, почему, если Клинт в сознании, он висит на боку у полуобъезженного дичка, да к тому же не на том боку, с какого положено садиться или слезать.

Чем больше смотрел Джефф, тем больше он изумлялся. Прежде всего он заметил, что лошадь идет прямо к лагерю, к лагерю Клинта, затем - и это поразило его еще больше - мышастая лошадь не просто волокла человека, но как будто помогала ему продвигаться вперед: каждый свой шаг она делала бережно и осторожно. Лошадь следила за каждым движением человека, и когда он замедлял ход или ноги его повисали бессильно, она останавливалась и ждала, пока он подтянется повыше.

Джефф широко раскрыл рот от удивления, когда лошадь, поравнявшись с большим обломком скалы, остановилась, а Клинт поставил на камень непослушную ногу, чтобы взобраться в седло.

- Клянусь богом! -воскликнул Джефф. - Через мои руки прошли тысячи лошадей, но никогда я не думал, что в лошади может быть столько ума!

Добрых полчаса старый скотовод стоял и смотрел, как карабкается Клинт на лошадь. Наконец с помощью камня и лошади и последнего остатка своих сил Клинт взобрался в седло. Поводья висели свободно: ничто не мешало лошади брыкаться, прыгать, «свечить», она могла делать все, что ей вздумается. Но лошадь ступала осторожно и медленно, наострив уши, она несла человека к лагерю так же бережно, как нес бы человек.

Джефф сел на свою кобылу и, держась на порядочном расстоянии, последовал за ними.

«Что за оказия! - рассуждал сам с собою Джефф. - Как же это Клинт влез на нее не с того бока? Мой конь уж на что смирен, а этого не позволил бы. Разве что у лошадей котелок варит лучше, чем кажется, и этого только не видно, пока не придет пора».

Через два часа Джефф подъехал к лагерю. Он окинул взглядом загон, ища Клинта и мышастую лошадь. Так и есть, вон они оба: Клинт по-прежнему в седле - видимо, без чувств, а лошадь уткнулась в ворота и ожидает.

Джефф направился к ним, но ему скоро пришлось придержать своего коня, потому что по тревожному взгляду мышастой лошади он понял, что она его не подпустит. Ему оставалось одно - идти в обход. Круто повернув коня, он поехал назад и ехал, пока загон не скрылся из виду.

Описав огромную дугу, он подъехал к лагерю с противоположной стороны, теперь между ним и мышастой лошадей были корали и длинный сарай.

Здесь Джефф оставил свою кобылу и, прижимаясь к сараю, пробрался к тому месту, где стояла лошадь. Взгляд, брошенный через щелку в стене, убедил его, что лошадь все еще там и Клинт по-прежнему в седле. Перед Джеффом была трудная задача: он боялся испугать лошадь, чтобы она не кинулась прочь и не сбросила седока, и в то же время он не мог допустить, чтобы Клинт оставался в таком положении.

Джефф вышел из-за угла сарая и медленно и тихо показался дикому коню. Он заговорил спокойным ровным голосом, и это, видимо, помогло, потому что лошадь осталась на месте, и только огонек, блеснувший у нее в глазах, заставил Джеффа быть осторожней.

Поведение этой лошади сразу озадачило Джеффа, но когда он еще понаблюдал за ней, то уже не знал, что и думать. Он опасался, что при виде его лошадь ударится в бегство. Вместо этого лошадь приготовилась к бою, она не собиралась больше сделать ни шагу с раненым седоком и не хотела чужому доверить своего беспомощного друга.

Два с лишком месяца прошло с тех пор, как Клинт и Дымка встретились в пыли пустого коралья. За это время человек и лошадь не раз дрались - драки порой бывали жестоки, дичок убил бы человека, представься только случай, - но во всех этих схватках побеждал человек. Постепенно Дымка уверился в его силе, а потом привязался к нему. Он привык к его обществу, по вечерам, когда тот приходил, он издали приветствовал его радостным ржанием и, насколько позволяла веревка, тянулся к нему навстречу. Ковбой обращался с лошадей хорошо, как бы она себя ни вела, и завоевал ее сердце. Теперь, казалось, на морде у ней играла улыбка всякий раз, когда Клинт приходил, седлал ее и выезжал на игру с веревкой и со скотом.

Потому-то Дымка и приготовился к битве, когда показался чужой человек. Во всю свою жизнь Дымка не видал других людей, кроме Клинта, он признал его, и только его, а к другим людям питал не больше любви, чем тогда, когда в первый раз был загнан в кораль из вольной прерии. Все другие по-прежнему для него были врагами, и теперь, когда Дымка чувствовал, что на нем лежит охрана беззащитного друга, он вдвойне готов был втоптать в землю непрошеного чужака. Это был его враг - значит, он был и врагом Клинта.

Джефф долго стоял на месте, раздумывая, как ему быть. Он собрался было набросить лошади на голову петлю и подтащить ее ближе к коралю, когда всадник

начал показывать признаки жизни.

- Слезай скорей с лошади! - крикнул Джефф, заметив, что Клинт шевелится.

При звуке его голоса Клинт приподнял немного голову и сделал над собой усилие, чтобы понять, чего от него хотят. Страдание исказило его лицо, когда он попытался выпрямиться в седле, и Джефф, боясь, что он снова потеряет сознание, крикнул ему, чтобы он просто свалился на землю. Медленно, с жестокими мучениями Клинт перекинул ногу через седло и сполз с лошади. Дымка стоял смирно и неподвижно, как изваяние, его глаза по-прежнему были устремлены на Джеффа, в них горела угроза, которую Джефф хорошо понял.

- Держись за седло, - скомандовал Джефф, - и постарайся ввести лошадь в кораль, - я запру за вами ворота.

Это было сделано, когда ворота закрылись, руки Клинта обмякли, и он рухнул наземь.

К счастью, Джефф мог дотянуться до него сквозь брусья коралья, но и тут ему долго пришлось хитрить, прежде чем он выудил оттуда ковбоя.

Когда наконец он поднял Клинта на руки и понес его к дому, как крепок и высок ни был кораль, Джефф с тревогой посматривал через плечо - сдержат ли брусья разъяренного мышастого зверя.

Солнце село, и наступила темнота, прежде чем Клинт очнулся. Джефф уложил его поудобней, сварил вяленого мяса и налил кружку крепкого бульона, сейчас он держал бульон у Клинта под носом, чтобы тот понюхал его.

Ковбой почувствовал запах бульона, посмотрел по сторонам и спросил:

- Где Дымка?

- Если Дымкой ты называешь этого мышастого черта, - ответил Джефф, - то он находится в корале и бесится почему зря. Он думает, я тебя съем живьем.

Клинт не понял толком слов Джеффа и сказал:

- Будь добр, сними с него седло и привяжи его к приколу, где лучше трава. Он послушный, и ты легко с ним сладишь.

- Легко с ним слажу?! - захохотал Джефф. - Да я не подступлюсь к нему и за целый табун. В объездчики я не гожусь, а если бы и годился, этот черт только того и ждет, чтобы я сунул свой нос в кораль.

На другой день утром, когда солнце было уже высоко, Джефф помог Клинту встать на ноги и чуть не волоком притащил его в кораль, в котором Дымка провел ночь. От ворот Клинт заковылял один, и лошадь с ржанием бросилась к нему навстречу. Уши ее были наострены, глаза блестели, она, казалось, хотела обо всем расспросить. Потом лошадь заметила Джеффа, и вид ее сразу переменялся: в глазах загорелся огонь, уши прижались к голове.

Клинт взглянул на старого скотовода и улыбнулся. Но Джефф и не думал смеяться, он решил, что лучше ему на время исчезнуть. Дымка был расседлан и пущен к траве и к воде. У Клинта ушло на это пропасть времени, но в конце концов дело было сделано, и Джефф помог ему добраться до дома.

По пути домой Клинт заговорил - заговорил о том, что давно уже вертелось у него в голове.

- Знаешь, Джефф, - сказал он, - чувствую я, пора мне бросить объездку. Да, мне нужно отдохнуть от дичков, особен но после этого случая.

- Что же с тобой случилось, наконец? - спросил его Джефф.

- Все из-за этой дурацкой коровы, - начал Клинт. - Она задала тягу, как только увидела, что я к ней еду, бегать она была здорова, и я решил припустить за ней, чтобы Дымка поучился работе. Я бросил веревку, но петля легла плохо, как раз у нее под ногами, и она ступила ногами в петлю. Я с разгону дернул, да дернул слишком сильно. Корова кувыркнулась разом. Дымка летел за ней сломя голову и не успел остановиться. Мы с Дымкой грохнулись на нее. Корова поддела Дымку под передние

ноги и встала, мы покатались кубарем, а больше я толком ничего не упомяну. Я только почувствовал тяжесть у себя на спине, может быть, Дымка подмял меня, а только скорее - придушила копытом проклятая корова... Должно быть, через несколько дней стану на ноги, но я знаю, так легко мне не отделаться. Лет пять назад меня смял вороной жеребец, которого я объезжал для «Трех С.», и я не забыл этого посейчас. Мне неохота снова хворать. Лучше брошу возиться с дичками. У меня уже все кости просят пощады, если можешь, Джефф, переведи меня в обоз, а на мое место пошли кого-нибудь помоложе... - Клинт помолчал немного, а потом добавил: - Я, Джефф, прошу тебя еще об одном. Если в обозе для меня найдется местечко, пусть Дымка останется со мной, пока я буду на службе.

Клинт с волнением посмотрел в лицо скотоводу, ожидая его ответа, но Джеффу, видимо, не хотелось ответить сразу.

- Как давно у тебя эта лошадь, Клинт? - спросил он.

- Два месяца, может быть, немного больше.

- Разве с месяц назад не приезжали сюда наши ребята за всеми дичками, каких ты обломал?

- Приезжали.

- Ладно. Почему ж это ты не сдал им своего Дымку? Ведь он был к тому времени объезжен не хуже других.

Клинт уставился на потолок своего бревенчатого дома. Он усмехнулся слегка и наконец ответил:

- Сдается мне, Джефф, ты знаешь и сам почему.

Джефф знал почему, он знал это превосходно. То, как вели себя Дымка с ковбоем в это утро и в день катастрофы, ясней ясного объясняло, почему Клинт спрятал лошадь, когда ковбои приехали за «обломанными» дичками. Старый скотовод в свою очередь усмехнулся и положил руку Клинту на плечо.

- Покамест я буду работать в этой компании - а по всем приметам это будет не малый срок, - тебе всегда найдется место у меня в обозе. Я положу тебе хорошую плату, дам самых резвых лошадей, каких только найду. А что касается Дымки, уж очень нравится мне эта лошадка.

Сердце Клинта прыгнуло ему в глотку, и он чуть не задохся.

- Да, лошадка хороша, и я хотел бы иметь ее, - продолжал Джефф. - Но, поразмыслив над этим, я пришел к тому, что лошадь принадлежит скорее тебе, чем мне и компании. Она - однолюб, и ты, Клинт, тот человек, которого она любит. Даже если бы она привязалась ко мне - чего, конечно, не будет, - я никогда не отберу ее у тебя после всего, что я здесь видел.

Клинт изрядно просчитался, когда сказал, что встанет на ноги через несколько дней. Прошли недели, а спине было не легче, поясница казалась перебитой, у него не хватало силы выпрямиться, когда он нагибался, так что он даже не мог нацепить себе шпоры.

Но вот приехал новый объездчик и взялся за работу Клинта. С того времени Клинт шатался вокруг коралей, болтая и посматривая, как работает новый ездок. А когда Клинта не было у коралей, его можно было найти в тени раскидистых ив в пересохшем русле, где привязан был Дымка.

Пробежал еще месяц, обозы потянулись на осенние объезды в прерию, где коровы с телятами, которых пора было «отнимать», искали приюта. В обозе Джеффа Никса было двадцать два всадника, и среди них, посмеиваясь ковбойским шуткам, ехал Клинт верхом на Дымке.

После долгих дней отдыха ковбой снова мог сесть в седло - не на дичка, конечно. Когда наконец он почувствовал, что справится с работой на «дневках» и в «ночном», он стал готовиться к поездке на ранчо.

Месяц бездельничал Дымка, и когда Клинт в первый раз оседлал его, только

поводья удержали его от буйства. В этот день он брыкался и когда Клинт наткнулся на слишком большое стадо коров, брыкался и в следующие дни при каждой седловке. Но едва ковбой выехал с ним на простор и направился к далекому ранчо, Дымка вскинул голову и без всяких фокусов пошел.

Через несколько дней они достигли ранчо, и Дымка впервые увидел главный лагерь скотоводческой компании. Ковбои были повсюду, их было не счесть, большие корали были полны лошадей, лошади стояли и под длинным навесом. Повозки и палатки – все пестрило в глазах. А когда обозный кашевар выскочил из бревенчатого дома и бросился на дорогу, чтобы поздороваться с Клинтом, Дымка шарахнулся в сторону как ошпаренный.

- Тьфу, пропасть! - воскликнул тот. - Я слышал, Клинт, будто ты распрощался с дичками, что же, по-твоему, такое у тебя под седлом?

- Лошадка, - ответил Клинт, улыбаясь.

Дымка почувствовал себя лучше только тогда, когда наконец был расседлан и пущен в толпу других верховых лошадей. Он хорошенько выкатался в пыли, встряхнулся и стал знакомиться с лошадьми. Очень немногие выражали желание подружиться с ним, но это нимало не смущало его, он бегал из кораля в кораль, нигде не останавливаясь надолго. В конце концов он наткнулся на темно-гнедого жеребчика, который показался ему знакомым, должно быть, и тот увидел что-то знакомое в Дымке, потому что оба с любопытством осмотрели друг друга.

Выгнув шеи, они коснулись друг друга ноздрями и, видимо, как-то между собой объяснились, потому что уже через несколько минут они почесывали друг дружке шею, точно родные братья. Это и в самом деле были родные братья. Темно-гнедой жеребчик оказался тем самым вороным сосунком, которого три года назад мать Дымки привела в табун.

У него на спине тоже были следы седла. Две недели назад ковбой загнал его в кораль и, захлестнув ему ноги петлей, заметил: «Из этого гнедого выйдет настоящий ковбойский конь».

Джефф согласился оставить его для ковбойской работы, так-то и случилось, что Дымка встретил его среди верховых лошадей.

Оба они дружно скребли друг другу загривки, когда Дымка увидел, что Клинт открыл наружные двери кораля и вошел внутрь. С ним рядом был Джефф Никс, который пришел, чтобы отобрать лошадей для десятка Клинта. Дымка насторожился, пристально посмотрел на них, и в особенности на Джеффа, потом как ни в чем не бывало принялся за прерванное занятие. Клинт теперь был здоров и сам мог позаботиться о себе.

Вечером Клинт пришел проведать его. Дымка заметил, что несколько ковбоев разглядывают его, стоя в соседнем корале. Он посмотрел на них через плечо Клинта и издал протяжный, с присвистом, храп.

- Слава богу, что Клинт всех других дичков обламывал не так, как этого зверя, - заметил один из ковбоев, увидев огонь в глазах Дымки.

- Да, - сказал другой, - сразу видать, что он сделал из него однолюбю.

Вечером Дымку вместе с другими лошадьми выгнали на пастбища. Едва лошади вышли за ворота кораля, они с братом составили пару и паслись вместе, голова к голове, до рассвета, пока на горизонте не показался всадник, который снова загнал их в кораль.

В этот день рано закипела жизнь на ранчо. Солнце, поднявшись, застало уже всех ковбоев на лошадях, повозки с провизией, с постелями, с дровами были запряжены и готовы тронуться с места по мановению руки Джеффа. Джефф махнул рукой, и все двинулось через большие ворота вон из ранчо - одна за другой потянулись повозки, за ними табун из двухсот верховых лошадей, а по бокам всего обоза двадцать два всадника, кто на смирных, кто на злых лошадях.

Осенний перегон начался.

VIII. СТРАДА

Первый день осеннего перегона был для Дымки точно первый школьный день в городе для мальчугана, не видевшего ничего, кроме родного поселка. Только Дымка был уже взрослый, и ум его вполне созрел. Его глаза были широко открыты и работали вместе с ушами так, что ничто интересное не ускользало от его внимания.

Так много было тут незнакомого, и чувства Дымки были на взводе, точно курок. Большие повозки, запряженные четверкой и шестерней, громыхали, катясь следом за вожатым, порой вскачь, по волнистой прерии, по ступенчатым склонам и по лощинам. Сзади настигал топот сотен копыт, гул несущегося табуна. Дымку охватывала паника, и если бы не рука, которую время от времени он чувствовал на своей шее, и не голос, который звучал так знакомо, пыль взвилась бы столбом и лошадь усккала бы прочь от этого скопища повозок и людей.

Кругом было так много всадников, и все они держались слишком близко друг к другу, поэтому, когда какой-нибудь дичок вставал на дыбы и начинал брыкаться, сию секунду сбросить с себя ковбоя, Дымка готов был последовать его примеру. Но как ни подмывало его удариться в бегство, рука и голос Клинта всегда успокаивали его. Они говорили Дымке, что Клинт с ним, и ему нечего бояться.

Когда транспорт отъехал подальше, Клинт понемногу стал забирать влево, пока Дымка не очутился в стороне от обоза. Здесь ему было вольготней, не так страшно было приглядываться ко всему непривычному. Уши ходили у Дымки взад и вперед, и под ровный голос Клинта пугающая сумятица, катившаяся по прерии, становилась нестрашной и интересной. Дымка шагал рядом с обозом и присматривался к нему, пока солнце не поднялось на самую середину неба, - тогда вожатый поднял руку, описал круг, и повозки остановились. Тотчас же разбит был походный лагерь, и через несколько минут после того, как все остановились, у кашеваров в котлах хлопотала еда. В мгновение ока были натянуты веревочные коралы, и табун был загнан внутрь. Дымка с огромным интересом следил за всей суматохой, масса лошадей, людей и повозок заставляла его глаза и уши работать непрерывно, и тихий храп, то и дело вырывавшийся из его ноздрей, показывал, как велико было его волнение.

- Ну, братва, вали, получай! - зычно гаркнул кашевар, сзывая всадников к еде.

В это время Клинт подходил к Дымке. Он почесал Дымку за ухом, отвязал от столба, расседлал и пустил в веревочный кораль к ремуде.

- Выкатайся получше, Дымок, - сказал Клинт, отпуская его, - и смотри другим забиякам не давайся в обиду.

Дымка оглянулся на Клинта, будто хотел спросить его, куда пойдет он, потом исчез в табунах верховых лошадей.

Опорожненный бак наполнился жестяными тарелками и кружками, ковбои, покончив с едой, пошли к седлам, сложенным у веревочных коралей. Тугие веревки были отвязаны от седел, высвобождены были петли, и скоро эти петли засвистели, выхватывая, точно длинные руки, тех лошадей, которых выбирали ковбои для дневного перегона.

Дымка видел, как летят эти петли, и слышал их свист, когда они проносились над его головой, чтобы упасть на чью-нибудь шею. И хотя ковбои работали тихо, так что лошади поднимали не слишком большую возню, Дымка очень обеспокоился при виде выходящих над коралем змей.

Клинт зааркачил его только однажды, когда он был еще сырым дичком, но он не забыл еще, как тогда захлестнула его веревка, бросила враспяжку и сделала совсем беззащитным.

Дымка совсем ошалел от свиста стольких веревок, он забился в глубину табуна,

но и здесь не чувствовал себя в безопасности, потому что нельзя было знать, как далеко хватают веревки.

Прорываясь сквозь гущу лошадей, Дымка очутился вдруг у толстого каната, ограждавшего кораль. Он хотел тотчас же нырнуть обратно, но не успел, потому что стадо уже сомкнулось за ним. А в нескольких шагах от него пять-шесть ковбоев седлали лошадей. Несколько шагов - это было слишком близко, и Дымка решил уже силой прорваться назад, когда знакомый звук коснулся его слуха - тихий звон репейка, звон колесика в шпорах, который он слышал так много раз. Еще миг - и Дымка увидел Клинта, который вел к своему седлу незнакомую лошадь. Дымка вытянул голову и шею как только мог и заржал, ковбой, смотривший в другую сторону, сразу обернулся, услышав знакомое ржание. В голосе Дымки была просьба: «Помоги, товарищ!»

Клинт улыбнулся и пошел к веревке коралю.

- Чего тебе, малыш?

Но он и сам знал, чего нужно Дымке. Он слышал, как колотится у него сердце, и, положив руку на шею лошади, почувствовал его биение. Долго он гладил ее шелковистую шерсть, пока сердце не перестало прыгать.

Потом он отошел туда, где на земле лежало его седло, и Дымка видел, как он положил седло на спину чужой лошади. Клинт подвел эту лошадь к коралю, чтобы окончить седловку возле Дымки, и Дымка щипнул его за штаны, будто просил: «Подожди немножко».

Клинт ждал. Он тратил лишнее время на возню с ремнями, на сматывание и перематывание веревки, и хотя он знал, что хороший ковбой всегда помогает свертывать лагерь, он стоял возле коралю и Дымки, пока последний всадник не поймал, не оседлал свою лошадь и не уехал. Потом был выпущен табун, и дежурный табунщик стал пасти его, ожидая, пока двинутся повозки.

Дымка исчез в большом табуне. Клинт потерял его из виду и принялся сматывать толстый канат коралю. Другой ковбой помог ему уложить тяжелый моток на повозку так, чтобы до него легко было добраться снова.

И часа не прошло с тех пор, как кашевар остановил лошадей и спрыгнул с повозки, чтобы приготовить ковбоям закуску, - и вот он снова сидел уже на повозке и ждал, пока парни изловят его упряжку и дадут ему в руки вожжи. Скоро было сделано и это, вожатый тронул коня, и кашевар двинул своих зверюг с места в карьер, постельная повозка, нагруженная двумя дюжинами «теплых свертков», стала в затылок, повозка с дровами покатила за ней. Дальше бежал табун из двухсот с лишком верховых лошадей, и дежурный табунщик подгонял их сзади.

В этот вечер должен был быть сделан первый круг осеннего объезда. Круг начинается с того места, где остановился обоз всего транспорта. Этот обоз обычно состоит из трех повозок.

Одна - для провизии, горшков и кашевара, другая - для постелей всадников, в брезентовых чехлах, без постелей не обойтись в тех краях, где, случается, снег выпадает даже в июне, третья повозка для дров и воды. В голой прерии часто подолгу не найти ни того, ни другого.

Кашевар правит повозкой с припасами, «шляпа», его подручный, - постельной повозкой, «соколик» - тот, что ночью пасет табун, - правит дровами. На повозках - весь скарб ковбоя: походный мешок, постель и круто посоленные лоскутья сыромятной кожи - из них нарезают ремни и поводья. Обоз каждый день меняет стоянку, а иногда и по два и по три раза на день, - все зависит от того, как быстро можно «обработать» участок. Круг идет от обоза. Двадцать, а то и более всадников вместе с управляющим ранчо отъезжают от обоза по прямой линии на десять - пятнадцать миль. На вершине какого-нибудь холма отряд останавливается, и управляющий «рассыпает» людей. Он отправляет их парами направо, налево и прямо вперед, рассыпает их веером, и они скачут на известном расстоянии, чтобы потом повернуть назад к обозу и на обратном

пути прихватить с собой весь скот, какой им встретится на дороге.

Это и называется «кругом». Круг покрывает в среднем пространство в двадцать пять миль в поперечнике и кончается у обоза, где все всадники встречаются снова и куда пригоняют найденный скот.

За то время, что всадники были на круге, обоз может передвинуться на новое место, но все равно у обоза кончается круг. В миле от лагеря устраиваются «отборочные поля», где «работают скот»: сюда сгоняют скот после каждого круга, здесь его клеймят, здесь же отбирают всех ненужных животных. В день делается два круга.

Едва Джефф, управляющий ранчо, увидел, что повозки в стройном порядке двинулись к ночному привалу, он пустил свою лошадь галопом и улыбнулся: всадники успели уже рассыпаться ровным веером. Джеффу приятно было лишний раз увидеть, какие ребята находятся у него под началом.

Клинт ехал на рослой буланой лошади, по имени Чепе, одной из лучших «круговых» лошадей, какие только были в обозе, но сейчас он не замечал ее достоинств. Его глаза устремлены были на облако пыли, поднятое табунном: он старался хоть на мгновение увидеть мышастую лошадь, которую он называл Дымкой.

А Дымка скакал уже рядом со своим братом, очень довольный своей судьбой. Перезвон колокольцев, подвешенных на шеи самым старым и умным лошадям, радовал его слух, и ему приятно было бродить по простору в такой большой артели.

К пяти часам дня вожатый подъехал к руслу большого ручья и остановился у рожицы ив и тополей. Вторично разбит был лагерь, табунщик пустил табун шагом, и скоро он пасся уже у ручья, в полумиле от лагеря. Кто щипал траву, кто пил, кто катался на земле, все казались довольными своей судьбой, и табунщик принялся расставлять веревочный кораль, таскать для кашевара дрова - одним словом, взялся за исполнение всех многосложных своих обязанностей.

Одним глазом он приглядывал за лошадьми, и если какому-нибудь беспокойному дичку приходило на ум пуститься наутек, парень прыгал в седло и водворял его на место. Не раз бывало, что табунщик гонялся за непокорными беглецами просто потому, что ему надоедало сидеть на одном месте, но по большей части такие беглецы причиняли и в самом деле немало хлопот.

Но Дымка и Пекос, брат его, не прибавляли табунщику беспокойства. Напившись студеной воды и славно выкатавшись после этого, они принялись уничтожать высокие стебли пырея. То и дело Дымка подымал голову и оглядывал окрестные цепи холмов, потом оборачивался к лагерю и диву давался, прислушиваясь к стуку сковород и кастрюль кашевара. Все интересно было ему, все было ново. То с этого, то с того края коралья слышался звон колокольцев. Дымка ржал от удовольствия, ничего лучшего ему было не надо.

Он пасся уже немало времени, и солнце спешило к западным отрогам, когда с юга показалось большое облако пыли. Пыль поднималась до неба и закрывала полгоризонта. Когда облако пыли приблизилось, послышался глухой непрерывный гул, и скоро Дымка различил мычание и рев скота. Это было большое стадо, «вычески первого круга». Тысяча или больше голов беломордых, тупомордых, пятнистых, рыжих, черных и прочих быков и коров перевалили хребет и галопом пустились вниз, к «отборочному полю».

Между тем табунщик собрал рассыпавшийся по пастбищу табун, и в несколько минут Дымка и все другие лошади снова очутились в веревочном корале. Ковбоям надобны были свежие кони, и опять над коралем закружились петли.

Дымка снова затрепетал, когда услышал над головой свист веревок. Знакомый голос окликнул его: «Как поживаешь, Дымка?» Но он был слишком взволнован в этот миг, чтобы ответить ржанием. Потом - Дымке казалось, что до тех пор прошла целая вечность, - лошадей снова выпустили из коралья, и когда табунщик погнал их пастись,

Дымка с Пекосом летели впереди всех.

Табун пасся на низкой террасе, на противоположной стороне ручья шла «обработка» скота.

Многих вылавливали из стада и прогоняли обратно в прерию, и скоро чуткие ноздри Дымки уловили дым огня, в котором разжигались бруски железа, потом донесся запах горелой шерсти, Дымка услышал рев скота и тревожно захрапел.

Он смотрел, как работают всадники, как выются в воздухе длинные веревки, как они осекают бег разогнавшегося быка. Кое-что он понимал уже в этом, и ему захотелось быть поближе к работе. То, что делалось за ручьем, горячило его кровь и непонятным образом влекло его на другой берег ручья.

Наконец запах паленой шерсти исчез, на этот день клеймение было кончено, последняя веревка была смотана и укреплена на луке седла. Почти все всадники бросили стадо и направились к лагерю. Прислушиваясь к звону жестяных тарелок и смеху ковбоев, Дымка - плечо к плечу с Пекосом - выискивал самые нежные стебли пырея. Четверо всадников, на долю которых выпал «хвост», то есть часы между ужином и первой ночной сменой, сели на лошадей и поскакали сменить ковбоев, стерегущих стадо. Еще немного, и в лагере стало тихо.

Скот, казалось, дал зарок не мычать до утра, колокольцев табуна было не слышно, лошади задремали.

Дымка тоже задремал, скоро он насторожил уши, потому что из лагеря донеслись звуки, каких он никогда не слышал, - странные, но несколько не пугающие звуки. Вокруг довольно большого костра собрались ковбои, кашевар, «шляпа», табунщики, Джефф и другие уселись в круг - все, кроме четверых, кому выпал «хвост», и кроме «соколика», который на ночь должен был занять место табунщика. Кто сидел на завернутом в брезент постельном свертке, кто лежал, облокотившись на свою постель, а тот, кто был поближе к огню, пел.

Дымке впервой было слышать эти звуки, но старым лошадям они были знакомы давно, и если бы они умели подтягивать песню, весь табун загудел бы в лад.

Песня, которую услышал Дымка, не первый год гремела над лагерями и обозами ковбойского края - она переходила от отца к сыну, и у многих ковбоев таяло сердце при этих звуках, потому что редко кто из них не помнил тихой ночи, когда бы эта песня не звучала над стадом, и, бывало, стадо вдруг, без причины, срывалось в бешеном бегстве - и мертвый ковбой лежал наутро под мертвой лошадей где-нибудь в пропасти, - и только песня, только память о песне оставались от этой ночи.

Я, ковбой, бродяга шалый, из Техаса убежал.

Эх, опять бы в те места мне - я бы шляться перестал

Вайоминг не по нутру мне, замерзает здесь душа.

Ах, когда ж придут объезды, - нет в кармане ни гроша.

Клинт умел петь. Он подпевал ковбою, который сидел у огня. Клинт вступил в хор, после первых слов подтягивал, а в других песнях и сам запевал. Напевы менялись, но всякую песню Клинт вел на техасский лад, и это нравилось его товарищам.

Последний звук замер вдали. Иные ковбои обернулись, ожидая новой песни, иные, надвинув шляпу на лоб, уставились в пламя - им вспомнились ушедшие дни и дела.

Все притихло, только потрескивал огонь, и кто-то назвал еще одну старую песню, когда с той стороны, где был табун, послышалось ржание.

Клинт посмотрел туда, откуда долетело знакомое ржание, и улыбнулся: голос ковбоя донесся до слуха Дымки, лошадь с первого звука перестала жевать траву и слушала до конца, глядя на далекий огонь костра - на костер, от которого неся голос.

Долго смотрел Дымка на огонь, пока все не затихло и от костра не осталась лишь кучка углей. Первой страже подходило время сменяться, а Дымка все смотрел. Пекос давно дремал, скоро и Дымка почувствовал себя сонным и погрузился в дремоту.

Едва-едва побледнело на востоке небо, а «соколик» уже стабунил лошадей и погнал их к лагерю, свет был еще слаб, когда над головами лошадей закружились веревки, схватывая скользкие шеи. Дички были отделены от табуна и заплясали уже под седлами, а солнце все еще было за холмами.

Табунщик пустил лошадей пастись, лагерь был свернут, и повозки двинулись к новым угодьям. Когда солнце выкатилось на небо, кухня кашевара была уже в десятке миль от места ночевки, и кастрюли почувствовали уже жар разложенного под ними огня.

Этот день Дымка провел на новых местах и видал ту же работу, что и днем раньше: еще одно стадо было пригнано после утреннего круга, еще одно - после обеда, снова ковбои сортировали скот, и снова ветер пахнул паленой шерстью.

Дважды лошадей загоняли в кораль, потому что всадникам нужны были свежие кони, и Дымка мало-помалу стал привыкать к свисту веревок и к виду незнакомых ковбоев.

- Большой у нас нынче круг будет, Джефф? – спросил Клинт поутру управляющего, и Джефф сразу понял, чего нужно было ковбою.

- Седлай своего Дымку, Клинт, - ответил, улыбаясь, старик. - Я пошлю тебя на внутренний круг, чтобы ему не было слишком трудно.

Дымка заметил, что Клинт идет к нему, в руках у него была веревка, но петли он не бросил: Дымка встретил его на полдороге.

Среди всех лошадей табуна редко бывает хотя бы одна, которая сама далась бы в руки, даже самых послушных приходится арканить. Так уж они приучены, и этим, кстати, сберегается время: ковбой стоит на месте, шагов за тридцать бросает веревку и выводит лошадь из табуна. Экономия сил, а на объезде столько всадников и лошадей, что каждый шаг и каждая минута должны быть на учете. К тому же в табунах всегда есть дички, к которым не подступиться. Потому-то проще всего всех лошадей хватать петлей. Хороший метальщик никогда не раскручивает петли, когда ловит лошадь, - одно движение, и веревка ложится ей на шею.

Из этого правила редко бывают исключения, даже в самых лучших табунах, среди всех лошадей компании «Рокин Р.» Дымка был единственным исключением, и понятно, что всякий ковбой завидовал Клинту, когда этот мышастый чертенок вытягивал шею, едва только Клинт показывался вблизи коралья, а теперь сам выбрался из гуши табуна и пошел к нему навстречу.

Дымка выгнул горб, ощутив подпругу, и Клинт рассмеялся:

- Ну, покатаешь сегодня отставного объездчика?

Едва Клинт уселся в седло, Дымка опустил голову: он бил задом, и прыгал, и визжал, как «людоед». Так и следовало побуяннить горячей лошадке в это холодное осеннее утро, и Клинт радовался, смахивая пыль с ее круглого крупа, не меньше, чем Дымка радовался при мысли, что он кому-то дает хорошую трепку.

- Поберег бы ты силы, - сказал Клинт, подымая наконец голову лошади кверху. - Ей-ей, они пригодятся тебе, прежде чем мы сюда вернемся.

Милях в двенадцати от лагеря на пологом холме всадники остановились. Джефф «рассыпал» ковбоев, а Клинта еще с одним парнем пустил напоследок на «внутренний» круг. Дымке пришлось возвращаться к лагерю, и на полпути к нему он заметил по облаку пыли справа и слева. Пыль подвигалась ближе и ближе, и скоро стало видно, что это новые стада. Скот гнали туда же, куда Клинт со вторым всадником гнали «вычесанное» ими стадо, и к тому времени, когда они достигли лагеря, все облака пыли слились в одно. Двадцать с лишним всадников и добрая тысяча голов скота повернули к «отборочному полю», и началась работа.

Дымка устал. Глотая пыль, он заворачивал красноглазых быков, и казалось, этому не будет конца. К тому же его спине было нестерпимо горячо под седлом, и хотя Клинт то и дело слезал, расстегивал подпругу и подымал седло, чтобы пустить свежий

воздух, непривычная спина Дымки тотчас распалась снова.

Но вот наконец и лагерь, и веревочный кораль - можно отдохнуть. Клинт расседлал Дымку, отвел к ручью и смыл студеной водой с его спины высохший пот. Сразу была забыта работа в первом кругу. Полон радости был Дымка, когда Клинт пустил его в кораль. И немного погодя, когда ковбои снова ловили лошадей и веревки летали над табуном, Дымка уже не старался провалиться сквозь землю, - он чувствовал, что отработал свое. Пекос, который стоял рядом с ним, был схвачен петлей. Потом табун выпустили из коралья. Тут Дымка немного задержался: он увидел, как Клинт седлает другую лошадь.

В лощине, где пасся табун, было вволю травы, и здесь мышастая лошадь впервые по достоинству оценила безделье. Дымка отведаль настоящей работы, отведал впервые, и сразу почувствовал, что он уже не только полуобъезженный дичок. И на быков Дымка смотрел теперь понимающим взглядом, потому что он был уверен, что это он, и никто другой, распоряжается ими по своему усмотрению.

Дымка чувствовал, что не уступит старым верховым лошадям, которые были с ним в одном табуне, и знать не хотел теперь неопытных дичков. Но старые лошади живо показали ему, что для них он стоит немногим больше дичка.

Они были правы - ему еще надо было научиться пропасти всяких вещей. Но учиться Дымка был рад, а с таким ковбоем, как Клинт, и подавно.

Дымка осматривал каждое новое стадо, изо дня в день шел с обозом, привыкал даже к длинным веревкам, которые пели над его головой по три, по четыре раза на день. Конечно, Клинт в минуту тревоги всегда был тут же, чтоб ободрить и успокоить, и скоро Дымка знал уже точно, когда и с какой стороны коралья появится ковбой. Седло Клинта всегда лежало на земле у коралья, и когда он ловил для себя лошадей, он всегда приводил их к этому месту, Дымка, едва его загоняли в кораль, стрелой летел сюда: здесь он мог в минуту тревоги дотянуться до рубахи ковбоя.

У каждого из ездовых компании было в среднем около десяти лошадей, лошадей меняли по меньшей мере три раза в день, так что на каждую приходилось работы от четырех до шести часов каждый третий день. Клинт выезжал на Дымке три раза сортировать скот, и когда Дымка научился гоняться за бычками, его сразу перевели разрядом повыше, в «дневку». Конечно, Дымке было особое внимание, иначе бы он так скоро не выдвинулся. Но Дымка работал на совесть и так хорошо понимал поводья, что Клинту не пришлось краснеть за него.

А началось все с того, что однажды ковбой решил испытать свои силы на большом стаде, которое ждало «обработки». Он сменил свою уставшую «круговую» лошадь на Дымку и, выждав, пока бесенок перестанет беситься, остановил его возле стада быков и коров. Работа Клинта и Дымки была в том, чтобы не дать ни одному животному, отбитому для «главного стада», вырваться на свободу. С десятков других всадников заняты были тем же, все они были на послушных, прекрасно выезженных лошадях, и когда Дымка увидел, с кем он теперь в компании, в его глазах загорелся блеск.

Он горделиво рыл копытом землю, когда с быстротой, едва уловимой для глаза, круторогий бык ринулся прочь от стада, с налитыми кровью глазами метнулся мимо всадников и понесся по открытому полю. Дымка только и видел, что рыжий проблеск, но, едва ощутив поводья, прянул за ним. Еще мгновение, и проблеск оказался быком, и Дымка понял, что нужно его повернуть назад.

Клинт улыбнулся от удовольствия, когда бык врезался в стадо с такой же быстротой, с какой прежде вырвался прочь. Дымка, гордый победой, стоял уже на своем месте, и стоило только какому-нибудь ошалелому животному пуститься наутек, как он очертя голову бросался в погоню.

С той поры Дымка и остался на «дневке». То он стерег скот и удерживал его на месте, то помогал в его «обработке». Второе ему было больше по душе, потому что

здесь было больше дела. Но стеречь скотину тоже было не скучно. Клинт всегда следил, чтобы веревка его была натянута туго. У него всегда находился бычок, против которого он имел зуб, и, едва управляющий ранчо уезжал с другими ковбоями на круг, он сажал петлю злосчастному быку на рога, и Дымке начиналось раздолье.

В эти долгие дни Дымка и Клинт, если только это можно представить себе, еще больше привязались друг к другу. Случалось, что огромное стадо быков, коров и телят паслось спокойно, ни у кого не являлось охоты удариться в бегство. Тогда Клинт трогал поводьями, и Дымка въезжал на холм, с которого видно было все стадо. Здесь ковбой слезал с седла, ложился враспашку в тени своей лошади и закрывал глаза в сладком забытии, а Дымка стоял рядом и обмахивал мух, одним глазом следя за ковбоем, другим - за пасущимся стадом.

IX. СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО

Погожие свежие солнечные дни осени были на отлете, - начались дожди, и чем ближе подползало время к зиме, тем дожди становились холоднее, а потом превратились в мокрый снег.

Где была пыль, стала грязь, тугие веревки огрубели в стальные канаты, седла и потники были мокрыми, тяжелыми и холодными, издрогшие лошади встречали их прикосновение горбом и брыканьем.

Ковбои, закутанные в длинные непромокаемые плащи, прикидывали уже, сколько заработано денег. Осенний выезд подходил к концу, и, шлепая по слякоти и по грязи от повозки кашевара к веревочному коралю, никто теперь не спешил. Мокрая обувь, сырые постели, проклятые ночные дежурства, днем - седловка и езда на упрямых конях, когда, взбесившись, они встают на дыбы и бьют задом так, что только держись и гадай, устоят ли они на скользкой и вязкой земле, - все это осточертело. Ох как хотелось куда-нибудь в теплую берлогу, где есть печка и скамья, на которой можно сидеть, и журналы, которые можно читать, пока мать-природа превращает весь мир в безобразия!

Последний гурт быков был уже передан другому транспорту компании «Рокин Р.» и отправлен по назначению, в главном стаде Джеффа остались теперь одни лишь коровы с телятами и тот скот, который зимой нужно было кормить.

- Еще недельки две, и мы увидим ранчо, - сказал однажды Джефф, но прошло три долгих недели, прежде чем в последний раз был разбит лагерь. Мокрый снег к тому времени стал сухим и сыпал большими хлопьями, земля была покрыта им на шесть дюймов.

- Ну-ка, Дымка, погоди малость, дай мне на тебя взобраться, - сказал Клинт, стараясь удержать лошадь на месте, пока он вставит ногу в стремя.

Ковбой был теперь закутан с головы до пят, был неуклюж и неловок, лошади было холодно. Прежде чем класть на нее седло, приходилось соскребать у нее со спины снег, и ей не терпелось опустить голову и удариться в пляс, чтобы согреться.

Клинт не успел еще сесть в седло, когда Дымка взбрыкнул задом, но ковбой ничего не имел против этого: его кровь была также чересчур далеко от точки кипения, и он не прочь был, чтобы она побежала быстрее.

Дымка вертелся волчком на одном месте, пока не истощил своего запаса хитрых прыжков и скачков. Клинт сидел, держа в левой руке поводья, а правой руля в воздухе, и смеялся, глядя, как другие всадники и другие лошади взрывают пелену слепающего снега.

Это был последний день объезда, с работой было покончено.

Кашевар взобрался на сиденье, взял из рук у ребят вожжи и, испустивши воинственный клич, пустил упряжку вскачь к родному ранчо.

Сердца дрогнули, когда обоз с грохотом ворвался в широкие ворота, - что могло

быть краше, в особенности на фоне грозно насупившегося неба! Бывалые ковбойские лошади повернули уши в сторону больших деревянных коралей. Они знали, что означает вид коралей в эту пору года, и не пытались податься в сторону, когда табунщик погнал их внутрь. В этот вечер их выгнали на просторное пастбище, на другой день несколько всадников собрали их в табун и через другие ворота вывели их вон из ранчо.

Клинт вызвался сам быть одним из этих всадников, ему хотелось еще разок взглянуть на Дымку, прежде чем пустить его на зимние квартиры, хотелось самому убедиться, все ли хорошо на зимних пастбищах. К полудню окраины пастбищ были достигнуты. Клинт ехал позади табуна и радовался тому, как высока трава - густыми щетками она выбивалась из-под шестидюймового слоя снега. Гряда холмов защищала луга от бурьяна, густой ивняк вдоль ручья тоже должен был быть прекрасным щитом.

Клинт остановил своего коня, и всем двумстам лошадям дана была воля рассыпаться по простору. Глаза ковбоя в последний раз скользили по знакомым спинам, снова увидеть их он должен был только с началом весеннего объезда. Многих лошадей из этого табуна он объездил и окрестил, а знал он их всех наперечет - от самых буйных дичков до лучшего служаки из десятка Джеффа Никса, - знал все их повадки, все хорошие и дурные черты.

Большой старый жеребец караковой масти с крутой шеей, по имени Вепрь, попался ему на глаза, и Клинт вспомнил, как этот конь старался убить себя, лишь бы не даться в руки, но теперь раздумал и норовит вместо этого убить ковбоев, любого, кто имеет с ним дело... Улыбка мелькнула на лице Клинта и когда он заметил крупного горбоносого коня, который никогда не брыкался, пока случайно ему под хвост не попала веревка. С этого времени он вдруг начал бить задом и заслужил славу, которая прокатилась через четыре округа.

Каждая лошадь, на которую смотрел Клинт, вызывала в его памяти какую-нибудь историю. И с каждой историей, которая приходила ему на память, менялось выражение его лица. Мохнатый вороной глянул в его сторону и захрапел, Клинт вспомнил, как эта лошадь однажды набросилась на ковбоя, который расседлывал ее, и затоптала его насмерть. Лицо Клинта потускнело, но не надолго. Вдруг точно солнечный луч ударил в темное облако воспоминаний - Дымка мелькнул среди других лошадей в каких-нибудь пятидесяти футах от того места, где сидел на лошади Клинт.

Лицо ковбоя осветила улыбка, он слез с седла и пошел к Дымке. Но не успел он сделать и десяти шагов, как Дымка заметил его и, покинув своего верного спутника, Пекоса, с ржанием бросился к нему навстречу.

- Чего доброго, люди подумают, что ты ко мне за сахаром - улыбнулся Клинт, когда лошадь подошла к нему и остановилась. - Ну, Дымка, я рад, что зимние квартиры у тебя - лучше не надо. При таком корме да в такой укромной лощине ты не должен спустить за зиму ни унции жиру. - Клинт пощупал ребра лошади и засмеялся. - Ну, а если ты станешь жирней, чем сейчас, грош тебе будет цена.

Когда Клинт повернулся к месту, где бросил свою лошадь, Дымка пошел за ним.

- Сдается мне, ты приуныл бы, если б знал, что мы расстаемся на долгий срок, - сказал ковбой. - Не так ли? Но не горюй, я первым прискачу сюда, как придет весна.

Клинт готов был сесть на лошадь и поехать прочь, но еще раз остановился и погладил Дымкину шкуру.

- Ладно, Дымка, а пока смотри не давайся никому в обиду.

Дымка посмотрел ему вслед и заржал, когда ковбой скрылся за цепью холмов. И потом еще долго смотрел в ту сторону, пока не убедился вполне, что Клинт уехал. Тогда он повернул назад и, щипля траву, не спеша догнал своего товарища - Пекоса.

Пришла зима со снегом, холодом и морозными ветрами. Койоты были от голода, им нечем было поживиться, - разве что встретится случайная падаль. Лошади и коровы были гладки, и скотник, проведя весь день в седле, со спокойной совестью заваливался спать, со здоровым скотом ничего не могло приключиться.

Все, что ни посылала зима, Дымка встречал хорошей прослойкой жира, толстой кожей и длинной шерстью. Он сдал немного в весе, но мог бы скинуть еще несколько фунтов и не почувствовал бы себя от этого хуже, корма было вдоволь, а то, что его надо было вырывать из-под снега, это было своего рода гимнастическим упражнением и поддерживало хорошее кровообращение.

Зимние месяцы шли, лошади бродили от гребня к гребню, от прикрытия к прикрытию, и ничто не нарушало их покоя. Только мохнатый вороной, тот самый, что вышиб ковбоя из седла прямо на тот свет, вздумал подраться с Пекосом. Оно было кстати, потому что Дымке и Пекосу некуда было девать свою энергию.

Началось с того, что вороному понравился Пекос и в то же время не по нраву пришелся Дымка. Пекос сперва выдерживал нейтралитет и не мог понять, чего ради вороной старается прогнать от него Дымку. Дымка не уступал ни на шаг. Но вороной был вдвое старше Дымки, более опытен в драке и на сто фунтов тяжелее. Все это сказалось на Дымкиной шкуре, и дело шло к тому, чтобы Дымке задать от него драла. Но мало-помалу Пекос стал замечать, что вороной занимает как-то уж очень много места.

Так что когда вороной, прижавши уши, ринулся, по своему обыкновению, на Дымку, что-то ударило его сбоку и нарушило все его планы: он сам оказался сбитым с ног, перекатился через Дымку и грохнулся вверх тормашками наземь. Когда он поднялся на ноги, в глазах у него было темно, а еще больше зарябило у него в глазах, когда он увидел перед собой двух разъяренных коней вместо одного. Он тряхнул головой, и, когда Дымка с Пекосом нагнули шеи и двинулись к нему, вороной повернул назад и отправился искать более приветливых соседей.

Из упрямства или от злости, но только на другой день он попробовал снова затеять драку. Пекос заметил его первый, прежде чем вороной успел добраться до Дымки. В ту же минуту завязался бой, Пекосу не устоять было против вороного, и хоть он и не сдался, но победа была не на его стороне. Взбитый копытами снег встал облаком, когда Дымка, пасшийся в стороне, увидел, что происходит. Он увидел, что Пекос упал на колени, а вороной треплет его в хвост и в гриву. В одно мгновение спокойно стоявший на месте Дымка превратился в свистящее ядро. Ядро разорвалось, ударившись в вороного, и вороная шерсть полетела по ветру. Кое-как вороному удалось собрать свою сметку и понять, что ему нужно спасти свою шкуру. Разрезая ветер, он понесся прочь от бешеного клубка сверкающих копыт и острых зубов.

Наутро он пасся рядом с Вепрем - караковым жеребцом с крутой шеей, с горбоносым и другими злыми конями «буйного десятка». Эта компания была больше по нем, чем Дымка и Пекос.

Дни становились длинней и теплей, снег осел и начал таять, местами обнажилась земля. У Дымки и Пекоса шкуры зудели, они часто теперь скребли друг друга - начинали с загривка, спускались вдоль холки, по спине доходили до крупа и снова назад. Ключья длинных зимних волос вылезали и падали, лошади катались по земле, и шерсть лезла еще больше, потом показались лоскутья лоснящейся летней шкуры. Зеленая, нежная трава подернула склоны, быстро тающий снег вздул ручьи, солнце и теплые ветры стерли следы зимы.

Обозный кашевар снова завозился у длинной своей повозки. Ковбои стали стягиваться один за другим, всем не терпелось приняться за весеннюю работу. Иные съезжались из других лагерей компании, иных, получивших по осени расчет, не видать было больше, но прибывали и новые и, перекинувшись несколькими словами с Джеффом, заступали место ушедших.

Клинт зимовал в одном из лагерей компании, получал свое жалованье, и когда с первыми проталинами не к чему стало заботиться о слабом скоте, он взвалил свою постель на одну лошадь, седло на другую и двинулся к главному ранчо. Он приехал сюда одним из первых, и, когда пришло время «вычесывать» с зимних квартир

лошадей, он первым оседлал свою лошадь, вскочил в седло и поскакал, чтобы пригнать на ранчо всех лошадей, какие встретятся ему на конских зимних угодьях.

Дымка пасся на солнечном склоне холма и поднял голову, для того чтобы окинуть взглядом окрестность. Только уши и глаза его показались из-за макушки холма, но этого было довольно, чтобы увидеть всадника, увидеть его прежде, чем он успел заподозрить, что где-то поблизости пасутся лошади.

Дымка с храпом понесся по склону холма к своему табуну. Табун сорвался с места, едва увидел, как Дымка пустился в бегство, и когда всадник взобрался на вершину холма, лошади были от него уже в полумиле.

Но лошади не так уж сильно старались уйти от всадника, как могло показаться, - просто Дымка шарахнулся прочь, неожиданно увидевши всадника, все они были в теле, им нужен был только предлог, чтобы поразмять ноги. Когда ковбой поскакал за ними и взял немного левее, чтобы повернуть табун, лошади охотно свернули вбок, и, описав большой круг, всадник без труда смог направить их к коралям главного ранчо. Широкая улыбка осветила лицо ковбоя, когда солнце блеснуло на гладкой спине мышастой лошади, которая шла в голове табуна, и хотя полмили расстояния было между ним и лошадью, он дал бы голову наотрез, что это именно Дымка, потому что ни одна лошадиная шкура не блестела так на солнце, как шкура Дымки, и потому что в движениях лошади была привычная резвость.

- Говорил я тебе, что первым прискачу сюда, как настанет весна, - проворчал ковбой, переводя свою лошадь на рысь.

Отмахав двадцать пять миль, Клинт с табуном подъехал к широким воротам коралья. Теперь он уже был в самом хвосте табуна, и лошади пошли в загородку.

- Ты, видно, меня забыл, - сказал Клинт, ступив наземь и глядя, как Дымка носится по кругу вдоль брусьев коралья.

«Может быть, он не знает еще, что это я на него смотрю», - подумал ковбой.

Клинт был прав. В долгие зимние месяцы, когда Дымка ни разу не видел человека, к нему вернулся инстинкт дикого зверя, и при первом взгляде на Клинта он увидел в нем только врага, испугался и должен был прийти в себя, прежде чем узнать в этом враге Клинта.

Дымка носился с глазами навывкате по коралю, а Клинт разговаривал с ним, разговаривал ровным, спокойным голосом, и понемногу что-то забытое стало припоминаться Дымке. Он остановился раз и другой, чтобы взглянуть на ковбоя, и после каждого раза медленней был его бег. А голос не умолкал, забытое вспоминалось ясней и ясней.

Дымка остановился снова и с низко опущенной шеей, наостренными ушами и блеском в глазах повернулся к спокойно стоявшему посреди коралья ковбою.

- Ишь ты! - сказал Клинт. - Ну, хочешь знакомиться снова? Поди-ка сюда, дружок, дай я поглажу твой котелок, авось он станет варить, как варил когда-то?

Дымка не подошел, но и не бросился прочь, он выслушал эти слова. Клинт продолжал говорить и смотреть на него, пока лошадь не остыла немного. Тогда он медленно и тихо направился к ней. Что-то удерживало Дымку на месте при его приближении.

Клинт делал два-три шага, потом останавливался и продолжал говорить, пока не оказался от лошади в нескольких шагах. В эту минуту малейшая ошибка в действиях человека могла все испортить, но Клинт знал лошадей, и особенно хорошо знал он Дымку.

Он был уже так близко, что вот-вот мог потрогать лошадь. Медленно и тихо ковбой поднял руку и остановил ее в нескольких дюймах от Дымкиной морды. Дымка взглянул на руку и захрапел, но скоро вытянул шею и осторожно понюхал ее. Он снова захрапел и отдернул голову, понюхал руку снова, потом опять и опять, и с каждым разом храп его становился слабее, пока наконец он не позволил руке коснуться своих

ноздрей. Пальцы долго гладили нос лошади, потом поднялись выше, долго гладили между глаз, потом между ушей. Пять минут спустя Дымка прошел по всему коралю вслед за сияющим ковбоем.

Повозки обоза, вычищенные и нагруженные, готовы были двинуться в путь, табун был собран и разбит на десятки по ездокам. Джефф в последний раз окинул взглядом транспорт, махнул рукой, вожатый тронул свою лошадь, и сквозь широкие ворота ранчо потянулись повозки, и всадники, и табун. Весенний выезд был открыт.

В этот год Дымка побил все рекорды в ученье, и, когда пришел конец осеннему выезду и в последний раз, перед тем как отпустить его на зимние пастбища, Клинт снял с него седло, по обоим бокам на плечах у него были маленькие пятнышки белого волоса величиной с доллар - это были следы седла, медали за хорошую работу. В обращении со скотом Дымка смыслил теперь немногим меньше, чем старые ковбойские лошади того же табуна.

Одно не вязалось с рекордом - брыкливость. Дымке по-прежнему каждое утро надо было сколько-нибудь побуянить, а иной раз он буянил не в меру, - все зависело от того, насколько холодная была погода. Но Клинт не обращал на это внимания. Бывало, ему говорят:

- С такими шутками лошади грош цена.

Но на этот счет у Клинта были свои соображения. Он не без причин старался сохранить за Дымкой брыкливость. Старый Том Джервис (иногда его звали Старый Гризли), инспектор и совладелец компании «Рокин Р.», однажды летом примкнул к обозу, чтобы посмотреть, как «работают скот» его ковбои. Это был старый скотовод, который возился с коровами и быками еще в те времена, когда рога у них были вдвое длиннее, чем сейчас. Он безотлучно сидел на «отборочном поле», и там-то увидел он Дымку.

Клинт почувствовал, что взгляд Старого Тома упал на Дымку, едва он подъехал с ним к стаду, и мурашки прошли у него по спине, когда он заметил, что Старый Гризли не спускает с его лошади глаз. Клинт знал, что Старый Том падок на хороших лошадей, он слышал о ковбоях, которые по милости Старого Гризли попадали в тюрьму, если отказывались продать полюбившуюся старику лошадь. Теперь времена не те, но Гризли остался Гризли, а Дымка был ведь его собственностью.

Ковбой пустил Дымку отбивать скот, в этой работе все достоинства ковбойской лошади выходят наружу, а Дымка не думал прятать своих качеств. У Старого Тома глаза вылезли на лоб, когда он увидел мышастую лошадь в работе, и Клинт, заметив это, решил, что лучше будет выбраться из стада и упрятать куда-нибудь Дымку, прежде чем старик поймает его и предложит ему сменить лошадей. Ковбой испугался, что и без того старик увидал слишком много, и, выбираясь из стада, сделал круг и остановился с другого конца поляны, подальше от Старого Тома.

Но Старый Том был инспектором - совладельцем компании, и он мог развезжать по угодьям где ему вздумается. Бык вырвался прочь. Старый Том припустился за ним, повернул его к стаду по кругу, и когда бык вернулся в стадо и старик остановил свою лошадь, между ним и лошастью Клинта было не много шагов. Клинт струхнул не на шутку и крепко выругался. Он старался сдерживать Дымку, когда вырывался из стада бык, он попробовал даже нескольких упустить совсем, но не мог: это было бы слишком очевидно, к тому же Дымка сам знал, как ему управляться с непослушной скотиной.

Клинт был мрачен весь день и почти всю ночь не сомкнул глаз, прикидывая, как бы ему увернуться от Старого Тома. Он знал, что старый скотовод не замедлит предложить ему обменять Дымку на другую лошадь, а среди всех лошадей компании и на всем свете не было ни одной, за которую он согласился бы отдать своего любимца.

Клинт был для компании нужным человеком, но для Старого Тома неважно было - ковбоем меньше, ковбоем больше, если этот ковбой стоял между ним и лошастью, которая пришлась ему по вкусу. На следующий же день он подошел к

Клинту и без всяких околичностей сказал:

- Я попробую сейчас ту мышастую лошадку, на которой ты ездил вчера. Если она мне понравится, - продолжал он с таким видом, будто говорит нечто приятное для Клинта, - я отдам тебе вместо нее моего бурого Чико, это лучшая лошадь у нас на ранчо.

Клинт покраснел, и в глазах у него блеснул огонь.

- Э, - сказал он, - вам не усидеть на Дымке.

- То есть как так «не усидеть»? - спросил Том, покраснев в свою очередь.

- Не усидеть, и все тут! - ответил Клинт. - Вы на него и седла не положите.

После таких слов Клинту оставалось немедленно просить расчета. Но Клинт не хотел бросать Дымку и решил действовать иначе. Если ему удастся разозлить старика и тот в расстроенных чувствах сядет на лошадь, Дымка сам постоит за себя.

- Я покажу тебе, умею ли я оседлать лошадь, - с пеной у рта сказал Старый Том. - Я объезжал дичков, к которым ты носа не сунул бы в кораль, еще тогда, когда ты был в пеленках.

- Возможно, - ответил Клинт, насмешливо улыбаясь, - это было давно, вы были тогда помоложе.

Старый Том с минуту смотрел на Клинта, не находя ответа, потом бросился к своему седлу, сорвал с него веревку и, пылая от ярости, так раскрутил петлю, что свист ее слышен был, верно, на другом конце коралья. Дымка оторопел, когда эта петля скользнула у него по голове и вдруг туго затянулась вокруг шеи. Он взвыл и заметался, волоча за собой Старого Тома.

Старик махнул рукой, и двое ковбоев, осклабившись, поспешили к нему на помощь.

Клинт стоял по ту сторону загородки и смотрел на этот спектакль, он свертывал папироску за папироской и разжевывал их, не зажигая. Он видел, как Дымка, полужадушенный, остановился, и с ужасом заметил в глазах у лошади страх. Но потом в глазах у лошади загорелось другое - это был гнев, и гнева было больше, чем страха, у ковбоя отлегло от сердца.

- С каких это пор ковбою нужны помощники, чтобы заарканить лошадку? - крикнул он Старому Тому, когда тот подошел к Дымке. - Тогда уж и в седло садиться должен кто-нибудь вместо вас.

Слова были сказаны кстати. Старый Том в ответ рванул за аркан, душивший Дымку. Старик знал не хуже других, как нужно обращаться с животными, и обычно был мягок с ними, но сейчас он был взбешен. Клинт довел его до белого каления, и он срывал свою злобу на Дымке.

А Дымка, казалось, понял уже, в чем дело. Он похож был теперь на сырого дичка, который никогда в глаза не видал человека, и, когда его наконец подвели к седлу, весь его вид говорил, что подойти к нему небезопасно. Но Старый Том, хоть это и было давно, объездил не одного зверя, он знал, что ему это уже не по плечу, но на этот раз он готов был тряхнуть стариной.

Всадников, которые помогали ему, он отмахнул прочь. Он решил показать Клинту и другим молокососам, что справится с лошадей и один. Потом швырнул петлю и захлестнул передние ноги Дымки. Дымка с веревкой спорить не стал - он знал, что придет его время. Передние ноги его были стянуты сыромятными путами, на голову надета уздечка, на спину ему легло седло, и туго затянулись подпруги.

- Молись богу, прежде чем лезть в седло, - сказал Клинт, подзадоривая Старого Тома и в то же время надеясь, что он спасует в последнюю минуту. Но старик подтянул повыше пояс штанов, надвинул на лоб шляпу, все еще дрожа от злости, он распустил путы, схватил поводья и прыгнул в седло. Дымка оглянулся назад на врага и, едва поводья коснулись его шеи, опустил голову и прыгнул вверх. Он сделал два хороших прыжка и только собрался пуститься во все тяжкие, как почувствовал, что седло

опустело. Он с разгону прыгнул еще раз и другой и остановился.

У Клинта все лицо расплылось в улыбке, когда он подошел к Дымке и положил ему руку на шею.

- Чисто сработано, старина, - сказал он. И, обернувшись к Старому Тому, который подымался с земли, спросил: - Ну, будете пробовать снова?

- А ты как думал?

- Что ж, - ответил Клинт, и кровь ударила ему в голову, - иди и скачи, старый дурак, сломай себе шею, у нас здесь хватит канав тебе на могилу.

Старый Том вырвал у него поводья и хотел сесть в седло, но на этот раз он не успел и усесться как следует - Дымка опустил голову и вынырнул из-под него так, что Старый Том кубарем перекатился через его спину. Старик собрался попытать счастья в третий раз, когда в дело вмешался Джефф Никс. Он сказал своему хозяину, что не советует ему садиться на лошадь.

- Эта лошадь бесится всякий раз, когда ее седлают, - заметил Джефф.

Старый Том видел, что уперся лбом в стену, но он задышался от злобы, и ему нужно было как-нибудь излить свою ярость. Тут он заметил Клинта, который стоял, облокотившись на Дымку.

- Убирайся отсюда! - рявкнул он, указывая на ковбоя пальцем. - Кто-нибудь выбьет из этой лошади дурь, а ты - чтоб следа твоего я больше не видел!

Клинт только усмехнулся в ответ, и это еще больше взбесило Старого Тома. А тут еще впутался Джефф:

- Прогонять ребят - это мое дело, Том, и, пока я служу у вас, на ранчо распоряжаюсь ковбоями я.

Старый Том обернулся к нему, точно дикий кот:

- Ладно, проваливай и ты вместе с ним!

Нет, он явно перебрал, двинувшись за своей верховой лошастью, старый скотовод почувствовал, что зашел слишком далеко, седлая ее, он понял, что в этом не может быть никаких сомнений, и, затягивая последний ремень подпруги, он понял, что зашел чересчур далеко совершенно напрасно.

Но Старый Том не думал идти на попятный - во всяком случае в эту минуту. Он сел на лошадь и, подъехавши к Джеффу, сказал:

- Вы с Клинтом можете пожаловать на ранчо, я буду к вашим услугам.

Потом он обернулся к первому попавшемуся ковбою:

- А вы смотрите здесь за порядком, пока я не пришлю другого управляющего.

Пока Старый Том проехал пятьдесят миль обратного пути до ранчо, бешенство его как рукой сняло: он понял, что в это горячее время не так-то легко найти второго Джеффа Никса, нелегко найти и такого ковбоя, как Клинт. Когда он отворял тяжелые ворота ранчо, у него промелькнула мысль: не взять ли ему наутро свежую лошадь и не поскакать ли обратно к обозу, чтобы как-нибудь да уладить дело.

Он расседлал и отпустил свою лошадь и был очень удивлен, когда, войдя в дом ранчо, нашел там и Джеффа и Клинта, которые его ожидали. Старик ничем не показал своих добрых намерений, и Джефф начал без предисловий:

- Все ребята просили меня вам передать, что, если вы дадите мне расчет, они тоже просят расчета. Мне жаль, чтоб они теряли работу, и я пробовал отговорить их, но они не хотят. Они бросают работу, если я уйду.

Старый скотовод прикусил губу. Он молча прошел с Джеффом и с Клинтом в контору и остановился посреди комнаты у большого стола. Единственное, что ему оставалось, это обратить дело в шутку.

- Прекрасно, Джефф, - сказал он. - Я рад, что вы так хорошо спелись. Выходит, значит, теперь вы свободны и можете идти куда вам вздумается, не так ли?

- Так, - кивнул головой Джефф. - Но прежде заплатите мне деньги.

- А что, если бы я хотел нанять вас снова? Я не могу отпустить такого

управляющего, как вы, Джефф.

Джефф, казалось, подумал с минуту, потом взглянул на Клинта. Старый Том поспешил добавить:

- А распоряжаться на ранчо ковбоями будете по-прежнему вы, я вмешиваться не стану, так что Клинт был нанят вами и будет работать у вас.

Кончилось дело тем, что все пожали друг другу руки, а когда наутро Джефф с Клинтом садились в седла, Старый Том вышел их проводить.

- Насчет этого мышастого черта, Клинт, будь спокоен, - сказал он, - мне он не нужен.

Всадники подъехали к широким воротам ранчо, и Джефф, слезая с лошади, чтобы отворить их, заметил:

- Старик разве что прощенья не просил.

- Лишь бы не трогал Дымку, - ответил Клинт.

Х. БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Времена года сменяли друг друга, в урочное время из широких ворот ранчо выкатывались повозки, обозы тащились по тем же дорогам, на тех же местах натягивались веревочные изгороди, старые ездоки исчезали, новые занимали их место, старые лошади сменялись молодыми, и работа текла год за годом без перемен.

Джефф, управляющий ранчо, обозный кашевар, Клинт и еще два-три ездока - вот все, что осталось от прежней команды, другие рассыпались по новым местам, пришли и бросили вещевые мешки на повозки других обозов.

Пять лет уткло с того дня, когда Клинт на Дымке верхом примкнул к обозу, пять лет уже Дымка ходил под седлом, и никто, кроме Клинта, не касался за это время Дымкиной шкуры, после случая со Старым Томом никто не посягал на мышастую лошадь. Слюнки текли у многих ковбоев, и опоздай Клинт к началу весенних работ, не обошлось бы дело без спора, но он неизменно первым заявлялся в ранчо, и ни у кого не было повода оспаривать его права на Дымку.

В долгие месяцы работы Дымка научился понимать Клинта лучше, чем ковбой понимал сам себя. Дымка знал, когда Клинт бывал немного простужен и чувствовал себя худо, в эти дни он меньше брыкался, почуяв на спине седока. Стоило Клинту коснуться рукой его шеи, и Дымка знал, означает ли это «возьми его», «легче» или «ай молодец». Все оттенки голоса были ему понятны. Если Клинт был им недоволен, у Дымки глаза открывались шире, он нагибал свою шею и тихонько храпел. А если в голосе Клинта была похвала, Дымка весь точно грелся на солнце в холодный осенний день. Дымка точно чувствовал миг, когда Клинт намечал бычка, которого нужно отрезать от стада. Инстинкт говорил ему, какой именно бык нужен Клинту, он бросался за ним при малейшем указании поводыря.

В работе с веревкой Дымка только что не умел закидывать петлю. Одно ухо опустит, и ждет, и следит, как петля сорвется с руки Клинта и полетит, чтобы упасть на рога быка, не успеет ковбой подтянуть слабину, а Дымка уже повернет и поскачет прочь, чтобы «повалить» быка.

Из всех штук, которые показывали его искусство в обращении со скотом, охотней всего рассказывал сам Клинт и другие ковбои об одном его деле. Собственно, это дело было ничем не лучше других, но была в нем одна подробность, которая стоила десятка чудес.

В стаде был большой бык с кривым рогом, рог изогнулся и угрожал врасти ему в глаза. Клинт и Джефф в одно время заметили этого быка, и пока кто-то из ковбоев пошел к повозке за пилой, чтобы спилить этот рог, Клинт и Джефф взялись за веревки и пустились к нему наперерез.

Бык, дикий, большой и увертливый, был хитер, и как только он увидел, что двое

всадников пробираются к нему через стадо, он вырвался прочь и, задрвав хвост, понесся по прерии. Тут в дело вступил Дымка. В один миг он нагнал быка и оказался от него на расстоянии веревки. Кривой рог мешал Клинту - пришлось бросать петлю быку на шею, и он это сделал чисто и быстро. Все шло как по писаному. Дымка скакал за быком, Клинт перекинул веревку через круп быка, еще мгновение - и бык полетел бы вверх ногами, так что только вяжи.

Но тут случилось неожиданное: когда натянулась веревка, бык не упал. Вместо этого послышался треск, будто что-то порвалось. Клинт вылетел из седла на три фута в небо, вычертил в воздухе сальто и свалился на землю, седло на спине у Дымки стало ребром, держась на одной боковой подпруге. Ремень подпруги был прорезан язычком пряжки, точно лист бумаги.

Все, кто был поблизости, замерли, ожидая, что Дымка сбросит с себя седло, потому что любая лошадь, стяни ей подпруга таким манером бока, запрыгала бы и забила задом. А Дымка был брыклив не в пример прочим.

Ребята скалили уже зубы в ожидании развлечения, но скоро улыбки исчезли и лица вытянулись от изумления. Вместо того чтобы стряхнуть с себя седло, Дымка изворачивался, как только мог, чтобы удержать его на спине. Он был ковбойской лошастью, сейчас он работал, - не время теперь было для баловства, почувствовав, что седло стало на дыбы, он прыгнул, пятясь назад, повернулся в воздухе, и, когда его передние ноги снова коснулись земли, седло лежало на своем месте, а Дымка не спускал глаз с быка.

Когда рассказ об этом пошел по всей округе, много было ездовых, которые отказывались этому верить, смеялись и повторяли, что это чистая случайность. Но если бы они знали Дымку и видели, как он старался поправить на себе седло, они запели бы другие песни.

Бык удержался на ногах и всем своим весом в тысячу фунтов дикого мяса налегал на веревку. Тогда Дымка выкинул новую штуку, которая заставила всех разинуть рты. Бык снова бешено ринулся в открытое поле, и Дымка, вместо того чтобы стоять и ждать, пока бык добежит до конца веревки, неожиданно бросился бежать за быком. Когда оба они развили изрядную скорость, Дымка вдруг сразу припал к земле так, что поджилки его коснулись земли, и, когда бык добежал до конца веревки, веревка оказалась привязанной к неподвижному, всеми четырьмя ногами вросшему в землю пню. Голову быка рвануло вниз, бык кувырнулся и грохнулся кверху ногами.

- Ну, - сказал потом Джефф, - эта лошадь только скручивать веревку не умеет.

Дымка держал веревку натянутой, Клинт связал быка, и кривой рог был отпилен. Тогда Клинт поднял руку, отдал команду, и Дымка ослабил веревку, чтоб ее можно было стащить с головы быка.

Компания «Рокин Р.» купила партию долгоругих мексиканских быков и отправила их сюда, на Север, они отъелись и одичали донельзя. Тут Дымке представился случай показать, что он не только умен, но и быстр. Обычно ковбойской лошади не догнать такого быка на коротком расстоянии, а Дымка настигал его с такой быстротой, что Клинт едва успевал раскрутить свою петлю.

Многие ковбои говорили, что стоит платить деньги за то, чтоб смотреть, как работает Дымка, и когда, отужинав, ковбои ложились врастяжку отдохнуть, поболтать и попеть, что бы Клинт ни сказал о Дымке, никому и в голову не приходило спорить с ним или идти на пари. Все они знали и любили эту лошадь, и скоро о Дымке заговорили в лагерях других компаний. Молва о нем прошла по всему Северу, и нисколько не удивился один из ковбоев, когда однажды осенью, забравшись на Юг, у самой мексиканской границы услышал, как другой ковбой поверял друзьям рассказы о Дымке из «Рокин Р.».

Владелец соседней компании как-то передал через своего ковбоя, что даст за эту лошадь сотню долларов, в ту пору Дымка ходил под седлом второй только год. Старый

Том рассмеялся в ответ, а Клинт рассердился не на шутку. На другой год тот же чудак предложил за Дымку двести долларов, и Старый Том рассмеялся снова, а Клинт на этот раз не знал, злиться ему или радоваться. Но все шло своим чередом, и еще два года спустя большая компания из соседнего штата прислала письмо, в котором предлагала за мышастую лошадь круглую сумму - в четыреста долларов.

Хорошей верховой лошади в то время цена была пятьдесят долларов, для хорошей ковбойской лошади установленной цены не было, потому что такую лошадь купить можно было разве что при распродаже всего хозяйства. Высшая цена, какая когда-либо была в этих краях предложена за ковбойскую лошадь, была двести долларов, и когда пронесся слух, что за Дымку предлагают четыреста долларов, многие подумали: есть у людей шальные деньги. Но те, кому такая цена казалась безумием, просто не видели, как Дымка работает.

Этой осенью, когда обоз вернулся с объезда, Старый Том позвал к себе Клинта и показал ему это письмо.

Клинт уже слышал о предложении и уставился на письмо, не читая его, он смотрел на него и думал, как поступит в этом деле Старый Том. Так он стоял, ничего не видя перед собой, как бы приготовившись к удару, когда старик заговорил:

- Ну, Клинт, вот что я скажу на это... - Тут Старый Том помедлил, может быть, чтобы еще подразнить ковбоя. - Если бы у меня скот подыхал с голоду и мне нужны были б деньги, чтоб как-нибудь поставить его на ноги, возможно, я пожертвовал бы Дымкой за четыре сотни, но сейчас нет таких денег, за которые я продал бы эту лошадь.

Ковбой улыбнулся и с трудом перевел дыхание.

- Но я надеюсь, - добавил Старый Том, - что придет день, когда тебе надоест сидеть на месте и захочется бросить компанию, и тогда Дымка будет моим. Я давно отправил бы тебя на все четыре стороны, но для этого мне пришлось бы отправить Джеффа, так что с лошадьёю мне придется погодить, пока я не развяжусь с кем-нибудь из вас.

Клинт знал, что старик говорил это в шутку. На радостях он пожал руку Старому Тому и вышел от него, не чуя под ногами земли.

К началу зимы Дымку вместе с табуном выпустили в прерию. Клинт, по своему обыкновению, помог отвести табун под защиту холмов, и на этот раз, отпустив лошадей, он долго стоял и с грустью смотрел на зимние пастбища: никогда еще не видал он здесь такой чахлой, скудной травы.

Все лето стояла сушь, и в прериях было хоть шаром покати, но здесь, в ложине между холмами, пастбище всегда бывало обильно, и лошадям зимовать было здесь лучше, чем в теплых стойлах с зерном в кормушках. Клинт подумал: не взять ли ему Дымку с собой назад, для зимней работы? Но тогда он должен был бы выпустить его в прерию с приходом весны, а он и думать не хотел о том, чтобы поехать на весенний объезд без Дымки.

- Нет, - решил он, - я отпущу тебя на зиму. Но я приеду сюда посмотреть, как ты поживаешь, не слишком ли много спускаешь жиру. Уж больно ты дорог, чтоб рисковать, - сказал Клинт, почесывая Дымку за ухом, - и для меня ты во сто раз дороже, чем для компании, хоть Старый Том и тот не отдаст тебя ни за какие деньги.

Клинт не успел еще добраться до ранчо, как со спины налетела на него зима, и он стал растирать перчатками уши.

- Ну и пурга! - присвистнул он, выколачивая дробь зубами. - Однако для начала недурно.

И правда, первая метель не похожа была на обычную выюгу, - тяжелый буран прокатился по прерии из края в край, трамбуя землю тяжелым снегом и замораживая все, что могло замерзнуть. Он бушевал двое суток, а когда прояснилось, термометр сразу упал. Клинт поехал собирать старый скот поближе к ранчо, где бы за ним можно

было смотреть, и когда через несколько дней снова сорвалась снежная буря, она застигла его в открытом поле со стадом скота, которое он гнал под навесы, к стогам на черный день припасенного сена.

Клинт проводил в седле все время, с утра до вечера, а иногда и добрую часть ночи. Прошел месяц, и слой снега в прерии вырос на два фута. А небо по-прежнему грозило буранами, и у ковбоев дел было невпроворот. Всякий раз, как ковбои пригоняли новое стадо скота, требовавшее кормежки, у работников в ранчо глаза вылезали на лоб, потому что они сбились с ног с тем скотом, что был уже на ранчо, еще немного - и Старому Тому пришлось бы нанять еще давальщиков сена и прикупать кормов.

Клинт беспокоился о судьбе Дымки и все хотел навестить его, но слишком глубок был снег для далекой поездки, и к тому же всегда где-нибудь по пути встречалось ему стадо скота, а в стаде - больные и слабые, которым нужен был кров и уход.

Все же, несмотря на все помехи, однажды Клинт добрался до зимнего пастбища. Серое небо чернело, и надвигалась ночь, когда ковбой перевалил через хребет и увидел табун лошадей, в табуне была сухая косматая лошадь мышастого цвета, и Клинт не поверил своим глазам, когда, подъехавши ближе, узнал в этой лошади Дымку.

Ковбой намерен был тотчас же поймать лошадь и увести ее на ранчо. Он раздумывал, может ли Дымка теперь выдержать такой большой перегон, но, когда лошадь подняла голову из ямы, в которой добывала себе корм, и заметила приближающегося к ней всадника, Клинт был поражен тем, сколько в ней силы и бодрости. Дымка не узнал ковбоя и, едва увидев его, сорвался с места и понесся прочь.

Клинт смотрел, как он скачет по глубокому снегу, и улыбался, потому что лошадь была не так уж плоха, как показалось ему с первого взгляда.

- Все равно я заберу тебя с собой, чертенок ты этакий, потому что бог знает, на кого ты станешь похож через несколько недель, если продержится такая погода.

Он двинулся по тропке, проложенной Дымкой и другими лошадьми, было уже темным-темно, но в глубоком снегу трудно было сбиться со следа.

«Удастся ли мне удержать его на месте, пока он узнает меня под этим нарядом?» - думал Клинт, потому что в своей зимней одежде, да еще ночью, он в точности был похож на медведя. Кроме того, в эту пору года лошади пугливей и трудней к себе подпускают. Клинт боялся, что ему не удастся поймать Дымку, и подумывал о том, не загнать ли ему весь табун на ранчо.

Он ехал по следу, стараясь догнать лошадей, когда с левой стороны из снега донеслось до него слабое мычание. Клинт придержал коня, мычание повторилось, и он повернул на звук. Свернувшись в комочек, дрожа, почти засыпанный снегом, лежал в сугробе теленок.

«Ему не больше двух дней», - подумал ковбой и удивился, как это маленькое существо осталось в живых.

- Где твоя мамка? - спросил ковбой, сходя с лошади и направляясь к теленку.

Но едва он успел произнести эти слова, рядом с теленком выросла черная тень и с мычанием бросилась на ковбоя, стараясь поднять его на рога, прежде чем он успеет вскочить на лошадь. Улепетывая от нее, Клинт заметил в снегу другие следы скота и, пойдя по ним, наткнулся на вторую корову с теленком.

Этот теленок был постарше и, по крайней мере, мог стоять на ногах. «Стало быть, эти две лупоглазые дуры ускользнули от осеннего объезда, - подумал Клинт. - И как будто нарочно у обоих по зимнему телку. Так-то, Дымка, - глянул он вслед табуну, - на этот раз мне придется оставить тебя на воле». Только на другой день, к полудню, Клинт въехал в ворота ранчо, везя впереди себя на седле маленького теленка. У навесов, под которыми стоял и кормился скот, он нашел Джеффа и сказал ему:

- Мне пришлось оставить мамашу этого парня в десятке миль. Там есть еще одна

корова с телятком, и, пожалуй, хорошо бы кого-нибудь послать за ними сейчас же, а то, сдастся мне, будет нынче буран. А я... я сейчас сожру заднюю ногу быка - и на боковую.

Буран, который пророчил Клинт, не заставил себя долго ждать и, казалось, решил начисто вымести с земли все, что на ней было живого. Снег валил и валил, пока, как заметил один из ковбоев, «вокруг ранчо осталось забора на дюйм, а скоро и совсем не будет».

Этот буран означал бы смерть для всего скота, находившегося в прерии, и для большей части лошадей, но к концу его сорвался сильный ветер, взвихрил снег и завалил им вровень с землей овраги. Когда ветер перестал беситься, по пастбищам и по склонам холмов оказались прорехи, где снег был вылизан чуть не до самой травы, - они-то и спасли в эту зиму жизнь лошадям и скоту.

Клинт был полон тревоги за Дымку, раз за разом он отправлялся за ним, но всегда находился беспомощный теленок, корова или бык, которые заставляли его свернуть в сторону, а потом возвратиться назад. «Завтра», - говорил Клинт, но завтрашние дни приходили и уходили, а ковбою не доводилось добраться до пастбища Дымки.

Клинт беспокоился об участи своей мышастой лошади больше, чем нужно. Он воображал всякие ужасы, и часто, когда Клинт, уставший, лежал на своей койке, ему представлялся Дымка, подыхающий с голоду в снежном сугробе, а к нему - все ближе и ближе - подкрадываются волки.

Конечно, Дымка спустил весь свой жир и порядочно ослабел, но слабым его нельзя было назвать, слабым настолько, чтобы он не мог добывать себе корм. Он еще похудел после большого бурана, но все еще был достаточно силен, чтобы проложить себе путь через снеговые заносы, выросшие по склонам хребтов, и выбраться на противоположные склоны, где легче было докопаться до корма.

Прошло немало времени с тех пор, когда Дымка, поднявши голову из ямы в снегу, заметил Клинта. И вот снова ему пришлось увидеть всадника, но теперь это был не Клинт. Дымка заметил его первым, и тотчас же табун бросился прочь. Всадник скрылся из виду. Табун принялся взрывать копытами снег в поисках корма, ночь была уже близко, подымался ветер, и скоро начали падать легкие хлопья снега. Ночью, когда ветер усилился, а снег стал гуще и тяжелей, всадник показался снова и на этот раз прямо посреди табуна, так что Дымка и другие лошади не успели выследить его. Лошади рассыпались в разные стороны, но затем, собравшись вместе, поскакали по ветру.

Всадник не отставал, и лошади, преодолевая по глубокому снегу милю за милей, поняли, что от этого всадника уйти нелегко. По сугробам бег был тяжел, в руслах ручьев снег лежал на два и на три фута, и лошади начали выбиваться из сил. С галопа табун перешел на рысь, а потом, так как всадник не торопил их, лошади пошли шагом.

Ночь шла, а табун прорывался сквозь снег все вперед и вперед. Упругий ветер гнал их, длинная шерсть обледенела, но, как ни устали они и как ни трудно было идти по сугробам, им не стоялось на месте в этот бешеный шторм. Они рвались вперед, не заботясь больше о всаднике. Потом рассвело, и всадник, заметив густые заросли ив, позволил табуну остановиться под их прикрытием. Он оглянулся было назад на пройденный путь, но снег слепил глаза, и он усмехнулся.

- Этакая метелица заметет хоть какие следы, - пробормотал он, подыскивая себе убежище в ивовой чаще.

Скоро он отыскал место, где почти не чувствовалось ветра, слез с уставшей лошади и принялся утаптывать снег, чтобы можно было сделать два-три шага, не проваливаясь при этом по пояс. Лошадь он привязал рядом, и через несколько минут сухие ивовые ветви затрещали в костре. В жестяном ведре из-под сала он сварил рису и вяленого мяса - «джерки», из того же ведерка поел. В том же ведре было

растоплено несколько пригоршней снега и сварен кофе. Потом человек скрутил папироску, несколько раз затянулся и заснул, свернувшись у огня.

Все в нем, от брезентовых сапог и до темного лица под изношенной шляпой, говорило, что это мексиканец. Дрянное, истертое седло, изодранное в клочья седельное одеяло, которые он не снял с лошади, и лошадь, которую он привязал, вместо того чтобы дать ей отдохнуть, говорили, что этот человек никогда не был порядочным, честным ковбоем.

Он спал, понимая, что в такую погоду никто не поскачет по его следам, потому что метель заметала и слизывала следы в тот же миг, как он оставлял их. Украденные лошади тоже не заботили его, так как он знал, что в такую бурю они не рискнут возвращаться назад и не покинут прикрытия.

Семнадцать голов верховых лошадей «Рокин Р.», и в том числе Дымка, стояли в полумиле, вниз по руслу ручья, от места, где спал вор. Они рады были укрыться от вьюги в густом ивняке. Дымка бок о бок с Пекосом бродил по глубокому снегу то впереди, то позади других лошадей, они вынюхивали и выкапывали каждую травинку, каждый стебель, который можно было жевать. Но до них здесь перебивало много скота, и к вечеру они выглядели такими же изможденными, какими были с утра.

Днем снег приутих немного, но к ночи ветер окреп, и опять закружилась метель, еще одну ночь можно было идти, не оставляя следов.

Вор открыл глаза, осмотрелся по сторонам и усмехнулся. Потом снова развел костер, сварил еду и поел, вскочил в седло и поехал вниз по руслу искать лошадей. Как он и думал, они успели уйти по ручью всего лишь на несколько миль. К тому времени, когда темнота окутала прерию, он добрался до табуна и погнал его вперед.

Час-другой пути - и Дымка, шедший во главе табуна, очутился между крыльев кораля. Кораль этот сделан был из ивняка и умело спрятан от глаз. Мексиканец построил его для своих личных нужд, и видно было, что пользуется он им не в первый раз. Вместо ворот здесь были длинные колья, и, загнав лошадей внутрь, он запер кольями кораль и снял со своего седла веревку.

Много лошадей и коров пришли в этот кораль с одним тавром, а ушли с другим. И много раз мексиканец заезжал сюда, чтобы сменить под собой лошадь. Так и сейчас - ему нужно было сменить коня. Он менял лошадей не для того, чтобы дать отдохнуть уставшим, а потому что боялся погони.

Петля была сделана, и, вглядываясь в темноту, он стал выбирать, какую бы из лошадей заарканить. На фоне белого снега ясно вычерчивались фигуры лошадей, и вор искал среди них одну, которую заметил давно и за которой все время следил.

Ему нужна была мышастая лошадь с белой отметиной на морде.

Скоро позади всех других лошадей он увидел голову Дымки, он сразу узнал ее по пятну на лбу, и веревка его взлетела.

Дымка с храпом нырнул, веревка только коснулась его ушей и упала на голову другой лошади. В темноте вору не видать было веревки, и он не знал, что ошибся, пока не вытащил лошадь из табуна. Он выругался, когда увидел, что поймал не ту лошадь, которая ему была нужна, но так как и эта была высока и крепка на вид, он махнул рукой и не стал тратить время на то, чтобы снова арканить Дымку.

- Возьму тебя в следующий раз, - сказал он, взглянув на Дымку, и оседлал пойманную им лошадь.

Потом, отперев кораль, он вскочил в седло, выпустил табун и погнал его в сторону от русла ручья по длинной террасе. Сильные ветры сдули с нее почти весь снег, и, кроме низких мест, где намело рыхлые сугробы, дорога по ней была легка. Большую часть ночи мексиканец гнал лошадей рысью, а порой, где снега было немного, переводил их на галоп.

Наконец, видя, что лошади слишком утомлены и слабы, чтобы продолжать путь, он стал подыскивать место, где можно было бы их спрятать и где они могли бы

попасть в течение наступающего дня. По ту сторону хребта, вдоль которого они шли, он знал такое место и, распустивши веревку, захлопал ею по обессиленным лошадям и заставил их бежать, пока не достигли этого места. Здесь снова была сделана остановка.

Буря утихла, и скоро остался от него один только ветер, воющий ветер, который заметал следы и очищал от снега террасы. Но теперь мексиканец не нуждался в помощи ветра, он выбирался уже с табуном на открытый простор, где в эту пору года не встретить было всадников и где он имел на примете немало верных убежищ.

По всему пути перед ним теперь были кораллы, часть из которых построил он сам, часть - его товарищи по профессии. Иногда он менял тавро на животных тотчас после кражи. Но сейчас на лошадях была длинная шерсть, под которой не видать было клейма, и он мог подождать с этим, пока не угонит их дальше. Он доволен был удачной работой и, глядя, как тает в ведерке снег, улыбался и прикидывал, сколько выручит за лошадей. Он понимал толк в лошадях, и хоть сейчас они были кожа да кости, он знал, во что они превратятся после месяца зеленой травы. Кроме того, здесь был Дымка - мышастая лошадь, он слышал, как за нее предлагали четыре сотни долларов, и надеялся, что хоть за полцены да продаст ее кому-нибудь из скотоводов.

В нескольких сотнях миль к югу было логово мексиканца. Оно лежало в низких местах, где недолго держался снег. Там он сможет откормить лошадей, «исправить» тавро, а потом продать поодиночке за хорошую цену или отправить партией по железной дороге какому-нибудь барышнику. Тревожиться ему было не о чем: буря стерла его следы с лица земли, добрых семьдесят миль было между ним и тем местом, откуда он угнал лошадей, и не меньше ста миль до главного ранчо компании «Рокин Р.».

XI. ЧУЖАЯ РУКА

Долгий месяц прошел с тех нор, как Клинт ездил за Дымкой и вернулся с теленком вместо него. С того времени ковбой только и думал, как бы снова поехать за ним, но глубокий снег и бураны задали ему много работы, он по горло был занят вылавливанием застрявших в снегу животных и не мог найти ни времени, ни предлога, чтобы отправиться на пастбище Дымки. Но как-то утром его охватило беспокойство. Он старался стряхнуть его с себя, но с каждым днем тревога росла, пока наконец Клинт не оседлал лучшую лошадь, какая у него только была, и не поехал за Дымкой.

Последняя жестокая буря улеглась уже несколько дней назад, и пастбище было испещрено лошадиными следами. Клинт не пропускал ни одного следа, он отыскивал много табунов, но Дымки не было. Даже самый табун, в котором был Дымка, когда его видали в последний раз, точно провалился сквозь землю. У Клинта мелькнула мысль, не украл ли кто табун, но он отбросил ее, потому что был уверен, что никакой вор не станет красть лошадей с таким известным тавром, как «Рокин Р.». Так или иначе то, что исчез весь табун, было некоторым утешением для Клинта, потому что если бы табун был налицо и не было бы одного только Дымки, это означало бы, что он где-нибудь околел. Другие лошади, которых Клинт видел в этот день, казались не слишком плохи, и это было порукой тому, что и Дымка сохранил еще силы.

«Похоже на то, что он со своим табуном убежал в последнюю бурю к родным местам», - подумал Клинт, поворачивая свою лошадь к ранчо. Но это соображение несколько не успокоило его тревоги.

Две недели спустя ковбой снова был на зимних пастбищах, объехал еще больший круг, но Дымка со своим табуном точно в воду канул. Вернувшись на ранчо, он рассказал об этом Старому Тому, но тот и не думал тревожиться. Когда Клинт высказал предположение, что лошадей угнали, старик замахал на него руками.

- Будь спокоен: по весеннему объезду найдется и Дымка, найдутся и все другие, - сказал он.

Наконец пришла весна, сугробы потекли ручьями, и через две недели, после того как зимовавший под навесами старый скот был выпущен в прерию, всадники выехали на пастбища собирать табун. Клинт поскакал в одиночку в те места, где воспитывал Дымку. Он добрался до лагеря, где начал его обьезжать, а оттуда поехал дальше, каждый день меняя лошадей, не пропуская ни одного табуна в надежде наткнуться на мышастую лошадь. Неделью он пробыл в пути, обьездил все места, где Дымка бывал жеребенком, потом, вконец обескураженный, повернул назад к ранчо, теша себя надеждой, что другие всадники нашли его лошадь.

Когда он подъехал к ранчо, табун был уже в больших коралях в полном сборе, за исключением семнадцати голов, которые пропали без вести. В числе этих семнадцати был и Дымка. Ковбои еще раз обшарили прерию, и тут вдруг Старый Том решил, что Клинт был прав: лошади украдены, в этом не могло быть сомнений. Огромный автомобиль, в котором старик отправился в город, прыгал с бугра на бугор, почти не касаясь земли, он пролетал мимо кроликов, оставляя их позади, точно они были на привязи. На главную улицу он ворвался со скоростью в семьдесят миль.

Чиновник был уведомлен о краже и немедленно известил о том же всех других чиновников штата и всех соседних штатов. Старый Том не отходил от него ни на шаг, пока это не было сделано. Награда в тысячу долларов была обещана за поимку вора и такая же награда за поимку лошадей - всех, и мышастой лошади в особенности.

Весенний обьезд прошел, за ним лето и осенний обьезд. Про Дымку и других лошадей табуна не было слышно ни звука. Клинт в надежде наткнуться на свою единственную лошадь, на Дымку, всегда во время работы шарил глазами по прерии. Ему не хотелось верить, что лошадь украдена. «Просто ускакала куда-нибудь к черту», - утешал он себя.

Не было оврага, лощины, русла ручья, мимо которых он проезжал бы без волнения, никогда еще земли компании «Рокин Р.» не подвергались такому тщательному осмотру. Каждый всадник, до последнего табунщика, во все глаза искал мышастую лошадь, и хотя повозки обоза выезжали ради скота, у всех на уме был в первую очередь Дымка, а скот на втором месте.

К концу осеннего обьезда Клинт начал терять надежду встретиться с Дымкой в этих краях. А раз только пропала надежда, его потянуло вдаль. Быть может, ему попросту прискучило старое ранчо и захотелось перемены, но за этим желанием так глубоко, что он сам не подозревал этого, таилась надежда где-нибудь, когда-нибудь да наткнуться на Дымку.

Ни на минуту не выходила у него из ума эта лошадь. И в «дневке», и на «отборочном поле», на какой бы он лошади ни был и как бы ни была она хороша, он сравнивал ее с Дымкой и горько покачивал головой.

Последняя повозка вкатилась в родное ранчо, и на следующий день табун был отведен на зимние пастбища. В эту осень Клинт не поехал смотреть, как рассыплется лошади по прерии. Он сидел в большом бревенчатом доме и упрятывал свое седло и мешок. Карта железных дорог расстелена была на полу, и ковбой внимательно ее изучал.

Джефф отворил дверь и с одного взгляда понял, чем занят Клинт. Он увидел расстеленную у его ног карту и улыбнулся.

- Так я и знал, - сказал он. - Кто же тебя удержит, коли нет у нас Дымки!..

Зима началась и докатилась до высоких гор южной страны. Тяжелые темные облака застлали небо, холодным дождем промочили пастбища насквозь, до каменного грунта, и прижались ближе к земле. Дождь превратился в мокрый, непрерывно падающий снег, и казалось, продрогла сама страна.

Другие дни тянулись серою полосой, пока наконец облака не стали редеть и светлеть, подыматься вверх и уноситься прочь, однажды вечером солнцу удалось проглянуть сквозь тучи и улыбнуться издрогшей земле. Так и село оно, улыбаясь, за

синие гребни, и, едва оно скрылось, на небо взошел полумесяц и посулил назавтра снова улыбку солнца.

Оно и вправду пришло, яркое и горячее, каким и надлежит быть солнцу в Аризоне. Воздух был светел и тих, как весенние воды в гранитном пруду. Казалось, весь мир дремлет, жадно впитывая в себя жизнь и тепло, излучаемые солнцем. Кугуар нежился, растянувшись на горячей скале, днем раньше он лязгал зубами от стужи в темной пещере. Олени, взъерошенные и мокрые, вышли из своих убежищ, но едва добрались до солнечных склонов, шерсть их просохла и легла волосок к волоску.

У подножия хребтов, на краю равнины, высунула голову из заточенья земляная белка и мигнула, взглянув на солнце. Она долго щурилась на него, словно не веря глазам, а потом вылезла из норки, чтоб удостовериться, правда ли, что весна. Она потянулась и вывалилась в теплой пыли. Другие белки высыпали на лужайку и, запрыгав от куста к кусту, принялись собирать семена для своих кладовых.

Белка увлеклась сосновой шишкой, когда услышала, как кто-то, прорываясь сквозь чащу, несется в эту сторону. Едва успела она юркнуть к норе, как мимо нее, бешено ударяя в землю копытами, пронеслась лошадь с длинной веревкой на шее. Белка нырнула на самое дно норы, потом осторожно выглянула снова и увидела еще одну лошадь, которая стремительно неслась вдогонку за первой. На спине у нее сидел человек. Белка снова исчезла в норе, но просидела там недолго, высунула голову и понемногу выбралась вся из норы.

Она стояла на камне около норки и смотрела, как вдали по равнине несутся две черные точки, пока не потеряла их из вида. Больше смотреть было не на что, и она снова начала собирать семена.

Дымка рад был бы юркнуть в беличью норку. Час за часом ночь напролет гнал его человек, копыта вязли в грязи, и куда бы он ни скакал - по холмам, по равнине, - всюду его настигал человек.

Дважды человек отставал, и Дымка загорался надеждой, но враг настигал его снова, на свежей лошади, и гнал его дальше и дальше. Вокруг его шеи обвилась веревка. Дымка бился, пока не порвал ее, и теперь он волок ее за собой.

Он устал, донельзя устал и с каждым скачком теперь чувствовал, что земля заодно с человеком и старается задержать его бег. Его ноги по бабки тонули в мягкой, размытой дождем почве, и все больше и больше усилий было нужно, чтобы отрывать ноги от земли и выбрасывать их вперед.

Еще раз исчез человек и снова появился на свежем коне.

Солнце было уже высоко в небе, когда, прорываясь сквозь густую кедровую рощу, усталая лошадь заметила, что кедры свалены в частый забор. В другое время Дымка прынул бы вбок и умчался бы от загородки, но сейчас в глазах у него плыл туман и мозг не работал. Он скакал теперь, забыв осторожность, и если бы всадник остановился и бросил погоню, он продолжал бы нестись вперед, пока не свалился бы.

Он скакал вдоль кедрового забора, почти не замечая его. Потом по другую сторону от него появился еще один такой же забор, заборы постепенно сближались, пока не привели к воротам коралла, спрятанного в чаще деревьев.

Очутившись в корале, Дымка остановился и понял, что некуда дальше бежать. Он стоял, широко расставив ноги, трудно дыша, и пот капал с него на землю.

Мексиканец задвинул ворота и обернулся к нему:

- Ну, ты, норовистая тварь, теперь ты в моих руках!

Но глаза у Дымки были полузакрыты, морда почти касалась земли, он с трудом стоял на ногах и не слышал слов человека.

Много прошло месяцев, и многое случилось с того времени, когда Дымку угнали с пастбища компании «Рокин Р.». Долгие ночи пути остались позади, в эти ночи было пройдено много миль и мало съедено корма. Этих длинных, утомительных миль набралось больше тысячи. Холмы и равнины странного вида сменяли друг друга, потом

началась пустыня, и это было большим облегчением.

Глубокие снега понемногу исчезли, заметенная снегом прерия уступила место голым шалфейным равнинам. Табуны лошадей попадались по дороге, однажды - маленькое стадо скота. Волнистая прерия превратилась в холмы, холмы превратились в горы, по ту сторону гор снова были холмы и шалфей, и дальше был все шалфей и шалфей, дальше к югу к шалфею прибавилась юкка, испанский кинжал, кошачий коготь и кактус.

Наконец табун переплыл широкую реку в глубоком каньоне и, казалось, прибыл на место - во всяком случае, путь был окончен. На другой день по прибытии вор загнал лошадей в кораль и каленым железом «исправил» тавро «Р» компании «Рокин Р.» на что-то похожее на колесо повозки, прежнего тавра не узнать было нипочем. Затем он загнал лошадей на высокий бугор, чтобы зажали свежие клейма. Это была высокая плоская хижина, окруженная кольцом скал, и доступ туда был только в одном месте, а это место было затянуто веревкой и на веревку повешено одеяло. Корма были здесь хороши, снега и дождевой воды в небольшом водоеме хватит на много дней.

Дымке теперь жилось бы неплохо, и далекий переход по глубокому снегу, длинные перегоны, усталость и голод могли быть забыты, но во время этого перехода что-то выросло у лошади между ушей и начало жечь огнем. Это была ненависть, жгучая ненависть к врагу, который гнал сотни миль его и табун.

Дымка родился со страхом и ненавистью к человеку. Эта ненависть утихала только тогда, когда рядом был Клинт, но никогда в нем не было тысячной доли той ненависти, которую разбудил в нем новый хозяин.

При виде его Дымка весь наливался яростью, огонь убийства загорался в его глазах, и только крупица страха, оставшаяся в нем, удерживала его от того, чтобы наброситься на темнолицего человека, который скакал позади табуна.

Враг однажды бросил на него петлю и промахнулся. Дымка сразу смекнул, что веревка пролетела мимо потому, что он вовремя опустил голову, и на следующий день, когда тот снова бросил на него петлю, Дымка смотрел во все глаза и снова вовремя нырнул, и снова петля просвистела мимо. Всадник выругался, опять захлестнул веревку петлей и вторично попытался накинуть петлю на шею Дымке, но ругань не помогла ему, и петля упала в футах от головы лошади.

При третьем броске он обманул Дымку. Он взмахнул веревкой, будто бросая петлю, но петля осталась у него в руках. Дымка нырял и нырял, ожидая веревку, но петля не летела, и он перестал нырять. Тогда взвилась веревка и с быстротой молнии обхватила Дымкину шею. Дымка бросился, как схваченный клещами капкана гризли, когда натянулась веревка, и вору пришлось трижды обвить ее вокруг столба коралья, чтоб удержать его на месте.

- погоди ж ты!.. - рявкнул мексиканец.

Ругаясь почему зря, он сломал ветку ивы, свисавшую над коралем, и направился к Дымке, чтобы научить его послушанию. Он набросился на него, стараясь поломать сук о голову рвущейся лошади. Бешенство ударило ему в голову... Он убил бы теперь лошадь и не остановился бы, пока не излил свою ярость.

Он колотил и колотил, пока не затрещала ветка, и решил доломать ее до конца, но и тут судьба была против него. Веревка, удерживавшая Дымку на месте, отвязалась, и лошадь вырвалась из его рук.

Негодяй взбеленился пуще прежнего, когда увидел, как его жертва уходит прочь, и швырнул в нее палкой, рискуя задеть других лошадей табуна. Потом, сообразив, что не время теперь ему обламывать нрав лошадям, он оседлал другого коня.

- Ты у меня еще получишь! - крикнул он Дымке, вскочил в седло и выгнал лошадей из коралья.

Двести миль пути было пройдено, и за это время ненависть Дымки к человеку

превратилась в болезнь. Смерть врага - единственное, чем он мог бы погасить этот жар. Каждый удар, нанесенный этим человеком по его голове, оставил рубец - рубец, который зажил сверху, но опустился глубже, в самое сердце, и там разросся и жег огнем.

И вот однажды, у края голой равнины, в зарослях вереска, мексиканец увидел высокий прочный кораль. Немного в сторону от него стоял бревенчатый домишко, из табуна подымался дым, а в дверях виден был человек - первый человек, которого встретил вор с тех пор, как угнал лошадей. Но он был спокоен: пять сотен миль оставлено было за плечами, на длинной шерсти лошадей были выстрижены временные фальшивые клейма, впредь до таврения каленым железом. К тому же хотелось передохнуть и дать табуну набраться сил.

Ковбой с первого взгляда не слишком был расположен к мексиканцу, но он рад был услышать человеческий голос и ничего не имел против того, чтобы провести день-другой в компании. Он согласился даже помочь ему справиться с мышастой лошастью.

На другое утро Дымка увидел, как оба они вошли в кораль. При виде мексиканца он откинул уши назад, и каждая жилка в нем задрожала от ненависти. Он готов был к битве и, чтобы там ни было дальше, рад был случаю встретиться со своим врагом.

Но ему не пришлось померяться силами с врагом: слишком много веревок сразу обвилось вокруг него, и он был брошен на бок и связан, прежде чем успел пустить в дело копыта и зубы.

Мексиканец, увидев, что лошадь теперь не уйдет от него, принялся вымещать на ней накопившуюся в его груди злобу, и когда Дымка, несмотря на стягивавшие его веревки, изловчился и хватил его за рубаху зубами так, что содрал ее почти вовсе прочь, он совершенно ополоумел.

Ковбой, не понимая, чего хочет от лошади мексиканец, стоял в стороне и смотрел. Лошадь всем своим поведением показывала, что он не ошибся, когда с первого взгляда почувствовал неприязнь к человеку с темным лицом. Сперва ковбой готов был вмешаться, вырвать из рук у него палку и воткнуть ее ему в глотку. Но потом, видя, как лошадь рвется в бой, решил действовать иначе.

- Слышь, ты, - сказал он, - какой прок бить связанную лошадь? Похлестал бы ты ее, сидя в седле.

- А то, думаешь, струшу? - ответил тот, блеснув налитыми кровью глазами.

Ковбой усмехнулся про себя, помогая мексиканцу наложить на Дымку седло. При этом он слишком близко пододвинулся к голове лошади, и мгновенно зубы ее щелкнули в дюйме от его руки.

«Несчастный зверь не даром бесится: этот парень довел его до того, что он всех людей считает врагами», - подумал ковбой.

Подпруги были затянуты, и, пока мексиканец усаживался как можно крепче в седле, ковбой снял веревки у лошади с ног, едва упало на землю последнее кольцо, он вприпрыжку бросился к высоким воротам корала, откуда мог следить за всем с полным своим удовольствием.

Он не успел еще добежать до столба корала и обернулся, потому что за плечами услышал что-то похожее по звуку на обвал. Дымка вскочил на ноги и решил, что теперь пришла его очередь потешиться над врагом.

Мексиканец немало поездил на своем веку на трудных лошадях и был хорошим наездником, но скоро он увидел, что на таком коне, как Дымка, ему не приходилось ездить: все искусство его не могло поспорить с искусством Дымки, и не прошло и двух минут, как он почувствовал, что седло - не слишком спокойное место.

Луки седла вертелись под ним, ударяя со всех сторон, он не знал уже даже, с какой стороны перед. Скоро он потерял стремяна, одно и другое, а потом, когда съехал набок и повис, вцепившись в седло, одно из стремян взметнулось ихватило его между

глаз. Это было последней каплей, - вор свалился на землю, точно бочка свинца.

Ковбой, сидя на воротах коралля, смеялся все время, пока шло представление, и особенно ему понравилось, что ездок зарылся носом в пыль, - никогда еще с таким удовольствием не смотрел он, как лошадь отделяет своего седока.

Мексиканец лежал не шевелясь, и ковбой решил было слезть со столба и вытащить его из коралля, прежде чем лошадь заметит его и сотрет в порошок. Как-никак он не мог допустить, чтобы у него на глазах человек был разорван в куски, даже если человек этот и заслуживал смерти. Но Дымка сейчас не обращал на него внимания, - он занят был тем, что старался сбросить с себя седло и все, что пахло врагом. Несколько резких крутых прыжков - и седло заскользило. Оно подымалось по плечам его выше и выше, добралось до самой высокой точки и поехало вниз. Когда седло соскользнуло на землю, сорвавши уздечку, и Дымка, освободившись, вскинул голову кверху, мексиканца не было уже в загородке: он очнулся и без помощи ковбоя выполз вон из коралля.

Ковбой посоветовал ему, не медля ни минуты, седлать другого коня и убраться подобру-поздорову, он помог собрать лошадей и выставил его за ворота лагеря.

Мексиканец не свел еще своих счетов с Дымкой и решил «скрутить его в бараний рог», когда придет время. Но месяцы шли, давно стояла уже осень, а ему все не удавалось прибрать мышастую лошадь к рукам. Все другие лошади были уже проданы, Дымку же вор держал в коралле, регулярно «учил» его палкой и кормил впроголодь: он решил сломить ему шею либо сломить его норов и научить послушанию, чтобы можно было взять за него любую цену.

Однажды ночью сорвался бешеный мартовский ветер, расшатав ворота коралля и распахнул их настежь.

Дымка не замедлил уйти на свободу, и, когда через несколько дней мексиканец в погоне за лошадью увидел его, Дымка унесся прочь с табуном диких коней.

Все это лето вор старался отрезать Дымку от табуна и загнать его в кораль, но к нему труднее было подступить, чем к любому дичку. Дымка знал, что ждет его, попадись он снова в руки врагу.

Но враг не намерен был уступить - он не мог допустить, чтобы кто-нибудь одержал над ним верх, будь то даже норовистая лошадь. И в это лето, когда Дымка был на свободе, он проследил, какой круг делает Дымка и дикий табун, стараясь уйти от погони.

Вот почему, когда осенью он снова отправился в погоню за Дымкой, он точно знал наперед, в каких местах ему нужно расставить запасных лошадей. В конце пути был устроен кораль-западня. В один из вечеров мексиканец наткнулся на Дымку и понесся за ним и другими конями дикого табуна.

Это была долгая гонка, дички отставали один за другим, но Дымка и самые выносливые из табуна скакали прямо по линии, на которой расставлены были пикеты вора. Мексиканец прыгал из седла в седло, и самые сильные мустанги свернули вбок, но Дымка несся вперед и вперед, пока на подгибающихся, усталых ногах не очутился среди крыльев ловушки, а там и в коралле.

Несколько дней Дымка был точно во сне. Он смутно чувствовал, как его тащили и дергали вправо и влево до самого логова вора, как на другой день его оседлали и дергали снова взад и вперед, как потом враг сел на него верхом и плетью и шпорами заставил бежать его рысью. То ли он не понимал, что враг на нем, то ли не подавал вида, что понимает. Клок сена, брошенный ему, остался незамеченным. Дымка почти не пил - разве что ему случалось забраться в дальний конец коралля, где протекал ручеек.

По всему было видно, что еще несколько дней - и лошадь сдастся, уступит навсегда. Буйству пришел конец, ее сердце сжалось в комок, не слышать даже было его биения. Мексиканец разъезжал на Дымке, радуясь, что «скрутил его в бараний рог».

- Я сделаю из тебя хорошую лошадь, ты, барахло, - говорил он, хлеща своей плеткой по голове Дымки и вонзая ему шпоры в бока.

Дымка, казалось, не чувствовал ни плетки, ни шпор. Он не вздрагивал, не моргал даже глазом, когда плетка и шпоры врезались в его тело, оставляя на нем рубцы. Видно, в нем не оставалось ни надежды, ни жизни, он покорно сносил мученья, пока однажды враг не вставил в него шпоры чересчур глубоко и в слишком чувствительном месте.

Этот порез растревожил съезжившееся сердце Дымки, и слабый блеск промелькнул в его глазах. На другой день Дымка даже чуть-чуть захрапел, когда враг вошел в кораль, и ударил задом, когда он сел в седло. Мексиканец удивился бойкости Дымки и заметил, берясь за плетку:

- За это, голубчик, бьют.

С этого дня к Дымке вернулся норов. Не тот, что был в нем прежде. Тот был выбит из него, а новый зародился из пыток и издевательств. В его сердце не было теперь других желаний, кроме одного - рвать и уничтожать все, что он ненавидел. А ненавидел отныне он все на свете и больше всего своего нового всадника. Но он не склонен был до поры показывать своих чувств. Он набрался ума и знал, как и когда защищаться: он ждал удобного случая.

Видно, все-таки чем-то он выдал, что у него на уме, во всяком случае, вор почуял, что лучше ему держаться подальше от Дымкиных зубов и копыт. Часто, глядя на него сквозь колья коралья, он думал: не лучше ли приставить дуло к его голове, чем возиться с ним без конца? Но надежда окончательно справиться с лошадью и продать ее за хорошую цену удерживала его руку.

- Далекая прогулка пойдет тебе впрок, - сказал он как-то утром, таща свое седло к устроенному в корале стойлу. - А нынче у меня для тебя есть прогулка, от которой и черти вспотеют.

Длинной жердью он загнал Дымку в стойло, где тот не мог шевельнуться. Здесь вор оседлал его, взобрался в седло, отворил двери загона и выехал на равнину.

Десять миль незнакомой местности было оставлено позади. Инстинктивно лавировал Дымка между барсуковых нор и, не глядя на них, перескакивал через промоины: глаза и уши его не отрывались от всадника, ни на минуту не переставал он следить, не удастся ли ему схватить седока зубами и вырвать его из седла. Шпоры мексиканца бороздили ему бока, плетка резала воздух и кожу, и Дымка шел галопом. Татуировка, которой его изукрашивал вор, распалая коня, он был уже у последней черты, - у черты, за которой начинается отчаяние. У крутого спуска к ручью Дымка задержался на миг. Его уши и глаза устремились вперед, чтобы выбрать место, где терраса была бы менее отвесна, и в этот миг вор, всегда норовивший уязвить лошадь, сразу воткнул в нее шпоры и вытянул плетью. Дымку это застигло врасплох, и огонь, который тлел в его сердце, вырвался лавой наружу.

Дымка прынул вниз по склону террасы, и всякий раз, когда он касался земли, голова его была между передними ногами, а задние он выбрасывал в воздух. Каким-то чудом мексиканец усидел на нем первые пять-шесть прыжков, потом описал в воздухе круг и грохнулся на четвереньки к подножию террасы.

Тень, мелькнувшая по земле, заставила его схватиться за ружье в тот же миг, как он встал на колени. Эта тень была тенью лошади, и она была слишком близка. Ружье было без чехла, и он вскинул его к плечу, но опоздал на ничтожную долю мгновения. Шестизарядка зарылась в землю, когда Дымка, как большой кугуар, обрушился на мексиканца...

ХII. ВРАГ ЗА ВРАГОМ

Вокруг маленького городка Громаха на телеграфных столбах были развешены

большие афиши. Такие же афиши можно было увидеть и в окнах городских лавок, объявлялось в них о приближающемся родео - чемпионате ковбоев. Среди списков призов на афишах напечатаны были фотографии неукротимых лошадей и быков. А по самой середине афиши и втрое крупней всех других был снимок коня, сбрасывающего седока таким манером, каким редкому всаднику случалось быть выбитым из седла. Внизу крупными буквами было написано:

КУГУАР ВЫЗЫВАЕТ НА БОЙ ЧЕМПИОНОВ МИРА

Кугуар (горный лев) было имя лошади, которой по брыкливости не нашлось бы равной, померяться с ней силами было искушением для любого хорошего ездока. В состязании мог участвовать всякий, из каких бы далеких краев он ни приехал, а награда, обещанная тому, кто сумеет на ней усидеть, была так велика, что охота побывать на родео возникала у многих.

Многие уже пытали свои силы в других родео, где участвовал Кугуар, и убедились, что это не просто брыкливая лошадь. Все, кто пробовал усесться на него, говорили в один голос, что он зол и хитер и в глазах у него убийство, если бы не «подымальщики», отгонявшие его прочь, не один ковбой был бы растерзан в куски.

Эта лошадь, казалось, ненавидела весь род человеческий и помышляла только о том, как бы стереть его с лица земли. Но самое страшное, что замечали в ней всадники, - это то, что были люди, которых она ненавидела больше других, сильнее всего проявляла она ярость при виде людей, похожих на ее врага.

Необычайная история повсюду сопровождала эту лошадь и передавалась от всадника к всаднику на различных родео и других торжествах. Эта история гласила, что лошадь была найдена в степи, в табуне необъезженных дичков, с пустым седлом на спине. Запекшаяся кровь была у нее на шерсти у морды и на коленях. Лошадь заарканили, связали, и всадники стали искать на ней раны и порезы, но не нашли ни царапинки. О поимке ее даны были публикации в местных газетах штата, причем описание ее было таково: «Мышастой масти, с белой отметиной на морде, в чулках и с тавром, похожим на колесо повозки». Публикация печаталась изо дня в день в течение двух недель, и никто не заявил притязаний на лошадь. Несколько дней ее продержали на пастбище, а потом один из всадников загнал ее в кораль.

Ковбою приглянулась лошадь с первого дня, едва он ее только увидел. Сперва он решил, что это обыкновенная лошадь, кем-то немного испорченная. Но скоро он убедился, что лошадь придется повалить наземь, иначе не положить на нее седла. В глазах у нее горел огонек, который не нравился ковбою, потому что на своем веку он навидался лошадей всякого сорта и прекрасно знал, что означает этот огонь. Он держался на расстоянии и работал веревками с места, пока лошадь не опустилась на колени, а потом врастяжку и на бок. Седло было туго затянуто, и, проверив, хорошо ли сидит уздечка, он сел верхом на лежащую лошадь, изловчился и сдернул веревки с ног.

То, что случилось в следующие несколько минут, не может быть передано словами, и сам ковбой понимал, что рассказывать об этом все равно что пытаться нарисовать Большой каньон Аризоны черною краской на черном холсте.

Так или иначе, ковбою удалось добраться до ограды коралья и перемахнуть через нее, прежде чем лошадь как следует разошлась, и здесь, в безопасности, он осмотрелся и понял, в чем дело.

Он вспомнил пустое седло, которое было найдено на спине у лошади две недели тому назад, потом засохшую кровь, которой были измазаны ее морда и ноги.

- Горный лев в тысячу двести фунтов весом - вот что такое эта лошадь, - сказал ковбой, осматривая «людоеда» сквозь кольца коралья.

Вот откуда взялось имя «Кугуар», и никогда кличка не подходила лошади больше, чем это имя мышастому жеребцу.

Потом прошел слух о празднествах, устраиваемых четвертого июля, в День независимости, в одном из больших южных городов, там ожидалась езда на дичках и все, что полагается в таких случаях.

Приз в сто долларов был обещан тому, кто доставит самую брыкливую лошадь, и вот как случилось, что в день торжества Кугуар впервые был выведен на арену.

«Подымальщикам» и «гоняльщикам» было отдано распоряжение быть под рукой и смотреть, чтобы не вышло худа. И все оценили справедливость этого предостережения задолго до того, как кончился день.

Кугуар был «испробован», и сотня долларов была вручена ковбою, приведшему лошадь. Он выиграл приз. Ни для кого не могло быть сомнений в том, что злей и трудней этой лошади нет, и не только там, но и всюду, где ездят на крутых лошадях.

Лишних пятьдесят долларов было предложено ковбою за право оставить лошадь для родео. Ковбой отказался, и, когда пришел последний день испытаний, вторые полсотни добавлены были к первым и приняты. Купчая была выправлена, и с этого дня Кугуар пошел ходить от конюшни к фургону и от арены к арене.

Его слава катилась из штата в штат - слава бойца, «людоеда», неукротимого дикаря, и по прериям, и по городам собирались толпы народа, чтобы посмотреть, как будут с ним управляться наездники, потому что одно это стоило во сто раз больше, чем входной билет на площадки родео.

Скоро по всему Юго-Западу из штата в штат народ только и говорил что о Кугуаре не иначе, как если б он был кинозвездой, актером или принцем Уэльским. Туристы из Европы и из всех частей Соединенных Штатов приезжали и уезжали и увозили с собой рассказы о неукротимости этой лошади. Устроители родео насторожились и принялись отбивать Кугуара друг у друга. Иметь Кугуара - значило иметь полные сборы, и пришло время, когда конкурент, поставивший норовистых лошадей для родео, предложил за него чистоганом пятьсот долларов и ушел несолоно хлебавши. Вряд ли его уступили бы и за тысячу.

Каждое лето мышастую лошадь погружали в поезд вместе с другими неукротимыми лошадьми и выгружали на какой-нибудь из арен родео, каждые несколько недель три или четыре дня кряду на ней «ездили». Во время родео по два или по три раза на день взбирался на нее незнакомый ездок, распахивались двери «клетки», а из них вылетал визжащий, рвущийся ком стальных колец, обрушивался на арену, как бочка лавы, и земля взлетала из-под копыт до самой трибуны.

Судьи, «подымальщики» и все, кто стоял вокруг, превращались в глаза, чтоб увидеть каждое движение Кугуара. В это время никто не дышал, но не дышать приходилось недолго, потому что уж очень скоро вылетал из седла ражий ковбой, который в эти несколько мгновений успевал получить немало злых толчков и сразу приходил к убеждению, что даже такому прекрасному ездоку, как он, не стыдно вылететь вверх тормашками вон из седла - такова была эта лошадь.

Редко всаднику приходилось возвращаться издалека, и чаще всего только несколько шагов было между встающим с земли седоком и стойлом, из которого он только что вылетал вихрем.

Как норовистая, неукротимая лошадь, Кугуар не знал соперников: ни в этом, ни в соседних штатах не было лошади, которая могла бы поспорить с ним в умении прыгать и бить задними ногами, и, часто знатоки удивлялись, потому что всякий, кто понимал в лошадях, мог видеть, что у Кугуара нет прирожденной злобы, как у большинства брыкливых лошадей родео, у этой лошади было немало ума, это видно было по тому, как она сбрасывала с себя человека. Обычная брыкливая лошадь сплошь и рядом, брыкаясь, усаживает обратно в седло потерявшего равновесие всадника. Кугуар же, почувствовав, что человек подался на дюйм, никогда не возвращал ему этого дюйма. С этой минуты седло начинало уходить из-под седока.

Недюжинный ум был виден и в том, как ненавидел Кугуар человека.

- По тому, как он злится, - говорил ходивший за ним ковбой, - видно, что кто-то обошелся с ним, как болван. Но есть у него что-то на уме и помимо злости, он будто о чем-то скучает. Порой найдет на него стих - и меня подпускает, и радуется мне, будто принимает меня за кого-то другого. А пройдет этот стих - и не суйся к нему, так и брызжет пеной.

Первые два года Кугуар был самой свирепой из всех лошадей, какие только бывали на родео. Это было жестокое время не только для лошади, но и для всех, кто ходил за ней и пытался сесть на нее верхом. В сердце лошади было столько яда, что казалось, одной ненавистью она и жила, это была ее пища, и брусья, и колья, которые отделяли ее от людей, показывали, как она жаждет убийства: глубокие следы зубов и копыт говорили об этом достаточно ясно.

Не эта лошадь стояла перед ковбоем лет восемь тому назад. Тогда она не искала битвы и только хотела избавиться от человека, только старалась порвать веревку. И хотя недоверие и ненависть к человеку были у нее в крови, у нее не рождалось желания уничтожить, искалечить ковбоя.

Она немало бесилась в коралях «Рокин Р.», и Клинту не приходилось слишком зевать в седле. Но это была детская забава по сравнению с тем, как бесновался Кугуар. Между Дымкой и Кугуаром была такая же разница, как между человеком, играющим сам с собой в мирную игру, и игроком, который со злейшим врагом ставит всю свою жизнь на карту.

Кугуар убил бы себя самого, чтобы дорваться до человека, он не заботился о собственной шкуре и жил для одной только ненависти. Но как ни сильна была эта ненависть, он не старался причинить вреда никому, кроме тех, кто ходил за ним или пытался на нем ездить.

Возможно, это объяснялось тем, что кругом всегда было слишком много народа: трибуны были полны народа, народ толпился вокруг проходов и коралей родео. Может быть, эти толпы смущали его, и потому он смирно стоял, пока кто-нибудь не подходил к нему ближе.

Маленький веснушчатый человечек, который разделался только что с «большим финалом», подошел однажды к стойлу коралю, чтобы сесть на Кугуара. Он приехал из другого штата и в течение первых трех дней родео показал себя мастером в деле объездки дичков и в работе с быками.

- Ей-ей, - сказал он, когда Кугуара загнали в стойло для седловки, - я недаром отмахал столько миль, чтобы сесть на эту лошадку!

Он пощупал свои кривые шпоры, чтобы проверить, прочно ли они сидят на ногах.

- Я вам покажу, - продолжал он, улыбаясь, - как играют джигу шпорами на лошадиных ушах.

Маленький вакеро (ковбой) был в ударе: он не был в городе год или больше, и случай поездить на злых лошадях при толпах народа был для него праздником, единственными свидетелями его искусства были кактусы и испанский кинжал, а скачка на крутых дичках по пересеченным равнинам и высоким холмам куда меньше давала возможности всаднику показать себя, чем ровная арена, где играет оркестр и галдит народ.

- Эта лошадка в моем вкусе, - сказал он, осмотрев Кугуара.

То, как вела себя лошадь во время седловки, нимало не смутило его, улыбка на его лице расплывалась все шире по мере того, как приближалось время карабкаться на загородку. Как истый наездник прерий, он рад был всему, что могло показать его искусство и ловкость, и, явись Кугуар прямой дорогой из ада, вырасти у него рога, и вилкою хвост, и двойные копыта - он оскалил бы зубы еще шире и годовым своим заработком побился бы об заклад, что заставит его поджать хвост и пуститься наутек туда, откуда пришел.

- Всадник в седле! - крикнул «гоняльщик», но судьи уже впились глазами в арену, потому что Кугуар был на выходе.

Ковбой испустил воинственный клич и улыбнулся, когда распахнулись ворота стойла и Кугуар был «раскупорен». Ту же улыбку довез он до судей и, подъехав к ним, лихо черкнул своими кривыми шпорами от самых ушей повисшего в воздухе коня до задней луки седла.

- Э-эп! - гаркнул он, когда воющий Кугуар прынул вверх от земли.

Облако пыли скрыло от глаз судей то, что случилось дальше, но если б и не было пыли, они б не успели уследить за этим, потому что случилось это слишком быстро. Мгновением позже пружиной согнувшаяся лошадь мышастого цвета неслась по арене к забору и к стойлам. Ковбой по-прежнему воинственно гикал, но он подался вбок и болтался в седле, точно кнут на кнутовище. Кугуар добивал ездока.

«Подымальщики» выехали на арену, чтоб овладеть головой коня, прежде чем он успеет сбросить с себя человека, но было уже поздно, и в ту же секунду зрители на трибуне побледнели и ахнули все, как один, потому что резкий толчок выбил ковбоя из седла и, прежде чем всадник успел упасть, Кугуар вскочил на дыбы, обернулся и, прижав уши, сверкая зубами и полыхая копытами, рванулся к повисшему на поводьях врагу.

Мгновенье человек болтался в воздухе, потом упал, и лошадь-кугуар кугуаром ринулась, чтобы прикончить жертву.

Провидение или что-нибудь в этом роде вмешалось тут в дело, потому что, когда всадник упал и коснулся земли, он был по другую сторону забора и не был окончательно превращен в порошок.

Но даже тут Кугуар не отстал. Слышно было, как под ударами копыт в щепу разлетается тес, когда две веревки упали расвирепевшему зверю на шею.

Несколько всадников подскакали к ковбою и увидели, что он сидит и трясет головой, будто старается восстать из мертвых. Он поднял глаза на обступивших его людей, и недоуменная улыбка расплылась по его лицу. Потом он взглянул на свое платье и заметил, что на нем почти не осталось рубахи. Лицо его сморщилось, когда он повернулся, - колотье прошло по ребрам и по спине, он посмотрел на свои самодельные, сыромятной кожи, помятые и изорванные жестокими копытами штаны. При виде этих следов он снова улыбнулся и вымолвил через силу:

- Счастье мое, что на мне были эти штаны, иначе я был бы сейчас в костюме Адама.

С этого дня ковбой с веснушчатым лицом бывал или старался бывать на всяком rodeo, которое осчастливливал своим участием Кугуар. Он наскочил на лошадь, на которой не сумел усидеть, и не мог взять в толк, как могло такое случиться. Никогда еще он не видал лошади, которая была бы для него слишком трудна. А для Кугуара недостаточно было одного лишь уменья и нервов, здесь нужно было что-то другое, и он понять не мог что.

Каждую зиму, весну и осень он проводил в прерии, делая свое дело, а когда приходило лето, он пускался вдогонку за Кугуаром, полный новых надежд на то, что он сможет вернуться на ранчо и заявить своему хозяину, что он «обработал Кугуара на ять ровным счетом в одну минуту».

Два лета он бродил за Кугуаром с rodeo на rodeo, состязаясь с другими искусными ездоками, и трижды за это время ему удалось добраться до Кугуара и попытать счастья. Но всякий раз эти попытки кончались тем, что он падал наземь и пускался бежать.

- Эта лошадь знает, что делает, - как-то сказал он одному из всадников, - и потому-то я никак от нее не отстану.

Прошло еще три долгих лета работы на rodeo, а Кугуар по-прежнему вызывал на бой лучших ездоков мира. Снова пришла весна и новые rodeo, и в афишах опять

стояло: «Будет участвовать Кугуар».

Дальше в афишах рассказывалось о том, как за пять лет ни один ездок не сумел усидеть на лошади до выстрела из ружья, и ковбои, читая афишу, замечали: «Совершенно верно, чистая правда».

Дымка продолжал швырять людей направо и налево всю эту весну и все лето. Он держал свой рекорд и дальше, до поздней осени, а потом, к началу родео, ковбой, приехавший на зиму из Вайоминга на юг, услышал о его подвигах. Двумя днями позже этот объездчик явился в главный штаб родео и, заметив, что слышал чудеса о Кугуаре, записался в число охотников.

«Пробы» и «полуфиналы» показались ему детской игрой. К Кугуару допускались лишь те, кто справлялся с «большим финалом», и так как ковбой пришел на родео только для того, чтобы померяться силами с Кугуаром, все прочие лошади были для него только ступенькой.

Он легко добился права сесть на лошадь, а вместе с тем и права на получение тысячи долларов в случае, если усидит в седле. На следующий день после полудня он был у стойла для седловки. Подходило ему время по-настоящему испробовать свое умение, и в ожидании этого он осматривал, крепки ли ремни и подпруги, удержат ли они седло на спине Кугуара во время решительной схватки.

Судья выкрикнул его имя, и тотчас же мышастая лошадь была загнана в «клетку», она глянула на него сквозь брусья загона и захрапела, ездок присвистнул при виде пышущей злобой морды и, слегка усмехаясь, заметил:

- Сдается мне, эта лошадь нисколько не похожа на тех, на каких я когда-либо ездил. Ну да ладно, пожелаю себе удачи.

- Удача тут нужна большая, - ответил ему один из ковбоев.

Седло было положено, подпруга затянута, потом всадник перелез через брусья «клетки» и сел на спину, с которой скатывались лучшие наездники страны. Он подобрал немного поводья, ноги подал чуть-чуть вперед и откинулся назад, чтобы встретить первый толчок. Затем снял с себя шляпу и, вытянув ее в руке для баланса, крикнул:

- Пошел!

Правильней было бы, если бы он крикнул: «Полетел!» Во всяком случае, судьи увидели человека и лошадь только тогда, когда они были уже на арене. На всех лицах было написано удивление, когда, после того как улеглось первое облако пыли, оказалось, что всадник все еще в седле и, главное, не собирается падать.

Судьи сидели на своих лошадях и, остолбенев, смотрели на представление. Редко приходится видеть такого всадника на таком коне, и все они были так захвачены происходившим, что не заметили, как всадник отработал положенное время, и забыли выстрелить из ружья в знак окончания скачки, потом кто-то крикнул и вывел их из оцепенения. Выстрел был дан, и не успел еще стихнуть его звук, как всадник скатился с лошади, - с него за глаза довольно было полученной порции. При первом прыжке он почувствовал, будто позвоночник проткнул ему глотку, и это чувство повторялось при каждом быстром толчке, пока он едва не потерял сознание. Но он был хороший ездок и продолжал держаться, старался прогнать дурноту и в то же время боролся с лошадью, ему казалось, что прошло не меньше часа, когда он услышал слабое эхо выстрела и смутно понял, что взял первый приз. Он первым справился с этой лошадью, и этого с него было довольно. Его не печалило в эту минуту, что до финиша он не дошел.

Один из всадников, который знал Кугуара как нельзя лучше, смотрел, как лошадь «пошла на выход» с таким же трепетом, как и всегда. Он десятки раз уже видел, как «выходил» Кугуар, и когда это последнее представление пришло к концу, он наклонился к стоявшему рядом с ним парню и сказал:

- А знаешь, мне кажется, что Кугуар начинает сдавать. Что-то не тот он последние разы, и в особенности сегодня. Взберись на него этот ковбой прошлым

летом - голову даю на отрез, - он не выдержал бы так долго.

- Да, мне тоже сдается, что нет в нем той прыти, - согласился с ним всадник. - Но этого нужно было ожидать, потому что Кугуар таскается по аренам вот уже шесть лет, я и то не пойму, как он не разбил еще себе ног за столько лет.

Эти замечания были справедливы: они нисколько не касались ковбоя, которому только что удалось досидеть до конца, у говоривших и в мыслях не было, что они смогли бы сделать то же. Больше того: и другие ковбои обратили внимание на перемену. Кугуар начал сдавать, и, глядя на него, с трудом можно было себе представить, что за лошадь Кугуар был прежде.

С каждым разом заметней становилось, что Кугуар сдает. Маленький вакеро из соседнего штата в эту осень вернулся домой довольным: он был вторым человеком, который «ездил» на Кугуаре, а к закрытию последнего в этом году родео еще двое усидели на знаменитом коне. И мало того, что усидели, - дошли до финиша. Народ на трибунах был изумлен и пришел к заключению, что лошадь не так уж трудна. Награда в тысячу долларов, обещанная всякому, кто справится с Кугуаром, упала до пятисот, потом до трехсот, и репутация неукротимого зверя начала быстро сходиться на нет.

Даже ненависть его к человеку, казалось, стала слабеть. Однажды он сбросил всадника, и тот упал к самым его ногам, толпа затаила дыхание, ожидая, что ковбой будет разнесен в куски. Кугуар растерзал бы его в мгновение ока, случись это год назад. А теперь он как будто и не приметил человека. Он проскакал над ним, осторожно опуская копыта, чтобы не задеть ковбоя. По трибуне прошел ропот, ворчали, что Кугуар ничуть не норовистая лошадь, а ручной жеребец, которого научили брыкаться. А насчет репутации «людоеда» похоже было на то, что это липовый козырь, пущенный в оборот для приманки.

Что бы там ни говорили на трибунах, у Дымки были свои причины, чтобы мало-помалу перестать быть Кугуаром. Не то чтобы расшатались и ослабели его ноги - нет, просто давал себя знать самый ход вещей, когда год за годом он встречался с незнакомыми всадниками, и хотя никто из них не искал близкой дружбы с ним, никто из них не давал и пищи для ненависти.

Ни разу с того дня, как Дымка впервые тряхнул головой перед высокой трибуной, ни палка, ни прут не коснулись его. Первые несколько лет сердце, вложенное в него мексиканцем, управляло его действиями. Яд ненависти мешал ему замечать доброе обращение, и только на пятый год его острые уши стали ловить знаки восторга и восхищения, которыми он был окружен. Имя Кугуара еще жило, но лошадь, носившая это имя, быстро утрачивала на него права.

Пришла следующая весна, здесь и там стали открываться родео, и хорошие ездоки, как и прежде, пустились за Кугуаром в надежде, что рано или поздно они смогут стащить седло со спины коня и сказать: «Я на нем ездил».

Но не пришла еще и середина лета, а у многих ковбоев надежда эта развеялась дымом, потому что Кугуар больше не был Кугуаром. Эти быстрые, кривые и жесткие прыжки, которые вытрясали разум и чувство баланса из лучших наездников, исчезли, и Дымка стал заурядной брыкливой лошадью - только и всего. Всадник за всадником взбирались к нему на спину, и скакали на нем, и правили им по своей воле.

Кугуар продолжал брыкаться всякий раз, как его седлали, но чаще и чаще его доводили до финиша, пока наконец ни один ездок уже больше не вылетал из седла.

Скоро безопасно стало ухаживать за мышастым конем, не нужно уже было высоких коралей для защиты от его копыт и зубов, и, подобно другим коням, его можно было теперь вести из вагона-конюшни к площадкам родео без веревок, держащих его позади на приличном расстоянии от конюха.

Потом однажды кто-то привел на родео большую серую лошадь с широкой костью и заявил, что «вот он - настоящий неукротимый». И действительно, лошадь была дика. От горбатого носа до глубоких, с поволокою глаз, от впалых щек до

массивной шеи - все говорило, что эта лошадь с природным норовом, но что делало ее неоценимой для родео - это ее умение брыкаться. Тотчас ей дано было имя «Серый Кугуар» - как бы для того, чтобы заменить настоящего Кугуара. Но серый дикий не выдерживал сравнения с Кугуаром времен расцвета.

Начать с того, что серая лошадь была злонравна по природе, у нее не было ни ярости, ни ума Кугуара. В ней только и был что неукротимый норов, и не ей было спорить с мышастым «людоедом», хоть и была она дикарь дикарем. С самого начала удалось ей сбросить несколько седоков, и тогда-то слава старого Кугуара начала меркнуть. Появление серого дикаря было как бы поворотным пунктом в карьере Дымки, а потом - и очень скоро - пришел последний его день на родео.

Как обычно, объявлено было, что выступит Кугуар, и те, кто знал понаслышке, но никогда не видел этой лошади в деле, загорелись волнением, когда знаменитый конь показался в загоне для седловки. Многие на трибунах видали когда-то, как треплет он седоков, и у многих остановилось дыхание, когда отворились ворота загона: от этой лошади ждали всего и надеялись, что она превзойдет ожидания. Ворота открылись, из них вырвалась мышастая лошадь с ковбоем в седле, и неукротимый Кугуар пошел по арене ровным галопом.

Везде и всегда с небольшим уважением относятся к «бывшим». Если бы Кугуар боролся и бушевал, как когда-то, ему кричали бы «браво» и толпа была бы в восторге, но лошадь отбушевала. Не осталось в ней прежней злобы, потому что сердце Дымки выросло и заглушило сердце, принадлежащее Кугуару. Он стал теперь «бывшим», и ничего ему не хотелось, кроме как снова стать ковбойской лошадью - Дымкой. Зрители были разочарованы: им казалось, они даром заплатили деньги. Слышны были крики: «Уберите его, ему впору молоко возить!», «Продайте его под дамское седло!»

Ковбой доскакал на Кугуаре до другого конца поля, там он остановил его, слез и, слыша, как воет народ на трибуне, похлопал лошадь по шее:

- Не тужи, старина, ты свое дело сделал, будь на то моя воля, я спустил бы тебя на этот табун, что там воет и верещит, и ты показал бы им, где раки зимуют. Но где твоя злость?!

В этот день закрывалось родео. Вечером были розданы награды, а наутро лошадей погрузили в вагоны-конюшни для отправки в город, где должно было состояться родео. В этих теплушках было местечко, где всегда во время пути стоял Кугуар. Но на этот раз это место было занято серой лошадью, которая захрапела, когда тронулся поезд. Кугуар был оставлен в загоне и, стоя в одиночестве, смотрел, как поезд исчезает из глаз.

ХІІІ. ПРОКАТНАЯ ЛОШАДЬ

Так как Кугуар непригоден был больше для родео, его продали за двадцать пять долларов на извозчий двор.

Содержатель двора решил, что на двадцать пять долларов он выжмет из него пользы - лошадь была гладка и сильна на вид, ее можно было пустить под упряжку вместе с другими лошадьми, которых он держал для сдачи напрокат.

Но однажды, прежде чем упряжь обесчестила шкуру Кугуара, в город заехала кучка туристов, и кому-то взбрело на ум поразвлечься верховой ездой. Содержатель двора прикинул, сколько он может им дать голов, и увидел, что у него не хватает трех верховых лошадей. Порыскав немного, он наскреб еще двух, но третьей достать было негде, и тогда-то его взгляд упал на Дымку.

Сперва он было и не подумал о нем, но деньгами швыряться ему не приходилось. Он поймал Дымку, оседлал его и с замирающим духом взгромоздился в седло. Если в лошади оставалось еще сколько-нибудь дури, он должен был выяснить это раз навсегда.

Но Кугуар прокатил его по коралю, не выгнув даже горба. Ноги у седока перестали трястись, и белое его лицо понемногу приобрело свой обычный оттенок.

- Клянусь честью, - воскликнул он, обращаясь к двери конюшни, - это заправская верховая лошадка!

Когда немного погода показались туристы в ослепительных костюмах для верховой езды, хозяин двора уже ожидал их. Он окинул их взглядом, чтобы решить, кому лучше подходит какая лошадь, и, все еще сомневаясь насчет того, как будет вести себя Кугуар, выбрал из них самого сильного и самого ловкого на вид молодого человека. Вручая ему поводья Кугуара, он осторожно спросил:

- Надеюсь, вы ездите хорошо?

Молодой человек обернулся к нему, удивленный подобным вопросом, и едко ответил:

- Разумеется, хорошо.

«Хотелось бы мне, чтобы он был в этом так же уверен на обратном пути», - подумал старик, глядя вслед усакававшей компании.

Был уже вечер, когда туристы, болтаясь в седлах, вернулись на двор. У хозяина отлегло от сердца, когда он увидел, что парень по-прежнему сидит на Кугуаре. Он было пожалел уже, что отпустил его на этой лошади, но теперь об этом нечего было тужить - все сошло как нельзя лучше, молодежь была очень довольна прогулкой и даже заказала лошадей на следующий день.

- А лошадь недурна, - сказал молодой человек, передавая хозяину поводья Кугуара, и в голосе его прозвучало: «Вот видите, как я езжу».

Старик видал немало таких молодцов и знал, чего стоит их умение, но ему приятно было услышать, как хорошо вел себя Кугуар.

- А как эту лошадь зовут? - спросил молодой человек.

С минуту старик помедлил с ответом: если бы он сказал настоящее имя лошади, молодчик раздулся бы и лопнул от гордости, а потом он мог побояться взять лошадь вторично. Подумав об этом, хозяин двора дал лошади новое имя.

- Эту лошадь зовут Сумрак, - ответил он.

Сумрак - это имя звучало неплохо и к цвету лошади подходило вполне, но не суждено ему было греметь, как гремело имя Дымки в лагерях и коралях Севера, не суждено ему было катиться из штата в штат, трепетом наполняя сердца, подобно имени Кугуара.

Но лошадь уже была не та. Из редкой ковбойской лошади она стала чемпионом неукротимости для того лишь, чтобы скатиться к прокатному двору, где всякий Том, Дик или Гарри мог болтаться на ней сколько ему вздумается. Сумрак - столько-то центов в час.

Быть может, сердце Дымки начало стареть. Во всяком случае, познакомившись немного с прокатным двором, он принял свою долю без храпа и фырканья. Ему все было безразлично, и скоро главным интересом в его жизни стала охапка сена и немного зерна, которые он получал, окончив дневную работу. Как-то конюх пришел к нему в стойло и почистил его скребницей, для него это было ново: никогда еще скребница не прикасалась к его шкуре. Ему это было приятно, а через несколько времени он стал ожидать чистки уже наперед, хорошо - вывалиться в пыли, а это было немногим хуже. Чистка, корм и покой - вот все, что нужно было теперь Дымке.

Он должен был трудиться, чтобы заработать и корм, и уход. Работать он был не прочь, но эта бесцельная гонка, которая доставалась ему почти каждый день, была ему не слишком по вкусу. Он был объезжен для того, чтобы делать полезное дело - дело, в котором была нужда. Работа на родео тоже имела смысл, а эти «кавалеристы», как их называли, и сами не знали, чего они хотят. Они разъезжали взад и вперед, держа поводья в обеих руках, будто пахали землю. По твердой мостовой они гоняли его вскачь, а по мягкой земле, где копыту было легко, пускали его шагом. Не удивительно,

что к концу дня он не знал, как добраться до стойла.

Никогда еще лошадь не ценила ночного отдыха так, как теперь. Она прищуривала глаза от удовольствия и медленно пережевывала зерно и сено, будто боялась, что вот оно кончится и снова начнется гонка. Потом ненадолго ее глаза закрывались совсем.

Почти каждое утро, чуть свет, приходил седой дородный мужчина. Маленькое, блином, седло с болтающимися железными стремянами ложилось на спину лошади. Пыхтя и отдуваясь, ездок кое-как взбирался на Дымку и выезжал на прогулку.

Человек был грузен и плохо седлал его, но, несмотря на это, познакомившись с ним немного, Сумрак почувствовал к нему что-то вроде привязанности. Он, казалось, знал, куда ему ехать, а когда приезжал на место, хотя б это было открытое поле, всегда сходил наземь и разговаривал с ним, и Сумрак слушал - ему приятен был звук его голоса.

Утром поездки всегда совершались за город, куда-нибудь вверх по каньону, и Сумраку привольней дышалось в этих местах, человек не гонял его зря, а если и пускал рысью или галопом, то делал это с толком, так что это приятно было и человеку и лошади. Редко случалось возвращаться Сумраку с утренней прогулки в поту.

Но тут только и начиналась для него дневная работа, едва останавливался он у конюшни, на нем меняли седло, и другой седок, которому не терпелось «прокатиться», взбирался на него и трогал поводьями. К полудню Сумрак привозил его назад и едва успевал прожевать овес, как новый «кавалерист» появлялся в дверях конюшни и просил дать ему именно Сумрака.

- Знаете, я обожаю кататься на этой лошадке!

Все предпочитали Сумрака другим лошадям, и хозяин давал его когда только мог, подбавляя ему корма, чтобы он не свалился. Случалось, лошадь была под седлом до поздней ночи, она возвращалась шатаясь и обливаясь потом. Но все равно на другой день ее ожидала работа.

Люди всякого роста, возраста, телосложения, умелые и неумелые равно приходили и ездили на Сумраке. Изредка всадник обращался с ним правильно, будто понимая, что у лошади есть чувства и разумение, но по большей части никто не считался с ее чувствами, никому и в голову не приходило, что, может быть, лошадь прошла слишком много или сильно устала. Хуже всего доставалось Сумраку от мальчиков - они быстро гнали лошадь к старости и к концу.

Все они, едва успевали сесть в седло, пускали Сумрака вскачь и держали его на галопе от первой минуты до последней. Они гоняли его вверх и вниз по улицам и переулкам, давали поездить на нем другим мальчикам, и всякий из них выходил из себя, чтобы показать, как быстро он может заставить скакать уставшую лошадь.

Иногда, чтобы заставить Сумрака идти быстрее, всадники пускали в ход шпоры и хлыст, тогда умершее сердце Кугуара начинало подавать признаки жизни, но Дымка не мог повернуть вспять по пройденному пути - слишком он был утомлен. И когда пыталось проснуться в нем сердце Кугуара, огонь вспыхивал и потухал, и новый удар хлыста приводил его к послушанию, и он опять начинал выбиваться из сил, как и подобало Сумраку - лошади напрокат.

Мальчики, девочки и взрослые продолжали скакать на старом коне, не подозревая, что медленно и верно гонят его к преждевременной смерти. Они похожи были на стаю волков. Никто из них и на сотню ярдов не подступился бы к нему, когда он был силен, никому бы и в мысль не пришло сесть на него, когда он был Кугуаром, жаждущим битвы и убийства. Теперь же все они рвали его на части. Вся разница в том, что стая волков убивает свою жертву быстро, не дает ее жизни тянуться днями, неделями, месяцами, не замучивает ее до медленной, постепенной смерти. И потом, волк убивает, чтоб есть и чтоб жить. Но люди не знали, что убивают Сумрака. Он всегда бежал охотно, не требуя шпор, и часто, а то и всегда, его готовность сделать все,

что было в его силах, вводила седоков в заблуждение: они были уверены, что он чувствует себя превосходно и радуется быстрому бегу.

Они не знали различия между уставшей, обессиленной лошастью и лошастью свежей, годной к езде.

А были и такие, которые и вовсе не думали о Сумраке. Лошадь для них была лошастью - и только, они ничего не смыслили в лошадях. Им казалось, что лошадь - это что-то вроде автомобиля и в любую минуту может идти с любой быстротой, для этого ей только нужно давать удары хлыстом.

Пришла зима, и серые холодные ветры потянули из-за гор. Людям не стало охоты бродить под открытым небом, им куда приятней было иметь над головой крышу и слушать, как ворчит меж четырех стен огонь.

Туристы все поразъехались. Город вымер. Кто проклинал непогоду, кто занят был возкой дров и угля, и ни у кого не было доброго слова для старой зимы, ни у кого, кроме старой прокатной клячи.

Старая лошадь не могла сказать ничего, но она чувствовала то, чего не могла сказать. Она чувствовала, что приход зимы и исчезновение туристов спасли тот огрызок жизни, что в ней оставался. На спине у нее были подпарины от седла, отощала она так, что похожа была на мешок с костями, шкура выцвела от вечного пота, местами шерсть вылезла вовсе. Утомленные ноги подгибались под ней и едва выдерживали тяжесть ее тела, еще несколько недель - и старая лошадь была бы готова: давно уже она работала за счет нервов, и эти нервы быстро выматывались из нее.

Но зима пришла вовремя и спасла ее. Две недели холодные ветры выли, свистели сквозь щели конюшни и сотрясали ее стены, и в эти две недели старая лошадь оправилась настолько, что могла прислушиваться к вою ветра и радоваться тому, что ни один ездок не приходит тревожить ее покой.

Этот ветер был сладкой музыкой для ее ушей, она наслаждалась дремотой и просыпалась только для того, чтобы увидеть свежий навильник сена в яслях. Она медленно ела, прислушиваясь к ветру, и под звук его снова погружалась в сон. Может быть, ей виделась далекая прерия и рядом с ней появлялся Пекос и другие лошади «Рокин Р.», а с крутого склона смотрел на нее Клинт – единственный друг, которого знала она в жизни.

Зимние месяцы шли, и Сумрак снова становился похож на лошадь, потом настала весна, и людей потянуло на волю. Однажды снова пришел в конюшню тот седой человек, который ездил на Сумраке по утрам, он принят был как старый клиент. А двумя днями позже пришла молодая девушка, которая «ужасно любила лошадей», и спросила, не может ли она кататься на Сумраке каждый день после обеда, но только в хорошую погоду. Хозяин двора попробовал дать ей лошадь и, заметив, что она заботливо с ней обращается, решил, что она будет вторым постоянным клиентом у Сумрака. Он решил, что этих двух ездоков в день достаточно будет для старой лошади, и не давал больше Сумрака никому. Но у Сумрака быстро деревенели плечи и передние ноги, прежнего просторного хода не было и в помине, и когда передние ноги его касались земли, казалось, он опускает их на иголки – так старался он уберечь от толчка свои наболевшие плечи.

Порой ему хотелось, как бывало, грудью разрезать ветер, но это желание было в сердце, а ноги ему не подчинялись. Старые ноги слишком жестко, слишком часто ударяли в землю, вышибая из седел ездоков на родео. И первый год работы в конюшне, скачки по твердым, мощеным улицам города не прошли без следа: сухожилия и связки были растянуты, копыта – в трещинах.

Но ни седой человек, ни девушка, которые ездили на нем каждый день, не замечали скованности в его движениях. Сумрак по-прежнему шел, и, казалось им, шел охотно – по их мнению, не хуже любого четырехлетка. Оба заботились о нем как могли, и никому из них в голову не приходило, что ездили они на старой лошади, давно

заработавшей себе право на покой и на отдых.

Каждый день после обеда приходила девушка с карманами, набитыми сахаром, и, отказываясь от посторонней помощи, седлала Сумрака и направляла его туда, где открывался широкий, вольный простор. Она трепала его по загривку, расчесывала пальцами его гриву и разговаривала с ним, пока он не спеша выбирал дорогу между скал и кустов. Она часто давала ему отдыхать на крутых подъемах, иногда сходила с седла, чтоб ему было легче. Тогда она опускала руку в карман своего белого платья и доставала для него несколько кусков сахара.

В первый раз Сумрак отнесся к сахару подозрительно. Он понюхал белый кусок и захрапел, но наездница держала сахар у него под носом, пока он не куснул его. Это было неплохо, и он куснул его снова, и еще, и еще, а потом пришло время, когда он стал ожидать кормежки. Случалось ему даже останавливаться и оглядываться назад, на свою всадницу, всем своим видом давая понять, что ему хочется еще, а когда она стояла рядом с ним, он старался залезть к ней мордой в карман и добратся до сахара.

Если б всадница знала, что есть для лошади более сытная пища, чем сахар, она наполнила бы свои карманы зерном или чем-нибудь в этом роде. Но она не знала этого и делала так, как ей казалось лучше.

Пришли теплые весенние дни – дни, когда люди и животные тянутся туда, где солнце и ярче и жарче. Отшумела последняя буря, и с нею окончился отдых Сумрака. Лошади хотелось на волю, когда в ослепительный день девушка пришла и оседлала его. Ей тоже хотелось на волю, ее чувства согласны были с чувством Сумрака.

Сумрак вышел из стойла, и казалось, к ногам его вернулась прежняя гибкость: копыта летели, не чувствуя под собой земли. Старая лошадь вела себя так, будто все в ней просило бега, и у девушки не хватало духу сдерживать ее бодрый порыв. К тому же хозяин конюшни сказал ей однажды, что небольшая пробежка не может повредить Сумраку, потому, спокойно пригнувшись в седле, она предоставила лошади полную волю.

Сумрак отхватывал мило за милей, и виды по сторонам сменялись, как в калейдоскопе. По мере того как он разогревался на бегу, скованность в его членах проходила, он чувствовал себя вновь молодым и брал крутые подъемы, как сильный четырехлеток. Пот потек с него струйками, а потом превратился в белую пену.

Вся его шкура взмокла, и пар повалил от горячего тела, но ему все хотелось скакать, его, как и всадницу, охватило волнение бега, и оба они не понимали, что хорошее дело зашло уже слишком далеко. Волосы девушки летели по ветру, она потеряла свою шляпу, но ей было не до того. Нестись вперед, разрезая ветер, – вот все, что она знала, щеки пылали, лицо улыбалось – она вся была полна радости, жизни и стремления вперед.

Тропинка шла вдоль реки, вверх по каньону, она становилась круче и круче, и старая лошадь дышала все тяжелей и тяжелей, пока, наконец, ее широко раскрытые ноздри не могли уже больше ловить столько воздуха, сколько было ей нужно. Она должна была замедлить свой бег или пасть на пути, но Сумрак не замедлил галопа и ничем не показал, что хочет остановиться. Он был из тех лошадей, которые никогда не сдадутся и будут нестись вперед, пока не остановится сердце.

Девушка не думала ни о чем и продолжала скакать, всем своим существом наслаждаясь чудесным бегом. Она могла бы скакать на старом коне, пока он не умер бы, но тропинка вдруг оборвалась, и дальше нельзя было идти. Дорога размыта была вешними водами, и глубокий овраг шириною в десять футов перерезал надвое склон каньона.

Она остановилась и, очнувшись от забытья, стала искать брода, но брода не было, и единственное, что оставалось, – это повернуть назад по той же тропинке. Она положила руку Сумраку на шею, будто хотела сказать ему: «Вот досада, нет пути», но слова замерли у нее на губах. Она онемела, заметив пот и пену, которыми покрыта

была лошадь, а потом, как тяжело она дышит.

Волнение скачки сразу сменилось тревогой и испугом. Она отшатнулась от лошади и посмотрела на нее широко раскрытыми глазами: никогда она не видала, чтобы лошадь так тряслась и дрожала. Казалось, она едва стояла на ногах, покачиваясь назад и вперед, будто каждый миг готова была свалиться. Дымка был запален, и то, как он шатался, наполнило ее ужасом. Она должна была действовать, и действовать быстро.

Первое, что пришло ей в голову, - это постараться остудить его, прежде чем он, как она думала, обомрет от жара. Она бросилась к седлу и возилась с ремнями, пока не распустила подпругу, потом сняла седло и кинула наземь вместе с потником. Пар поднялся со спины лошади, и при виде этого девушка взволновалась пуще прежнего. Тут она заметила внизу, чуть-чуть в стороне, горный поток.

Осторожно провела она лошадь к нему и потом, стараясь придумать, как бы поскорее остудить Сумрака, решила, что лучше всего будет ввести его в воду там, где вода поглубже. Она прыгала с камня на камень, пока не нашла места, где вода была выше колена. Здесь она поставила Сумрака, а сама, сложивши ковшиком руки, принялась плескать холодную снеговую воду ему на грудь, на плечи и на спину.

Она работала с полчаса, пока лошадь наконец не перестала дрожать и, казалось, остыла достаточно и дышит нормально. Немного погодя лошадь напилась и потом напилась еще раз, и, глядя на нее, девушка решила, что худшее позади и лошадь спасена. Она, улыбнувшись, похлопала Сумрака по шее и порадовалась тому, что к нему вернулся его обычный вид.

Солнце спешило к высоким западным отрогам, когда ей показалось, что Сумрак оправился окончательно и можно отправляться назад. Он успел обсохнуть, и ему не было жарко, она все время держала его в тени, а так как горная тень не слишком тепла в это время года, старая лошадь чуть не дрожала от холода к тому времени, когда девушка повела ее к седлу и положила его ей на спину.

По сравнению со скачкой вверх по каньону обратный путь был похож на похоронное шествие: всю дорогу лошадь шла медленным шагом, и все время всадница выбирала тропинки, где было полегче идти. Ее тревожило то, что Сумрак стал на себя не похож: его шаг был неверен, он то и дело спотыкался на ровном месте и качался, как будто от слабости.

Давно уже было темно, когда они добрались до конюшни, конюх стоял у ворот и ждал их. Он встретил ее с улыбкой и спросил:

- Напоили вы Сумрака перед прогулкой?

- Нет, - ответила она, - но я напоила его в горах, прежде чем возвращаться назад.

- Я спросил потому, что новый конюшенный мальчик, которого я нанял, забыл напоить его утром или думал, что я напою.

Седому человеку не пришлось ездить на следующий день на Сумраке, потому что лошадь едва могла выйти из стойла, ее ноги были как деревянные палки и совершенно не гнулись. Голова ее опущена была к самой земле, и она не дотронулась до брошенного в ясли сена.

В полдень в конюшню пришла девушка и готова была заплакать при виде Сумрака, но как раз подошел хозяин, и она постаралась сдержать свои слезы.

- Похоже на то, что лошадь обезножела, - сказал он, останавливаясь около Сумрака.

Он не спрашивал девушку, что она сделала с лошастью: и без того ему все было ясно. Когда сдаешь лошадей напрокат, таких случаев не избежать, к тому же девушка была так расстроена, что у него не хватило духу упрекать ее, и он как мог постарался ее утешить.

- Я буду лечить его всеми средствами, и, быть может, мне удастся его немножко поправить.

У девушки в глазах блеснула надежда.

- Можно мне приходить вам помогать?

С этого дня все время, которое обычно она тратила на верховую езду, она проводила в конюшне с Сумраком. Повязки и лекарства всякого рода были куплены и пущены в ход, и содержатель двора, глядя, как она выбивается из сил, только покачивал головой. Он знал, что в этом не было прока, и если бы лошадь и выкарабкалась из болезни, ей не ходить уже больше под седлом.

Лошадь обезножела. Двадцать четыре часа без воды, быстрая скачка, пот и купанье в ледяном потоке, потом ледяной водопой - все это скрутило ее так, что больше она не годилась ни для чего, разве для того, чтобы шагом тащить повозку.

Месяц прошел, а лечение все продолжалось, девушка не теряла надежды, а потом настал день, когда, придя в конюшню, она не нашла там Сумрака. Она бросилась за хозяином и, обегав весь двор, отыскивала его на сеновале.

- Я решил, - сказал он, - что лучше его выпустить на волю. Тут, поблизости, к северу, есть хорошие пастбища, и я отвел его туда, чтобы он поправился на подножном корму.

Но в этих краях не было хороших пастбищ, сколько ни скачи. Содержатель двора солгал, щадя чувства девушки. Выпустить лошадь на волю - значило уморить ее голодной смертью, а держать и кормить бесполезное животное не имело смысла, и ему оставалось одно: он продал Сумрака человеку, который скупал старых лошадей и убивал их на корм для цыплят.

XIV. СМЕРТЬ И ВЕСНА

Человек, скупавший старых кляч и разбитых одров, увел его с собой. У него было маленькое пастбище неподалеку от города, и туда-то он притащил Сумрака. Он пустил его к таким же старым коням, как и он, чтобы держать его там до тех пор, пока кому-нибудь из «цыплятников» не понадобится туша птице на корм. Тогда он выберет из всех лошадей ту, которой меньше всего осталось жить на свете, убьет ее и отвезет прочь.

Мышастой лошади, казалось, недалеко до могилы. Теперь у нее уже не было имени. Она была теперь только «цыплячьей сытью», и все, чем она была когда-то, должно было быть стерто треском ружейного выстрела.

Но старая лошадь не хотела еще сдаваться. Кое-как она могла еще двигаться на своих разбитых, негнущихся ногах, лечение помогло ей больше, чем можно было ожидать, и свобода, с которой она могла бродить по пастбищу, оказалась лучшим лекарством.

Кроме того, ее старое сердце было еще сильно, немного мяса уцелело еще на ребрах, и, пока хватало травы, она чувствовала себя превосходно.

В течение нескольких недель то и дело приходил человек, вылавливал самую жалкую клячу и уводил ее с пустыря. Раздавался звук выстрела - кляча больше не возвращалась. Новых лошадей пригоняли на пастбище, и снова они исчезали одна за другой.

Старая мышастая лошадь выглядела так, будто намерена была прожить еще целую вечность, во всяком случае, человек, осматривая свой «табун», всегда находил какую-нибудь клячу, которая собиралась подохнуть раньше.

Потом однажды он пришел и снова перебрал всех своих лошадей. На этот раз он остановил свой выбор на лошади, которая прежде называлась Сумраком. Ее поймали и увели точно так же, как уводили других, но звука выстрела не было слышно. Вместо выстрела слышались громкие голоса. Сумрака поставили рядом с клячей, запряженной в легкий возок. Мешок с костями еле держался в оглоблях.

Двое людей долго спорили, насколько Сумрак лучше этой клячи, потом

торговля была кончена, и они хлопнули по рукам. Хозяин Сумрака сунул в карман три доллара, потом клячу выпрягли вон из возка, содрали с нее упряжь и пустили на пастбище к другим одрам.

Старое сердце Сумрака дрогнуло от обиды, когда ту же упряжь подняли и бросили ему на спину. Он захрапел, почувствовав, как застегивают на нем сбрую, но запрягавший его человек и внимания не обратил на то, что лошади не по вкусу хомут и шлея.

Он продолжал прилаживать сбрую, а потом дернул лошадь назад и вдвинул ее в оглобли той самой повозки, из которой только что была выпряжена кляча. Сумрак храпел и косил глазами то в одну сторону, то в другую, когда поднялись оглобли повозки. У него не было сил бороться... Все, что он мог, - это храпеть, и дрожать, и мотать головой.

Но когда все было готово и человек, вскочив на повозку, щелкнул кнутом, Сумрак в отчаянье попытался сопротивляться. Он раза два брыкнул гремящую вещь на колесах, к которой был привязан, попробовал вскинуть задом, потом ударился в бегство.

Но гремящая вещь бежала за ним по пятам, и к тому же он почувствовал жгучий удар кнута. Удила рвали ему рот, и старая лошадь поняла, что борьба бесполезна.

Сумрак поскакал жалким галопом, потом столь же убогой рысью и шагом. Снова ужалил кнут, железо дернулось во рту, и Сумрак, продолжая тащить повозку, свернул в переулок. В конце этого переулка стоял сарай, сколоченный из обломков старых досок и покрытый жестью старых банок из-под керосина. Немного дальше и правее его был еще один сарай, поплоче первого, - он должен был служить Сумраку кровом после работы.

Здесь его остановили, выпрягли, подвели к кормушке и привязали. Двери конюшни с шумом захлопнулись, и немного погодя старая лошадь, продолжая цепляться за жизнь, сунула морду в ясли. Она захватила клочок чего-то, что показалось ей сеном, и стала жевать его, но пожевала недолго: длинные бурые стебли имели вкус плесени и нисколько не похожи были на сено. То, что теперь лежало у Сумрака в кормушке, на прокатном дворе служило ему подстилкой. Это была солома, но солома заплесневелая, из которой не вышло бы даже хорошей подстилки.

Сумрак почувствовал голод задолго до наступления утра и часто ночью тыкался мордой в гнилую солому в надежде найти хоть немного стеблей, которые заполнили бы его пустое брюхо, но он не нашел их. Старый мешок с костями до него в той же кормушке искал съедобного сена - и с тем же успехом. Новый хозяин Сумрака считал, что всего дешевле выменивать лошадей у «цыплятника» и давать ему несколько долларов в придачу. Он не намерен был покупать дорогого сена. И на подстилочной соломе всякая лошадь могла протянуть добрых полгода, а там, если лошадь уже не годилась для работы, он всегда мог выменять ее на другую. «Цыплятник» находил место для всякой - для толстой, для тощей - и не дорожился, когда уступали ему клячу, в которой еще оставалось немного сил. Так из года в год он высасывал последние остатки жизни из каждой лошади, которая попадала к нему в лапы.

Земли у него было несколько акров. Половину этой земли составляли голые скалы, посреди которых он держал кур, для них он покупал или крал немного зерна, но они возмещали его сторицей, и всякий раз, когда он отправлялся в город, у него в повозке была корзина яиц. Другую половину земли он обрабатывал, здесь росли у него овощи всевозможных сортов. Тут-то ему и нужна была помощь лошади - то для плуга, то для того, чтобы возить овощи в город, а раз уж он был в городе, то и для всякой, какой ни на есть работы, на которой можно было зашибить пару-другую долларов.

Рано утром началась работа для Сумрака. Человек оскалил зубы в улыбку, когда, надевая на лошадь уздечку, взглянул в кормушку и увидел нетронутую солому.

- Ничего, ничего, проголодаться, пока помрешь, успеешь, - засмеялся он.

В этот день Сумрак познакомился с целой кучей всяких работ и обязанностей. Все они ничуть не похожи были на ту работу, которой когда-то учил его Клинт. Он только и знал, что тащить, тащить и тащить вдоль борозды, потом поворот, и обратно, и снова вперед. Стоило ему замедлить ход, остановиться в нерешительности - кнут опускался на его спину и заставлял его принимать решения быстрее. Мускулы его, развившиеся под седлом, привыкли к одной работе и теперь не легко соглашались привыкнуть к другой. Влезать в хомут и тащить за собой тяжесть - можно ли было сравнить эту работу со скачкой за ошалелым быком, с битвами на аренах родео? Катанье по городу всадников и то было лучше: он чувствовал себя под седлом хоть сколько-нибудь да свободным. А теперь эта упряжь опутала его со всех сторон, он чувствовал себя связанным, ему казалось, что эти ремни обвиваются вокруг его сердца и не дают ему биться.

По мере того как дни собирались в недели, работа в поле и огороде, кнут и гнилая солома начали сказываться на Сумраке. Все ему стало безразлично - и обида и ласка не трогали его равно. Как будто ничего не сознавая, слушался он вожжей, и когда наконец с наступлением ночи его вводили в конюшню, он жевал гнилую солому, не замечая ее вкуса, потому только, что она лежала у него под носом. Ему теперь было безразлично все на свете.

Среди всех работ, перепавших в городе на долю владельца Сумрака в те дни, когда ему удавалось развязаться с повозкой и с фермой, была одна, которой он ждал всегда с нетерпением, при одной мысли о которой он потирал руки от удовольствия. Это была расклейка афиш, объявляющих об открытии «Ежегодного родео и народных гуляний», которые устраивались в городе каждую осень. И не одна расклейка - в эту пору находилось для него немало других работ такого же рода, работ, где никто не мог проверить, что сделано им, а что отложено до другого раза.

В этот год, как и всегда, он готов был взяться за эту работу. Он запряг старую мышастую лошадь и, прихватив с собой несколько корзин овощей, чтобы не ехать порожняком, покатыл в город. Весь день он колесил по городу, выполняя всякие поручения, полученные от устроителей родео, и весь день гонял старую лошадь рысью, даже тогда, когда на повозке был груз.

Позднею ночью поворачивал он усталую лошадь домой. Для него каждый день казался праздником, потому что в городе было пропасть народа, по большей части приезжего, и с каждым можно было перекинуться словечком, а с иными и наболтаться всласть.

Эти приезжие слетались, чтобы побывать на родео, почти все они были из окрестных городов, и что ни шаг, можно было увидеть в толпе широкополую шляпу ковбоя, который приехал, чтобы скакать и арканить, показывать свое искусство в объезде дичков и в работе с быками. А в Каса-Гранд-Отеле шла регистрация скупщиков скота, прибывших из северных штатов.

Они съехались сюда, чтобы покупать скот, валом валивший через границу из Мексики.

Скотопригонные рынки пограничных городов были полны скота, а гостиницы были полны скупщиками. А в Каса-Гранд-Отеле их было всего больше, потому что между делом здесь можно было и поразвлечься. В городе открылось родео и ночные гулянья, а так как эти скупщики в душе оставались такими же ковбоями, какими были когда-то, они не могли отказать себе в удовольствии поглядеть на объездку брыкливых коней - поглядеть, посмеяться и позубоскалить.

- Ей-ей, в городе жизнь кипит! - говорили они.

Как-то утром двое приезжих сидели на крытой веранде отеля и толковали о событиях первого дня родео. Прямо перед их глазами, у обочины тротуара, стоял телеграфный столб, а на нем афиша родео с фотографией дающей «свечку» лошади и с описанием подвигов... «Серого Кугуара, единственной брыкливой лошади, которая по

силе и свирепости может справиться с Кугуаром - знаменитым в свое время «людоедом».

Двое приезжих толковали о родео, и, понятно, разговор зашел у них о Сером Кугуаре и о том, «как он умеет брыкаться».

- Ребята говорили мне, - сказал один из них, - что Серый Кугуар в подметки не годится настоящему Кугуару в смысле норова. Похоже, то был просто дьявол!

Они продолжали беседовать на эту тему, когда как раз перед телеграфным столбом, к которому прибита была афиша о Сером Кугуаре, остановилась повозка с зеленой, запряженная мышастой лошастью.

Человек на веранде усмехнулся слегка при виде старой лошади, которая стояла как бы для сравнения с знаменитым серым бойцом, потом, указывая на нее пальцем, заметил:

- Глянь-ка, Клинт, не старый ли это Кугуар? Цвет-то у них одинаковый.

Человек, которого звали Клинтом, улыбнулся было, но улыбка сошла с его лица, когда он, присмотревшись к старой лошади, увидел, в каком она была состоянии, потом, заметив у лошади на спине следы седла, он сказал:

- Нельзя знать, быть может, когда-то и на нее было трудно сесть, но во всяком случае это было очень давно.

- Да, - согласился другой, - это чудо, как она еще может ползать. Интересно, куда девался этот человек из Общества защиты животных, что все вертелся там, на родео. Я охотно помог бы вздернуть на вешалку негодяя, который гоняет такую развалину.

Скоро разговаривающие увидели, как из ворот отеля вышел человек с пустой корзиной и взобрался на повозку, в которой запряжена была мышастая лошадь. Он сразу взялся за кнут и за вожжи и принялся работать, чтобы пустить лошадь рысью.

Клинт готов был вскочить, когда увидел, как кнут опустился на шкуру лошади, но другой удержал его за руку.

- Брось, старина, его живо накроет Защита животных.

Человек, которого звали Клинтом, уселся снова, но у него все кипело внутри, и он был не слишком словоохотлив, когда его собеседник переменял разговор, стараясь уйти от старых лошадей и тому подобных тем. Он не сразу ответил, когда его приятель повел речь о северном крае. Правда ли, дескать, что «Рокин Р.» через год, через два ликвидирует свои дела?

- Почему, скажи-ка? - спросил он Клинта.

Клинт обернулся к нему и, усмехаясь тому, как он ловко перевел разговор на другую тему, ответил:

- Надо думать, Старый Том чувствует, что скоро его хватит кондрашка, а кроме того, его заели новые компании и дела у него сходят на нет.

- А ты что собираешься делать, когда закроется «Рокин Р.»? Ты вот уже сколько раз уезжал оттуда за последние годы и все возвращаешься назад, будто свет клином сошелся на этих местах.

- Я стал оседлым человеком, - сказал Клинт, понемногу заинтересовываясь новой темой. - Ты знаешь тот лагерь, где я объезжал лошадей, когда только начал работать для «Рокин Р.»? Так вот, мы с ребятами покупаем этот лагерь у Старого Тома Джервиса, вернее, мы сговорились с ним, что при ликвидации он будет продан нам - лагерь и тысяча акров прерии вокруг него. Я думаю, этот гурт скота, что я здесь собираю сейчас, - последний, который я покупаю для Старого Тома. Буду хозяйствовать сам...

Пришел последний день родео, и Клинт в ту же ночь должен был отправляться на Север с закупленным для Старого Тома транспортом скота. Под вечер он сидел со своим другом на веранде отеля, излагая ему свои планы на будущее, и снова они увидели, как у телеграфного столба, на том же точно месте, что и несколько дней назад,

остановилась повозка, запряженная старой мышастой лошастью.

На этот раз оба заметили ее сразу, и беседа их почему-то прервалась. Они невольно задумались: эта старая тень лошади привела им на память жестокие удары жизни, события, которые давно уплыли в прошлое, и дни, которых было не вернуть. Что-то забытое, заглушенное новыми радостями и печалью, заворочалось в душе у Клинта при виде этой лошади. Он не мог оторвать глаз от морды с белой отметиной и прочного костяка, хотя на всем этом лежала печать многих испытаний и перемен.

Зеленщик уселся на передок повозки и взялся за кнут. Приятель Клинта, снова пытаясь отвлечь внимание друга, спросил его:

- Что случилось с той лошастью, с Дымкой, которая...

Но Клинта уже не было возле него. Только хлопнула дверь веранды, и в окне мелькнула фигура пробежавшего мимо ковбоя. В мгновение ока он был уже на повозке, бульдожьей хваткой вцепился в оторопевшего зеленщика и сбросил его с передка на землю...

В конторе шерифа телефон зазвонил так, что аппарат заплясал на столе джигу, и когда тот поднес к уху трубку, он услышал оглушительный женский визг: «Кого-то убивают кнутом возле Каса-Гранд-Отеля! Ради бога, скорей, бегите скорей!»

Шериф появился на сцене и сразу понял, в чем дело.

Как человек, знающий свое дело, еще на бегу он постарался выяснить, из-за чего произошла свалка. Он взглянул на старую лошадь, ребра которой протыкали шкуру, и на следы кнута на ее спине. Он знал лошадей не хуже, чем знал людей, и когда он увидел следы того же кнута на лице у человека, который лежал на земле, он усмехнулся и остановился посреди мостовой.

- Слышь, ковбой, - сказал он не спеша, - эдак от него ничего не останется, а нам ведь придется составлять протокол. Мне неохота бегать потом по улицам и расспрашивать, кто это был.

Клинт обернулся при звуке его голоса, смерил взглядом шерифа, потом снова наклонился над своей жертвой и сломал кнутовище об его голову, затем он вытер свои руки и стал выпрягать лошадь из повозки.

Этот вечер ушел на «расследование». Клинт с шерифом отправился к «цыплятнику» и узнал от него о зеленщике и его способах обращения с лошадьми достаточно много, чтобы посадить этого человека в холодок и подержать его там малую толику времени.

- Я рад, что мы выяснили «подвиги» этого парня, - заметил шериф, направляясь вместе с Клинтом на извозничий двор - следующее звено «расследования».

Клинт с замирающим сердцем слушал рассказ владельца конюшен о мышастой лошади. Сперва он рассказывал о Сумраке, потом стал углубляться дальше и дальше в его историю и дошел до того времени, когда по всему Юго-Западу и другим местам он был известен под именем Кугуара, как самая неукротимая и свирепая лошадь, какую только видала страна.

Клинт слушал это с гордостью. Он слышал о Кугуаре и его необыкновенных качествах далеко за Канадской железной дорогой и теперь повторял про себя: «Дымка никогда ничего не делал наполовину». Но ему хотелось знать, как случилось, что лошадь превратилась в Кугуара.

Хозяин не знал этого - он не думал, чтобы лошадь была когда-либо чем-нибудь другим.

- В первый раз, - сказал он, - ковбои увидели ее в пустыне, в табуне диких коней и с седлом на спине. Никто не заявлял на нее претензий, и так как эта лошадь охотно брыкалась и дралась, ее продали для родео, и - верьте мне, старому ездоку, - она умела брыкаться.

- Так, - сказал шериф, - одно звено выпало, и нам его не найти.

Ночью к составу, груженному мычащим и ревушим скотом, был прицеплен

паровоз, и длинная вереница вагонов потянулась на Север. В заднем вагоне, где было просторней всего, отгорожено было место, а в загородке был ворох хорошего сена, бочонок с водой и старая лошадь мышастой масти.

Эта зима не похожа была на другие Дымкины зимы. Первую часть этой зимы он провел как во сне, не отдавая себе ни в чем отчета, не видя ничего вокруг.

Клинт поставил лошадь в теплое стойло, наполнил кормушку лучшим сеном, какое можно было достать, и даже на пол постлал такое же сено, вода была тут же, в стойле, и до нее легко было добраться. Потом ковбой накопил на много долларов всяких лекарств и снадобий, которым впору было оживить даже мертвое тело.

Два месяца не было никаких признаков улучшения, но Клинт продолжал ходить за лошадью, не теряя надежды. Он ввел бы старую лошадь к себе в дом и уложил бы ее в кровать у печки, если бы это могло помочь, он сделал бы все, что от него зависело, ради того только, чтобы искра жизни показалась в глазах у старой лошади. Но все возможное было уже сделано, и, кладя руку на старый, костлявый загривок и трогая старую шкуру, он проклинал весь свет и мечтал дорваться до того, кто довел Дымку до такого состояния.

Наконец, после многих дней забот и тревог, Клинт с улыбкой радости начал замечать, что шкура лошади становится глаже, еще неделя - и тонкий слой мяса вырос между костями и кожей. Потом в глазах у лошади появился блеск, и скоро в ней проснулся интерес к тому, что было вокруг.

Слой мяса за слоем, а там и жирок заполняли ямы и округляли углы Дымкиного костяка, понемногу интерес Дымки к окружающему рос, и он стал даже замечать Клинта, который все приходил, уходил, гладил его и разговаривал с ним.

Клинт весь затрясся однажды, когда в разговоре с лошадью он назвал имя Дымка и лошадь вскинула ухо.

Лошадь поправлялась быстро, и к тому времени, когда утихли зимние бури и где-то вдали показалась весна, не приходилось уже бояться, что Дымке скоро придет конец.

Когда дни стали длиннее и солнце теплей, Клинт начал выводить Дымку из конюшни и выпускать его на прогулку на солнце. Дымка часами простаивал на месте, потом уходил далеко, но к заходу солнца он всегда был уже у дверей своего стойла, и Клинт впускал его внутрь.

Клинт подолгу смотрел на лошадь, когда она была на свободе, и все гадал: помнит ли Дымка родное пастбище и прежнюю жизнь или память об этом стерли удары, полученные от чужих людей и в чужих краях? Немного миль было до того места, где он родился, высокие горы, еще покрытые снегом, - в этих горах он вырос, по ним он гремел копытцами, когда сосунком играл у матери под боком. В кораль, стоявший рядом с конюшней и навесами, его загнали, чтоб впервые наложить тавро, и здесь же он был объезжен. Но больше всего хотелось знать Клинту, помнит ли Дымка его.

Ковбой надеялся, что когда-нибудь Дымка встретит его поутру приветственным ржанием. Клинт чувствовал: если лошадь вспомнит его, она заржет, как бывало. Но утро проходило за утром, Дымка, казалось, полон был жизни и снова стал гладок, как прежде, но знакомого ржания не было слышно.

- Да, отбили ему душу, - грустно сказал Клинт однажды, глядя на Дымку.

Наконец весна вступила в свои права и прикончила зиму. Зеленые склоны появились на месте снежных террас, и тополи вдоль ручьев выбросили липкие почки. В один из ясных весенних дней, проезжая по прерии, Клинт наткнулся на табун лошадей. В табуне было два молодых сосунка - им было по несколько дней, - и, зная, как любят старые лошади таких малышей, ковбой подумал, что вид их может изгладить из сердца Дымки еще несколько жгучих рубцов и вызовет приятные воспоминания. Он припустил за табуном и погнал лошадей к коралю.

Когда Дымка, который был в этот день на свободе, увидел табун, он вскинул голову. Потом он заметил двух малышей и, собравши всю быстроту, какая была в нем, понесся напрямик к табуну.

Клинт загнал его вместе со всеми другими в кораль и, сидя в седле у ворот, смотрел, как Дымка знакомится с табуном. Увертываясь от копыт и укусов, старая лошадь бегала взад и вперед среди других лошадей, и в глазах у нее появился блеск, которого Клинт давно не видал.

Ковбою казалось, будто Дымка улыбается маленьким сосункам, он удивился, сколько сохранилось в нем жизни и свежести. Дымка вел себя, как двухлеток, и Клинт засмеялся.

- Клянусь его старой шкурой, - сказал ковбой, - похоже на то, что он будет жить и радоваться жизни еще немало лет! - Потом он добавил задумчиво: - И может быть, теперь он меня узнает.

Он посмотрел на Дымку еще немного и, решив наконец, что лучше всего отпустить его на волю, выехал за ворота коралья и открыл дорогу табуну. Старая лошадь остановилась в нерешимости, когда табун понесся прочь, - ей хотелось быть с табуном, но что-то удерживало ее на месте, потом послышалось ржание, и хотя это ржание не было обращено к нему, его достаточно было, чтоб вывести Дымку из колебания. Он галопом поскакал к табуну.

Один из жеребят, полный игры, перехватил его на полдороге и, покусывая старую лошадь за бока, бежал рядом с нею, пока они не догнали табун.

Клинт сидел на коне и смотрел, как скачет и скрывается за гребнем гор табун, при последнем взгляде на мышастый круп, он улыбнулся слегка, но улыбка была грустна, и, глядя вслед ускользавшему Дымке, он сказал:

- Никогда он меня не узнает.

Зеленая трава подрастала на добрый дюйм в сутки, так что Клинту нечего было тревожиться за старого Дымку.

При всем желании ни одна лошадь не сумела бы умереть в эту пору года на таком пастбище, а через пару дней Клинт мог отыскать своего старого друга и посмотреть, как он себя чувствует на свободе. Но, как назло, привалила пропасть работы, которая задержала ковбоя и помешала ему поехать за Дымкой так скоро, как он хотел, а потом как-то ярким ранним утром, когда он вышел, чтобы набрать ведро воды, утреннее солнце бросило тень на дверь. Когда он поднял голову, раздалось ржание.

Клинт выронил ведро из рук от неожиданности и удивления, потому что в двух шагах от двери, блестящая и гладкая, стояла старая мышастая лошадь...

Заботливый уход ковбоя поставил ее на ноги, а родная прерия вернула ее к жизни...